

84.3P1
4-56

Сочиненія А. П. Чехова.

Томъ X.

Антонъ Чеховъ

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ).

Третье изданіе.

Цѣна 1 р. 50 к.

Петроградъ.

Изданіе М-ва А. Ф. Маркесъ.

8118

1118 ✓

И

Сочиненія А. П. Чехова.

Томъ X.

Антонъ Чеховъ.

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ).

Третье изданіе.

32.56 lotz

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

с
~~1911~~
 МУК ЦБС
 Первоуральск
 Книгохранение

19112

Городская библиотека № 3
 Первоуральск. ЦБС
 ул. Трубников - 46-а

№ 8652

8111

10000

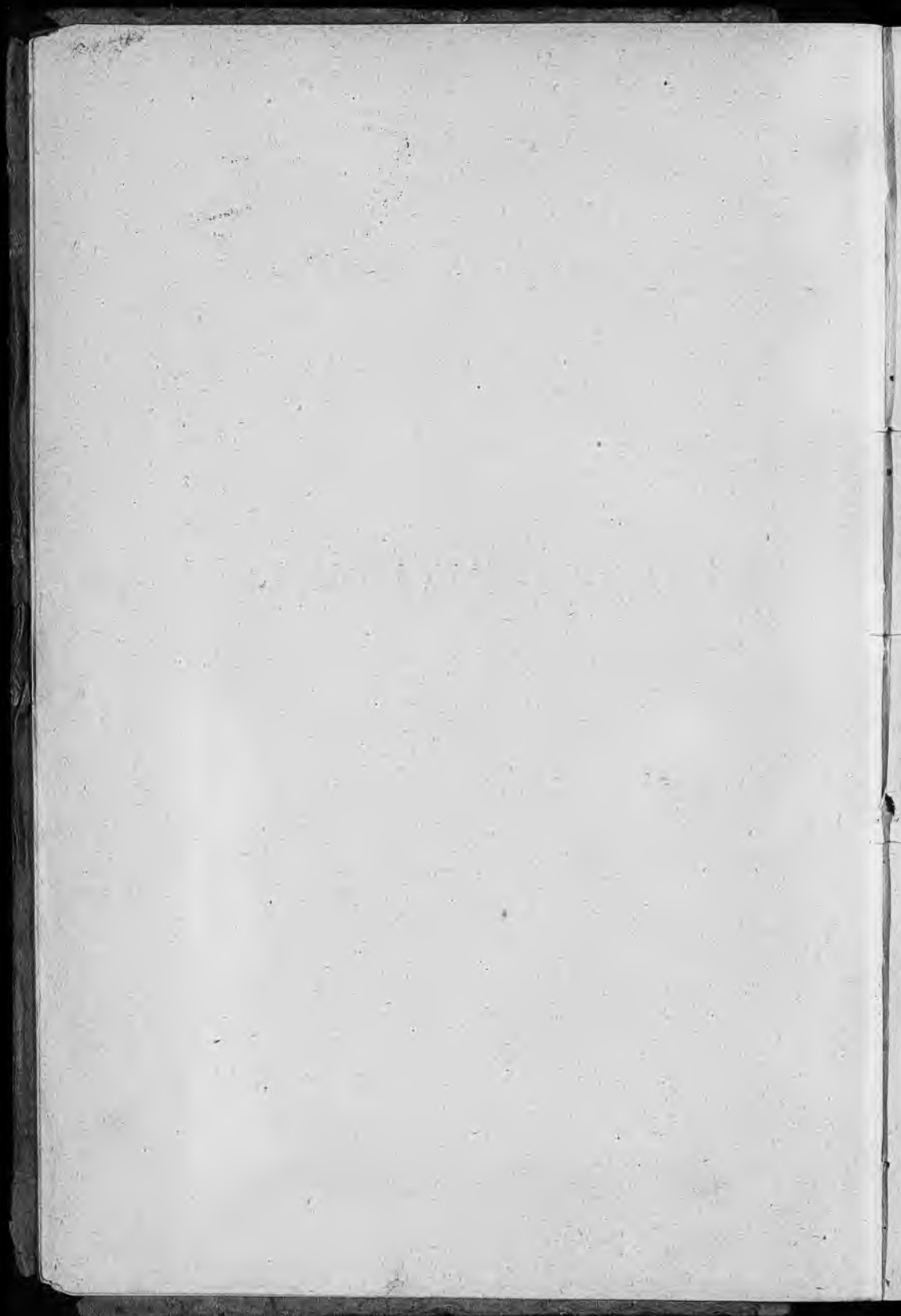
Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измаил. просп., № 29.

ВЪ СТОЛБЦАХЪ
ИЗДАНЫХЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВОМЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВОМЪ

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

I.

Г. Николаевскъ на Амурѣ. — Пароходъ *Байкаль*. — Мысь Пронге и входъ въ Лиманъ. — Сахалинъ полуостровъ. — Лаперузъ, Браунтъ, Крузенштернъ и Невельской. — Японскіе изслѣдователи. — Мысь Джаре. — Татарскій берегъ. — Де-Кастри.

5 іюля 1890 г. я прибылъ на пароходѣ въ г. Николаевскъ, одинъ изъ самыхъ восточныхъ пунктовъ нашего отечества. Амуръ здѣсь очень широкъ, до моря осталось только 27 верстъ; мѣсто величественное и красивое, но воспоминанія о прошломъ этого края, рассказы спутниковъ о лютой зимѣ и о не менѣе лютыхъ мѣстныхъ нравахъ, близость каторги и самый видъ заброшеннаго, вымирающаго города совершенно отнимаютъ охоту любоваться пейзажемъ.

Николаевскъ былъ основанъ не такъ давно, въ 1850 г., извѣстнымъ Геннадіемъ Невельскимъ, и это едва ли не единственное свѣтлое мѣсто въ исторіи города. Въ пятидесятые и шестидесятые годы, когда по Амуру, не щадя солдатъ, арестантовъ и переселенцевъ, насаждали культуру, въ Николаевскѣ имѣли свое пребываніе чиновники, управлявшіе краемъ, наѣзжало сюда много всякихъ русскихъ и иностранныхъ авантюристовъ, селились поселенцы, прельщаемые необычайнымъ изобиліемъ рыбы и звѣря, и, повидимому, городъ не былъ чуждъ человѣческихъ интересовъ, такъ какъ былъ даже случай, что одинъ заѣзжій ученый нашель

нужнымъ и возможнымъ прочесть здѣсь въ клубѣ публичную лекцію. Теперь же почти половина домовъ покинута своими хозяевами, полуразрушена и темныя окна безъ рамъ глядятъ на васъ, какъ глазныя впадины черепа. Обыватели ведутъ сонную, пьяную жизнь и вообще живутъ впроголодь, чѣмъ Богъ послалъ. Пробавляются поставками рыбы на Сахалинъ, золотымъ хищничествомъ, эксплуатаціей инородцевъ, продажей понтовъ, т. е. оленьихъ роговъ, изъ которыхъ китайцы готовятъ возбуждательныя пилюли. На пути отъ Хабаровки до Николаевска мнѣ приходилось встрѣчать не мало контрабандистовъ; здѣсь они не скрываютъ своей профессіи. Одинъ изъ нихъ, показывавшій мнѣ золотой песокъ и пару понтовъ, сказалъ мнѣ съ гордостью: «И мой отецъ былъ контрабандистъ!»—Эксплуатація инородцевъ, кромѣ обычнаго спаиванія, одураченія и т. п., выражается иногда въ оригинальной формѣ. Такъ, николаевскій купецъ Ивановъ, нынѣ покойный, каждое лѣто ѣздилъ на Сахалинъ и бралъ тамъ съ гиляковъ дань, а неисправныхъ плательщиковъ истязалъ и вѣшалъ.

Гостиницы въ городѣ нѣтъ. Въ общественномъ собраніи мнѣ позволили отдохнуть послѣ обѣда, въ залѣ съ низкимъ потолкомъ—тутъ зимою, говорятъ, даются балы; на вопросъ же мой, гдѣ я могу переночевать, только пожали плечами. Дѣлать нечего, пришлось двѣ ночи провести на пароходѣ; когда же онъ ушелъ назадъ въ Хабаровку, я очутился какъ ракъ на мели: камо пойду? Багажъ мой на пристани; я хожу по берегу и не знаю, что съ собой дѣлать. Какъ разъ противъ города, въ двухъ-трехъ верстахъ отъ берега, стоитъ пароходъ *Байкалъ*, на которомъ я пойду въ Татарскій проливъ, но говорятъ, что онъ отойдетъ дня черезъ четыре или пять, не раньше, хотя на его мачтѣ уже развѣвается отходный флагъ. Развѣ взять и поѣхать на *Байкалъ*? Но неловко: пожалуй, не пустятъ,—скажутъ, рано. Подулъ вѣтеръ, Амуръ нахмурился и заволновался, какъ

море. Становится тоскливо. Иду въ собраніе, долго обѣдаю тамъ и слушаю, какъ за сосѣднимъ столомъ говорятъ о золотѣ, о понтахъ, о фокусникѣ, пріѣзжавшемъ въ Николаевскъ, о какомъ-то японцѣ, дергающемъ зубы не щипцами, а просто пальцами. Если внимательно и долго прислушиваться, то, Боже мой, какъ далека здѣшняя жизнь отъ Россіи! Начиная съ балыка изъ кеты, которымъ закусываютъ здѣсь водку, и кончая разговорами, во всемъ чувствуется что-то свое собственное, не русское. Пока я плылъ по Амуру, у меня было такое чувство, какъ будто я не въ Россіи, а гдѣ-то въ Патагоніи или Техасѣ; не говоря уже объ оригинальной, не русской природѣ, мнѣ все время казалось, что складъ нашей русской жизни совершенно чуждъ кореннымъ амурцамъ, что Пушкинъ и Гоголь тутъ непонятны и потому ненужны, наша исторія скучна, и мы, пріѣзжіе изъ Россіи, кажемся иностранцами. Въ отношеніи религіозномъ и политическомъ я замѣчалъ здѣсь полнѣйшее равнодушіе. Священники, которыхъ я видѣлъ на Амурѣ, ѣдятъ въ постъ скромное и, между прочимъ, про одного изъ нихъ, въ бѣломъ шелковомъ кафтанѣ, мнѣ рассказывали, что онъ занимается золотымъ хищничествомъ, соперничая со своими духовными чадами. Если хотите заставить амурца скучать и зѣвать, то заговорите съ нимъ о политикѣ, о русскомъ правительствѣ, о русскомъ искусствѣ. И нравственность здѣсь какая-то особенная, не наша. Рыцарское обращеніе съ женщиной возводится почти въ культъ и, въ тоже время, не считается предосудительнымъ уступить за деньги пріятелю свою жену; или вотъ еще лучше: съ одной стороны, отсутствіе сословныхъ предразсудковъ—здѣсь и съ сѣльнымъ держать себя, какъ съ равней, а съ другой—не грѣхъ подстрѣлить въ лѣсу китайца-бродягу, какъ собаку, или даже поохотиться тайкомъ на горбачиковъ.

Но буду продолжать о себѣ. Не найдя пріюта, я подѣ

вечеръ рѣшилъ отправиться на *Байкаль*. Но тутъ новая бѣда: развело порядочную зыбь и лодочники гиляки не соглашаются везти ни за какія деньги. Опять я хожу по берегу и не знаю, что съ собой дѣлать. Между тѣмъ, уже заходитъ солнце и волны на Амурѣ темнѣютъ. На этомъ и на томъ берегу неистово воютъ гиляцкія собаки. И зачѣмъ я сюда поѣхалъ?—спрашиваю я себя, и мое путешествіе представляется мнѣ крайне легкомысленнымъ. И мысль, что каторга уже близка, что черезъ нѣсколько дней я высажусь на сахалинскую почву, не имѣя съ собой ни одного рекомендательнаго письма, что меня могутъ попросить уѣхать обратно,—эта мысль неприятно волнуетъ меня. Но вотъ, наконецъ, два гиляка соглашаются везти меня за рубль, и на лодкѣ, сбитой изъ трехъ досокъ, я благополучно достигаю *Байкала*.

Это пароходъ морского типа средней величины, купецъ, показавшійся мнѣ послѣ байкальскихъ и амурскихъ пароходовъ довольно сноснымъ. Онъ совершаетъ рейсы между Николаевскомъ, Владивостокомъ и японскими портами, возить почту, солдатъ, арестантовъ, пассажировъ и грузы, главнымъ образомъ, казенные; по контракту, заключенному съ казной, которая платитъ ему солидную субсидію, онъ обязанъ нѣсколько разъ въ теченіе лѣта заходить на Сахалинъ: въ Александровскій постъ и въ южный Корсаковский. Тарифъ очень высокій, какого, вѣроятно, нѣтъ нигдѣ въ свѣтѣ. Колонизація, которая, прежде всего, требуетъ свободы и легкости передвиженія, и высокіе тарифы—это ужъ совсѣмъ непонятно. Каютъ-компанія и каюты на *Байкаль* тѣсны, но чисты и обставлены вполне по-европейски; есть пианино. Прислуга тутъ—китайцы съ длинными косами, ихъ называютъ по-англійски—бой. Поваръ тоже китаецъ, но кухня у него русская, хотя всѣ кушанья бываютъ горьки отъ прянаго кери и пахнутъ какими-то духами, въ родѣ корилопсиса.

Начитавшись о буряхъ и льдахъ Татарскаго пролива, я ожидалъ встрѣтить на *Байкаль* китобоевъ съ хриплыми голосами, брызгающихъ при разговорѣ табачною жвачкой, въ дѣйствительности же нашелъ людей вполне интеллигентныхъ. Командиръ парохода, г. Л., уроженецъ западнаго края, плаваетъ въ сѣверныхъ моряхъ уже болѣе 30 лѣтъ и прошелъ ихъ вдоль и поперекъ. На своемъ вѣку онъ видѣлъ много чудесъ, много знаетъ и рассказываетъ интересно. Покруживъ полъ-жизни около Камчатки и Курильскихъ острововъ, онъ, пожалуй, съ большимъ правомъ, чѣмъ Отелло, могъ бы говорить о «безплоднѣйшихъ пустыняхъ, страшныхъ безднахъ, утесахъ неприступныхъ». Я обязанъ ему многими свѣдѣніями, пригодившимися мнѣ для этихъ записокъ. У него три помощника: г. Б., племянникъ извѣстнаго астронома Б., и два шведа—Иванъ Мартынычъ и Иванъ Веніаминычъ, добрые и привѣтливые люди.

8 іюля, передъ обѣдомъ, *Байкаль* снялся съ якоря. Съ нами шли сотни три солдатъ подъ командой офицера и нѣсколько арестантовъ. Одного арестанта сопровождала пятилѣтняя дѣвочка, его дочь, которая, когда онъ поднимался по трапу, держалась за его кандалы. Была, между прочимъ, одна каторжная, обращавшая на себя вниманіе тѣмъ, что за нею добровольно слѣдовалъ на каторгу ея мужъ *). Кромѣ меня и офицера, было еще нѣсколько классныхъ пассажировъ обоюго пола, и, между прочимъ, даже одна баронесса. Читатель пусть не удивляется такому изобилію интеллигентныхъ людей здѣсь, въ пустынѣ. По

---

*) На амурскихъ пароходахъ и *Байкаль* арестанты помѣщаются на палубѣ вмѣстѣ съ пассажирами III класса. Однажды, выйдя на разсвѣтъ прогуляться на бакъ, я увидѣлъ, какъ солдаты, женщины, дѣти, два китайца и арестанты въ кандалахъ крѣпко спали, прижавшись другъ къ другу; ихъ покрывала роса и было прохладно. Конвойный стоялъ среди этой кучи тѣлъ, держась обѣими руками за ружье, и тоже спалъ.

Амуру и въ Приморской области интеллигенція при небольшомъ вообще населеніи составляетъ немалый процентъ, и ея здѣсь относительно больше, чѣмъ въ любой русской губерніи. На Амурѣ есть городъ, гдѣ однихъ лишь генераловъ, военныхъ и штатскихъ, насчитываютъ 16. Теперь ихъ тамъ, быть можетъ, еще больше.

День былъ тихій и ясный. На палубѣ жарко, въ каютахъ душно; въ водѣ $+18^{\circ}$. Такую погоду хоть Черному морю въ пору. На правомъ берегу горѣлъ лѣсъ; сплошная зеленая масса выбрасывала изъ себя багровое пламя; клубы дыма слились въ длинную, черную, неподвижную полосу, которая виситъ надъ лѣсомъ... Пожаръ громадный, но кругомъ тишина и спокойствіе, никому нѣтъ дѣла до того, что гибнутъ лѣса. Очевидно, зеленое богатство принадлежитъ здѣсь одному только Богу.

Послѣ обѣда, часовъ въ шесть, мы уже были у мыса Пронге. Тутъ кончается Азія и можно было бы сказать, что въ этомъ мѣстѣ Амуръ впадаетъ въ Великій океанъ, если бы поперекъ не стоялъ о. Сахалинъ. Передъ глазами широко разстилается Лиманъ, впереди чуть видна туманная полоса—это каторжный островъ;halb, теряясь въ собственныхъ извилинахъ, исчезаетъ во мглѣ берегъ, уходящій въ невѣдомый сѣверъ. Кажется, что тутъ конецъ свѣта и что дальше уже некуда плыть. Душой овладѣваетъ чувство, какое, вѣроятно, испытывалъ Одиссей, когда плавалъ по незнакомому морю и смутно предчувствовалъ встрѣчу съ необыкновенными существами. И въ самомъ дѣлѣ, справа, при самомъ поворотѣ въ Лиманъ, гдѣ на отмели пріютилась гилияцкая деревушка, на двухъ лодкахъ несутся къ намъ какія-то странныя существа, вопятъ на непонятномъ языкѣ и чѣмъ-то машутъ. Трудно понять, что у нихъ въ рукахъ, но когда они подплываютъ поближе, я различаю сѣрыхъ птицъ.

— Это они хотятъ продать намъ битыхъ гусей,—объясняетъ кто-то.

Поворачиваемъ направо. На всемъ нашемъ пути поставлены знаки, показывающіе фарватеръ. Командиръ не сходитъ съ мостика и механикъ не выходитъ изъ машины; *Байкаль* начинаетъ идти все тише и тише, и идетъ точно ошунью. Осторожность нужна большая, такъ какъ здѣсь не трудно състь на мель. Пароходъ сидитъ 12¹/₂, мѣстами же ему приходится идти 14 фут., и былъ даже моментъ, когда намъ послышалось, какъ онъ проползъ килемъ по песку. Вотъ этотъ-то мелкій фарватеръ и особенная картина, какую даютъ вмѣстѣ Татарскій и Сахалинскій берега, послужили главною причиною тому, что Сахалинъ долго считали въ Европѣ полуостровомъ. Въ 1787 г., въ іюнѣ, извѣстный французскій мореплаватель, графъ Лаперузъ, высадился на западномъ берегу Сахалина, выше 48°, и говорилъ тутъ съ туземцами. Судя по описанію, которое онъ оставилъ, на берегу засталъ онъ не однихъ только жившихъ здѣсь айно, но и пріѣхавшихъ къ нимъ торговать гиляковъ, людей бывалыхъ, хорошо знакомыхъ и съ Сахалиномъ, и съ Татарскимъ берегомъ. Чертя на песокъ, они объяснили ему, что земля, на которой они живутъ, есть островъ и что островъ этотъ отдѣляется отъ материка и Иессо (Японіи) проливами *). Затѣмъ, плывя дальше на сѣверъ вдоль западнаго берега, онъ рассчитывалъ, что найдетъ выходъ изъ Сѣверо-Японскаго моря въ Охотское и тѣмъ значительно сократитъ свой путь въ Камчатку; но чѣмъ выше подвигался онъ, тѣмъ проливъ становился все мельче и мельче. Глубина уменьшалась черезъ каждую милю на одну сажень. Плылъ онъ къ

---

*) Лаперузъ пишетъ, что свой островъ они называли Чоко, но, вѣроятно, названіе это гиляки относили къ чему-нибудь другому, и онъ ихъ не понималъ. На картѣ нашего Крашенинникова (1752 г.) на западномъ берѣгу Сахалина показана рѣка Чуха. Не имѣетъ ли эта Чуха чего-нибудь общаго съ Чоко? Кстати сказать, Лаперузъ пишетъ, что, рисуя островъ и называя его Чоко, гилякъ нарисовалъ и рѣчку. Чоко переводится словомъ—мы.

сѣверу до тѣхъ поръ, пока ему позволяли размѣры его корабля, и, дойдя до глубины 9 сажень, остановился. Постепенное равномерное повышеніе дна и то, что въ проливѣ теченіе было почти незамѣтно, привели его къ убѣжденію, что онъ находится не въ проливѣ, а въ заливѣ и что, стало быть, Сахалинъ соединенъ съ материкомъ перешейкомъ. Въ де-Кастри у него еще разъ происходило совѣщаніе съ гиляками. Когда онъ начертилъ имъ на бумагѣ островъ, отдѣленный отъ материка, то одинъ изъ нихъ взялъ у него карандашъ и, проведя черезъ проливъ черту, пояснилъ, что черезъ этотъ перешеекъ гилякамъ приходится иногда перетаскивать свои лодки и что на немъ даже растетъ трава, — такъ понялъ Лаперузъ. Это еще крѣпче убѣдило его, что Сахалинъ—полуостровъ *).

Девятью годами позже его въ Татарскомъ проливѣ былъ англичанинъ В. Браунъ (Broughton). Судно у него было небольшое, сидѣвшее въ водѣ не глубже 9 фут., такъ что ему удалось пройти нѣсколько выше Лаперуза. Остановившись на глубинѣ двухъ сажень, онъ послалъ къ сѣверу для промѣра своего помощника; этотъ на пути своемъ встрѣчалъ среди мелей глубины, но онѣ постепенно уменьшались и приводили его то къ сахалинскому берегу, то къ низменнымъ песчанымъ берегамъ другой стороны, и при этомъ получалась такая картина, какъ будто оба берега сливались; казалось, заливъ оканчивался здѣсь и никакого прохода не было. Такимъ образомъ, и Браунъ долженъ былъ заключить то же самое, что Лаперузъ.

Нашъ знаменитый Крузенштернъ, изслѣдовавшій берега острова въ 1805 г., впалъ въ ту же ошибку. Плылъ онъ къ Сахалину уже съ предвзятою мыслью, такъ какъ пользо-

*) Тутъ кстати привести одно наблюденіе Невельскаго: туземцы проводятъ обыкновенно между берегами черту для того, чтобы показать, что отъ берега къ берегу можно проплыть на лодкѣ, т.е. что существуетъ между берегами проливъ.

вался картою Лаперуза. Онъ прошелъ вдоль восточнаго берега и, обогнувъ сѣверные мысы Сахалина, вступилъ въ самый проливъ, держась направленія съ сѣвера на югъ, и, казалось, былъ уже совсѣмъ близокъ къ разрѣшенію загадки, но постепенное уменьшеніе глубины до $3\frac{1}{2}$ сажень, удѣльный вѣсъ воды, а, главное, предвзятая мысль заставили и его признать существованіе перешейка, котораго онъ не видѣлъ. Но его, все-таки, точилъ червь сомнѣнія. «Весьма вѣроятно,—пишетъ онъ,—что Сахалинъ былъ нѣкогда, а можетъ-быть еще въ недавнія времена, островомъ». Возвращался онъ назадъ, повидимому, съ беспокойною душой: когда въ Китаѣ впервые попались ему на глаза записки Браутона, то онъ «обрадовался не мало» *).

Ошибка была исправлена въ 1849 году Невельскимъ. Авторитетъ его предшественниковъ, однако, былъ еще такъ великъ, что, когда онъ донесъ о своихъ открытіяхъ въ Петербургъ, то ему не повѣрили, сочли его поступокъ дерзкимъ и подлежащимъ наказанію и «заключили» его разжаловать, и неизвѣстно, къ чему бы это повело, если бы не заступничество самого государя, который нашелъ его поступокъ молодецкимъ, благороднымъ и патріотическимъ **). Это былъ энергическій, горячаго тем-

*) То обстоятельство, что трое серьезныхъ изслѣдователей, точно сговорившись, повторили одну и ту же ошибку, говорить уже само за себя. Если они не открыли входа въ Амуръ, то потому, что имѣли въ своемъ распоряженіи самыя скудныя средства для изслѣдованія, а, главное,—какъ гениальные люди, подозрѣвали и почти угадывали другую правду и должны были считаться съ ней. Что перешеекъ и полуостровъ Сахалинъ—не мнѣя, а существовали когда-то на самомъ дѣлѣ, въ настоящее время уже доказано.

Обстоятельная исторія изслѣдованія Сахалина имѣется въ книгѣ А. М. Никольскаго: *Островъ Сахалинъ и его фауна позвоночныхъ животныхъ*. Въ этой же книгѣ можно найти и довольно подробный указатель литературы, относящейся къ Сахалину.

***) Подробности въ его книгѣ: *Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ Востоку Россіи. 1849—1855 г.*

перамента чело́вѣкъ, образованный, самоотверженный, гуман-
ный, до мозга костей проникнутый идеей и преданный ей
фанатически, чистый нравственно. Одинъ изъ знавшихъ
его пишетъ: «болѣе честнаго чело́вѣка мнѣ не случилось
встрѣчать». На восточномъ побережьи и на Сахалинѣ онъ
сдѣлалъ себѣ блестящую карьеру въ какія-нибудь пять
лѣтъ, но потерялъ дочь, которая умерла отъ голода, со-
старился, состарилась и потеряла здоровье его жена, «мо-
лоденькая, хорошенькая и привѣтливая женщина», пере-
носившая всѣ лишения геройски *).

*) Жена Невельского, Екатерина Ивановна, когда ѣхала изъ Россіи
къ мужу, сдѣлала верхомъ 1100 верстъ въ 23 дня, будучи больною,
по топкимъ болотамъ и дикимъ гористымъ тайгамъ и ледникамъ
охотскаго тракта. Самый даровитый сподвижникъ Невельского, Н. К.
Бошнякъ, открывшій Императорскую гавань, когда ему было еще
только 20 лѣтъ, «мечтатель и дитя»,—такъ называетъ его одинъ изъ
сослуживцевъ,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ: «На транспортъ
«Байкаль» мы всѣ вмѣстѣ перешли въ Аянъ и тамъ пересѣли на
слабый баркъ «Шелеховъ». Когда баркъ сталъ тонуть, никто не могъ
уговорить г-жу Невельскую первую съѣхать на берегъ. «Командиръ
и офицеры съѣзжаютъ послѣдними,—говорила она,—и я съѣду съ
барка тогда, когда ни одной женщины и ребенка не останется на
суднѣ». Такъ она и поступила. Между тѣмъ, баркъ уже лежалъ на
боку... Дальше Бошнякъ пишетъ, что, часто находясь въ обществѣ
г-жи Невельской, онъ съ товарищами не слыхалъ ни одной жалобы
или упрека,—напротивъ, всегда замѣчалось въ ней спокойное и
гордое сознание того горькаго, но высокаго положенія, которое пред-
назначило ей Провидѣніе. Она проводила зиму обыкновенно одна,
такъ какъ мужчины были въ командировкахъ, въ комнатахъ съ 50
тепла. Когда въ 1852 г. изъ Камчатки не пришли суда съ провіан-
томъ, то всѣ находились въ болѣе чѣмъ отчаянномъ положеніи. Для
грудныхъ дѣтей не было молока, больнымъ не было свѣжей пищи и
нѣсколько чело́вѣкъ умерло отъ цынги. Невельская отдала свою
единственную корову во всеобщее распоряженіе; все, что было свѣ-
жаго, поступало въ общую пользу. Обращалась она съ туземцами
просто и съ такимъ вниманіемъ, что это замѣчалось даже неотесан-
ными дикарями. А ей было тогда только 19 лѣтъ (*Лейт. Бошнякъ:*
«Экспедиція въ Примурскомъ краѣ», Морской Сборникъ 1859, II).

Чтобы покончить съ вопросомъ о перешейкѣ и полуостровѣ, считаю не лишнимъ сообщить еще нѣкоторыя подробности. Въ 1710 г. пекинскими миссіонерами, по порученію китайскаго императора, была начертана карта Татаріи; при составленіи ея миссіонеры пользовались японскими картами, и это очевидно, такъ какъ въ то время о проходимости Лаперузова и Татарскаго проливовъ могло быть извѣстно только японцамъ. Она была прислана во Францію и стала извѣстною, потому что вошла въ атласъ географическаго (д'Анвилля *). Эта карта послужила поводомъ къ небольшому недоразумѣнію, которому Сахалинъ обязанъ своимъ названіемъ. У западнаго берега Сахалина, какъ разъ противъ устья Амура, на картѣ есть надпись, сдѣланная миссіонерами: «Saghalien-angahata», что по-монгольски значить «скалы черной рѣки». Это названіе относилось, вѣроятно, къ какому-либо утесу или мысу у устья Амура, во Франціи же поняли иначе и отнесли къ самому острову. Отсюда и названіе Сахалинъ, удержанное Крузенштерномъ и для русскихъ картъ. У японцевъ Сахалинъ называли Карафто или Карафту, что значить китайскій островъ.

Работы японцевъ попадали въ Европу или слишкомъ поздно, когда въ нихъ уже не нуждались, или же подвергались неудачнымъ поправкамъ. На картѣ миссіонеровъ Сахалинъ имѣлъ видъ острова, но д'Анвилль отнесся къ ней съ недовѣріемъ и положилъ между островомъ и материкомъ перешеекъ. Японцы первые стали изслѣдовать Сахалинъ, начиная съ 1613 г., но въ

Объ ея трогательномъ обращеніи съ гилеями упоминаетъ и ея мужъ въ своихъ запискахъ. «Екатерина Ивановна, — пишетъ онъ, — усаживала ихъ (гилеиковъ) въ кружокъ на полъ, около большой чашки съ пашей или чаемъ, въ единственной бывшей во флигелѣ у насъ комнатѣ, служившей и заломъ, и гостиной, и столовой. Они, наслаждаясь кособнымъ угощеніемъ, весьма часто трепали хозяйку по плечу, посылая ее то за тамчи (табакъ), то за чаемъ».

*) *Nouvel Atlas de la Chine, de la Tartaire, Chinoise et de Thibet.* 1737.

Европѣ придавали этому такъ мало значенія, что, когда въ послѣдствіи русскіе и японцы рѣшали вопросъ о томъ, кому принадлежитъ Сахалинъ, то о правѣ перваго изслѣдованія говорили и писали только одни русскіе *).

Давно уже на очереди новое, возможно тщательное изслѣдованіе береговъ Татаріи и Сахалина. Теперешнія карты неудовлетворительны, что видно хотя бы изъ того, что суда, военныя и коммерческія, часто садятся на мель и на камни гораздо чаще, чѣмъ объ этомъ пишутъ въ газетахъ. Ежели же, главнымъ образомъ, плохимъ картамъ, командиры судовъ здѣсь очень осторожны, мнительны и нервны. Командиръ *Байкала* не довѣряетъ официальной картѣ и чертитъ въ свою собственную, которую самъ чертитъ и исправляетъ во время плаванія.

Чтобы не сѣсть на мель, г. Л. не рѣшился плыть ночью и мы послѣ захода солнца бросили якорь у мыса Джаоре. На самомъ мысу, на горѣ стоитъ одиноко избушка, въ которой живетъ морской офицеръ г. Б., ставящій знаки на фарватерѣ и имѣющій надзоръ за ними, а за избушкой непроходимая дремучая тайга. Командиръ послалъ г. Б. свѣжаго мяса; я воспользовался этимъ случаемъ и поплылъ на шлюпкѣ къ берегу. Въмѣсто пристани, куча большихъ скользящихъ камней, по которымъ пришлось прыгать, а на гору къ избѣ ведетъ рядъ ступеней изъ бревнушекъ, врытыхъ въ землю почти отвѣсно, такъ что поднимаясь надо крѣпко держаться руками. Но какой ужасъ! Пока я взбирался на гору и подходилъ къ избѣ, меня окружали тучи кома-

*) Японецъ, землемѣръ Маміа Ринзо, въ 1808 г. путешествуя въ лодкѣ вдоль западнаго берега, побывалъ на Татарскомъ берегу у самаго устья Амура и не разъ плавалъ съ острова на материкъ и обратно. Онъ первый доказалъ, что Сахалинъ островъ. Нашъ натуралистъ Ф. Шмидтъ отзывался съ большою похвалою объ его картѣ, находя, что она «особенно замѣчательна, такъ какъ, очевидно, основана на самостоятельныхъ съемкахъ».

Handwritten signature or initials in the bottom right corner of the page.

ровъ, буквально тучи, было темно отъ нихъ, лицо и руки мои жгло и не было возможности защищаться. Я думаю, что если здѣсь остаться ночевать подъ открытымъ небомъ, не окруживъ себя кострами, то можно погибнуть или, по меньшей мѣрѣ, сойти съ ума.

Изба раздѣляется сѣнями на двѣ половины: налѣво живутъ матросы, направо—офицеръ съ семьей. Хозяина дома не было. Я засталъ изящно одѣтую, интеллигентную даму, его жену, и двухъ дочерей, маленькихъ дѣвочекъ, искусанныхъ комарами. Въ комнатахъ всѣ стѣны покрыты зеленою, окна затянуты марлей, пахнетъ дымомъ, но комары, несмотря ни на что, все-таки есть и жалятъ маленькихъ дѣвочекъ. Въ комнатѣ обстановка не богатая, латинская, но въ убранствѣ чувствуется что-то милое, вкусное. На стѣнѣ висятъ этюды и, между прочимъ, женская головка, набросанная карандашомъ. Оказывается, что г. Б.—художникъ.

— Хорошо ли вамъ тутъ живется?—спрашиваю я даму.

— Хорошо, да вотъ только комары.

Свѣжему мясу она не обрадовалась; по ея словамъ, она и дѣти давно уже привыкли къ солонинѣ и свѣжаго мяса не любятъ.

— Впрочемъ, вчера варили форелей,—добавила она.

Провожалъ меня до шлюпки угрюмый матросъ, который, какъ будто догадавшись, о чемъ мнѣ хочется спросить его, вздохнулъ и сказалъ:

— По доброй волѣ сюда не заѣдешь!

На другой день рано утромъ пошли дальше при совершенно тихой и теплой погодѣ. Татарскій берегъ гористъ и изобилуетъ пиками, т.е. острыми, коническими вершинами. Онъ слегка подернутъ синеватою мглой: это—дымъ отъ далекихъ лѣсныхъ пожаровъ, который здѣсь, какъ говорятъ, бываетъ иногда такъ густъ, что становится опасенъ для моряковъ не меньше, чѣмъ туманъ. Если бы...

Сочиненія А. П. Чехова. Т. X.

598 P/K

32567

тѣла на-прямикъ съ моря черезъ горы, то, навѣрное, не встрѣтила бы ни одного жилья, ни одной живой души на разстояніи пятисотъ верстъ и больше... Берегъ весело зеленеетъ на солнцѣ и, повидимому, прекрасно обходится безъ человѣка. Въ шесть часовъ были въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, между мысами Погоби и Лазарева, и очень близко видѣли оба берега, въ восемь проходили мимо Шапки Невельского—такъ называется гора съ бугромъ на вершинѣ, похожимъ на шапку. Утро было яркое, блестящее, и наслажденіе, которое я испытывалъ, усиливалось еще отъ гордаго сознанія, что я вижу эти берега.

Во второмъ часу вошли въ бухту де-Кастри. Это единственное мѣсто, гдѣ могутъ во время бури укрываться суда, плавающія по проливу, и не будь ея, судоходство у сахалинскихъ береговъ, которые сплошь негостепріимны, было бы невысказуемо *). Даже есть такое выраженіе: «удирать въ де-Кастри». Бухта прекрасная и устроена природой точно по заказу. Это круглый прудъ, версты три въ діаметрѣ, съ высокими берегами, защищающими отъ вѣтровъ, съ неширокимъ выходомъ въ море. Если судить по наружному виду, то бухта идеальная, но, увы!—это только кажется такъ; семь мѣсяцевъ въ году она бываетъ покрыта льдомъ, мало защищена отъ восточнаго вѣтра и такъ мелка, что пароходы бросаютъ якорь въ двухъ верстахъ отъ берега. Выходъ въ море сторожатъ три острова, или, вѣрнѣе, рифа, придающіе бухтѣ своеобразную красоту; одинъ изъ нихъ названъ Устричнымъ: очень крупныя и жирныя устрицы водятся на его подводной части.

На берегу нѣсколько домиковъ и церковь. Это Александровскій постъ. Тутъ живутъ начальникъ поста, его дѣлопроизводитель и телеграфисты. Одинъ мѣстный чиновникъ,

---

*) О назначеніи этой бухты въ настоящемъ и будущемъ см. Л. Скальковскаго. «Русская торговля въ Тихомъ океанѣ», стр. 75.

пріѣзжавшій къ намъ на пароходъ обѣдать, скучный и ску- чающій господинъ, много говорилъ за обѣдомъ, много пилъ и рассказалъ намъ старый анекдотъ про гусей, которые, наѣвшись ягодъ изъ-подъ наливки и опьянѣвши, были при- няты за мертвыхъ, ошипаны и выброшены вонъ, и потомъ, проспавшись, голые вернулись домой; при этомъ чиновникъ побожился, что исторія съ гусями происходила въ де-Кастри въ его собственномъ дворѣ. Священника при церкви нѣтъ и онъ, когда нужно, пріѣзжаетъ изъ Маріинска. Хорошая погода бываетъ здѣсь очень рѣдко, такъ же какъ въ Нико- лаевскѣ. Говорятъ, что весною этого года здѣсь работала промѣрная экспедиція и во весь май было только три сол- нечныхъ дня. Извольте работать безъ солнца!

На рейдѣ мы застали военныя суда *Бобръ* и *Тунусъ* и двѣ миноноски. Вспоминается и еще одна подробность: едва мы бросили якорь, какъ потемнѣло небо, собралась гроза и вода приняла необыкновенный, ярко-зеленый цвѣтъ. *Байкалу* предстояло выгрузить четыре тысячи пудовъ казеннаго груза, и потому остались въ де-Кастри ночевать. Чтобы скоротать время, я и механикъ удили съ палубы рыбу и намъ попадались очень крупныя, толстоголовые бычки, какихъ мнѣ не приходилось ловить ни въ Черномъ, ни въ Азовскомъ морѣ. Попадалась и камбала.

Выгружаютъ здѣсь пароходы всегда томительно долго, съ раздраженіемъ и порчей крови. Впрочемъ, это горькая участь всѣхъ нашихъ восточныхъ портовъ. Въ де-Кастри выгру- жаютъ на небольшія баржи-шаланды, которыя могутъ при- ставать къ берегу только во время прилива и потому нагру- женныя часто садятся на мель; случается, что, благодаря этому, пароходъ простаиваетъ изъ-за какой-нибудь сотни мѣшковъ муки весь промежутокъ времени между отливомъ и прили- вомъ. Въ Николаевскѣ беспорядковъ еще больше. Тамъ, стоя на палубѣ *Байкала*, я видѣлъ, какъ буксирный пароходъ, тащившій большую баржу съ двумя сотнями солдатъ, утерьялъ

свой буксирный канатъ; баржу понесло течениемъ по рейду и она пошла прямо на якорную цѣпь паруснаго судна, стоявшаго недалеко отъ насъ. Мы съ замираніемъ сердца ждали, что вотъ еще одинъ моментъ и баржа будетъ перерѣзана цѣпью, но, къ счастью, добрые люди во-время перехватили канатъ, и солдаты отдѣлались однимъ только испугомъ.

II.

Краткая географія.—Прибытіе въ Сѣверный Сахалинъ.—Пожаръ.—Пристань.—Въ Слободкѣ.—Обѣдъ у г. Л.—Знакомства.—Ген. Кононовичъ.—Пріѣздъ генераль-губернатора.—Обѣдъ и иллюминаціи.

Сахалинъ лежитъ въ Охотскомъ морѣ, загоразживая собою отъ океана почти тысячу верстъ восточнаго берега Сибири и входъ въ устье Амура. Онъ имѣетъ форму удлиненную съ сѣвера на югъ, и фигуру, по мнѣнію одного изъ авторовъ, напоминаетъ стерлядь. Географическое положеніе его опредѣляется такъ: отъ $45^{\circ} 54'$ до $54^{\circ} 53'$ с. ш. и отъ $141^{\circ} 40'$ до $144^{\circ} 53'$ в. д. Сѣверная часть Сахалина, черезъ которую проходитъ линія вѣчно промерзлой почвы, по своему положенію соотвѣтствуетъ Рязанской губ., а южная—Крыму. Длина острова 900 верстъ; наибольшая его ширина равняется 125, и наименьшая 25 верстамъ. Онъ вдвое больше Греціи и въ полтора раза больше Даніи.

Прежнее дѣленіе его на сѣверный, средней и южный неудобно въ практическомъ отношеніи и теперь дѣлятъ только на сѣверный и южный. Верхняя треть острова по своимъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ совершенно непригодна для поселенія и потому въ счетъ не идетъ; средняя треть называется Сѣвернымъ Сахалиномъ, а нижняя—Южнымъ; строго опредѣленной границы между двумя послѣдними не существуетъ. Ссылные въ настоящее время живутъ въ Сѣверномъ, по рѣкѣ Дуйкѣ и по рѣкѣ Тыми; Дуйка впадаетъ въ Татарскій проливъ, а Тымь—въ Охотское море, и обѣ рѣки на картѣ встрѣчаются своими вер-

ховьями. Живутъ также и по западному побережью, на небольшомъ пространствѣ вверхъ и внизъ отъ устья Дуйки. Въ административномъ отношеніи Сѣверный Сахалинъ дѣлится на два округа: Александровскій и Тымовскій.

Переночевавши въ де-Кастри, мы на другой день, 10 іюля, въ полдень пошли поперекъ Татарскаго пролива къ устью Дуйки, гдѣ находится Александровскій постъ. Погода и въ этотъ разъ была тихая, ясная, какая здѣсь бываетъ очень рѣдко. По совершенно гладкому морю, пуская вверхъ фонтаны, гуляли парочками киты, и это прекрасное, оригинальное зрѣлище развлекало насъ на всеи пути. Но настроеніе духа, признаюсь, было невеселое, и чѣмъ ближе къ Сахалину, тѣмъ хуже. Я былъ непокоенъ. Офицеръ, сопровождавшій солдатъ, узнавъ, зачѣмъ я ѣду на Сахалинъ, очень удивился и сталъ увѣрять меня, что я не имѣю никакого права подходить близко къ каторгѣ и колоніи, такъ какъ я не состою на государственной службѣ. Конечно, я зналъ, что онъ неправъ, но все же отъ словъ его становилось мнѣ жутко, и я боялся, что и на Сахалинѣ, пожалуй, я встрѣчу точно такой же взглядъ.

Когда въ девятомъ часу бросали якорь, на берегу въ пяти мѣстахъ большими кострами горѣла сахалинская тайга. Сквозь потемки и дымъ, стлавшійся по морю, я не видѣлъ пристани и построекъ и могъ только разглядѣть тусклые постовые огоньки, изъ которыхъ два были красные. Страшная картина, грубо скроенная изъ потемокъ, силуэтовъ горъ, дыма, пламени и огненныхъ искръ, казалась фантастическою. На лѣвомъ планѣ горять чудовищные костры, выше нихъ—горы, изъ-за горъ поднимается высоко къ небу багровое зарево отъ дальнихъ пожаровъ; похоже, какъ будто горитъ весь Сахалинъ. Вправо темною тяжелою массой выдается въ море мысъ Жонкьеръ, похожій на крымскій Аю-Дагъ; на вершинѣ его ярко свѣтится маякъ, а внизу, въ

водѣ, между нами и берегомъ стоятъ три остроконечныхъ рифа—«Три брата». И все въ дыму, какъ въ аду.

Къ пароходу подошелъ катеръ, таща за собою на буксирѣ баржу. Это привезли каторжныхъ для разгрузки парохода. Слышались татарскій говоръ и брань.

— Не пускать ихъ на пароходѣ! — раздался крикъ съ борта.— Не пускать! Они ночью весь пароходѣ обокрадутъ!

— Тутъ въ Александровскѣ еще ничего, — сказалъ мнѣ механикъ, замѣтивъ, какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня берегъ:—а вотъ вы увидите Дуэ! Тамъ берегъ со-всѣмъ отвѣсный, съ темными ущельями и съ угольными пластами... мрачный берегъ! Бывало, мы возили на *Байкаль* въ Дуэ по 200—300 каторжныхъ, такъ я видѣлъ, какъ многіе изъ нихъ при взглядѣ на берегъ плакали.

— Не они, а мы тутъ каторжные,—сказалъ съ раздраженіемъ командиръ.—Теперь здѣсь тихо, но посмотрѣли бы вы осенью: вѣтеръ, пурга, холодъ, волны валяютъ черезъ бортъ,—хоть пропадай!

Я остался почевать на пароходѣ. Рано утромъ, часовъ въ пять, меня шумно разбудили: «Скорѣе, скорѣе! Катеръ въ послѣдній разъ уходитъ къ берегу! Сейчасъ снимаемся!» Черезъ минуту я уже сидѣлъ въ катерѣ, а рядомъ со мной молодой чиновникъ съ сердитымъ заспаннымъ лицомъ. Катеръ засвистѣлъ и мы пошли къ берегу, таща за собой двѣ баржи съ каторжными. Изморенные ночью работой и безсонницей, арестанты были вялы и угрюмы, все время молчали. Лица ихъ были покрыты росой. Мнѣ припоминается теперь нѣсколько кавказцевъ съ рѣзкими чертами и въ мѣховыхъ шапкахъ, надвинутыхъ до бровей.

— Позвольте познакомиться,—сказалъ мнѣ чиновникъ:— коллежскій регистраторъ Д.

Это былъ мой первый сахалинскій знакомый, поэтъ, авторъ обличительнаго стихотворенія *Сахалинд*, которое начиналось такъ: «Скажи-ка, докторъ, вѣдь, не даромъ...» Потомъ онъ

часто бывалъ у меня и гулялъ со мной по Александровску и его окрестностямъ, рассказывая мнѣ анекдоты или безъ конца читая стихи собственнаго сочиненія. Въ длинныя зимнія ночи онъ пишетъ либеральныя повѣсти, но при случаѣ любитъ дать понять, что онъ коллежскій регистраторъ и занимаетъ должность X класса; когда одна баба, придя къ нему по дѣлу, назвала его господиномъ Д., то онъ обидѣлся и сердито крикнулъ ей: «Я тебѣ не господинъ Д., а ваше благородіе!» По пути къ берегу я спрашивалъ его насчетъ сахалинской жизни, какъ и что, а онъ зловѣще вздыхалъ и говорилъ: «А вотъ вы увидите!» Солнце стояло уже высоко. То, что было вчера мрачно и темно и такъ пугало воображеніе, теперь утопало въ блескѣ ранняго утра; толстый, неуклюжій Жонкьеръ съ маякомъ, «Три брата» и высокіе крутые берега, которые видны на десятки верстъ по обѣ стороны, прозрачный туманъ на горахъ и дымъ отъ пожара давали при блескѣ солнца и моря картину недурную.

Гавани здѣсь нѣтъ и берега опасны, о чемъ внушительно свидѣтельствуетъ шведскій пароходъ *Atlas*, потерпѣвшій крушеніе незадолго до моего пріѣзда и лежащій теперь на берегу. Пароходы останавливаются обыкновенно въ верстѣ отъ берега и рѣдко ближе. Пристань есть, но только для катеровъ и баржъ. Это большой, въ нѣсколько сажень срубъ, выдающійся въ море въ видѣ буквы Т; толстыя листовныя сваи, крѣпко вбитыя въ дно морское, образуютъ ящики, которые до верху наполнены камнями; настилка изъ досокъ, по ней вдоль всей пристани проложены рельсы для вагонетокъ. На широкомъ концѣ Т стоитъ хорошенькій домикъ—контора пристани—и тутъ же высокая черная мачта. Сооруженіе солидное, но не долговѣчное. Во время хорошаго шторма, какъ говорятъ, волна иногда хватаетъ до оконъ домика и брызги долетаютъ даже до мачтовой рей, причемъ дрожить вся пристань.

Возлѣ пристани по берегу, повидимому, безъ дѣла, бродило съ полсотни каторжныхъ: одни въ халатахъ, другіе въ курткахъ или пиджакахъ изъ сѣраго сукна. При моемъ появленіи вся полсотня сняла шапки, — такой чести до сихъ поръ, вѣроятно, не удостоивался еще ни одинъ литераторъ. На берегу стояла чья-то лошадь, запряженная въ безрессорную линейку. Каторжные взвалили мой багажъ на линейку, чловѣкъ съ черною бородой, въ пиджакъ и въ рубахѣ на выпускъ, сѣлъ на козлы. Мы поѣхали.

— Куда прикажете, ваше высокоблагородіе? — спросилъ онъ, оборачиваясь и снимая шапку.

Я спросилъ, не отдается ли тутъ гдѣ-нибудь внаймы квартира, хотя бы въ одну комнату.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, отдается.

Двѣ версты отъ пристани до Александровскаго поста я ѣхалъ по превосходному шоссе. Въ сравненіи съ сибирскими дорогами это чистенькое, гладкое шоссе, съ канавами и фонарями, кажется просто роскошью. Рядомъ съ нимъ проложена рельсовая дорога. Но природа по пути поражаетъ своею бѣдностью. Вверху на горахъ и холмахъ, окружающихъ Александровскую долину, по которой протекаетъ Дуйка, обгорѣлые пни, или торчатъ, какъ иглы дикобраза, стволы лиственницъ, высушенныхъ вѣтромъ и пожарами, а внизу по долинѣ кочки и кислые злаки — остатки недавно бывшаго здѣсь непроходимаго болота. Свѣжій разрѣзъ земли въ канавахъ обнажаетъ во всемъ ея убожествѣ болотную перегорѣлую почву съ полувершковымъ слоемъ плохого чернозема. Ни сосны, ни дуба, ни клена, — одна только лиственница, тощая, жалкая, точно огрызенная, которая служить здѣсь не украшеніемъ лѣсовъ и парковъ, какъ у насъ въ Россіи, а признакомъ дурной болотистой почвы и суроваго климата.

Александровскій постъ или, короче, Александровскъ представляетъ изъ себя небольшой благообразный городокъ сибир-

скаго типа, тысячи на три жителей. Въ немъ нѣтъ ни одной каменной постройки, а все сдѣлано изъ дерева, главнымъ образомъ изъ лиственницы: и церковь, и дома, и тротуары. Здѣсь резиденція начальника острова, центръ сахалинской цивилизаціи. Тюрьма находится близъ главной улицы, но по внѣшнему виду она мало отличается отъ военной казармы, и потому Александровскъ совсѣмъ не носитъ того мрачнаго острожнаго характера, какой я ожидалъ встрѣтить.

Возница привезъ меня въ Александровскую слободку, предмѣстье поста, къ крестьянину изъ ссыльныхъ П. Мнѣ показали квартиру. Небольшой дворикъ, мощный по-сибирски бревнами, кругомъ навѣсы; въ домѣ пять просторныхъ, чистыхъ комнатъ, кухня, но ни слѣда мебели. Хозяйка, молодая бабенка, принесла столъ, потомъ минутъ черезъ пять табуретъ.

— Эта квартира у насъ ходила съ дровами 22 рубля, а безъ дровъ 15,—сказала она.

А когда, часъ спустя, вносила самоваръ, сказала со вздохомъ:

— Заѣхали въ эту пропасть:

Она дѣвушкой пришла сюда съ матерью за отцомъ-каторжнымъ, который до сихъ поръ еще не отбылъ своего срока; теперь она замужемъ за крестьяниномъ изъ ссыльныхъ, мрачнымъ старикомъ, котораго я мелькомъ видѣлъ, проходя по двору; онъ былъ боленъ чѣмъ-то, лежалъ на дворѣ подъ навѣсомъ и кряхтѣлъ.

— Теперь у насъ въ Тамбовской губерніи, чай, жнуть,—сказала хозяйка,—а тутъ глаза бы мои не глядѣли.

И въ самомъ дѣлѣ не интересно глядѣть: въ окно видны грядки съ капустною разсадой, около нихъ безобразныя канавы, вдали маячить тощяя, засыхающая лиственница. Охая и держась за бока, вошелъ хозяинъ и сталъ мнѣ жаловаться на неурожаи, холодный климатъ, нехорошую землю. Онъ благополучно отбылъ каторгу и поселеніе, имѣлъ

теперь два дома, лошадей и коровъ, держалъ много работниковъ и самъ ничего не дѣлалъ, былъ женатъ на молоденькой, а, главное, давно уже имѣлъ право переселиться на материкъ—и, все-таки, жаловался.

Въ полдень я ходилъ по слободкѣ. На краю слободки стоитъ хорошенькій домикъ съ палисадникомъ и съ мѣдною дощечкой на дверяхъ, а возлѣ домика въ одномъ съ нимъ дворѣ лавочка. Я зашелъ купить себѣ чего-нибудь поѣсть. «Торговое дѣло» и «Торгово-комиссіонный складъ», — такъ называется эта скромная лавочка въ сохранившихся у меня печатномъ и рукописномъ преисъ-курантахъ, — принадлежитъ ссыльно-поселенцу Л., бывшему гвардейскому офицеру, осужденному лѣтъ 12 тому назадъ петербургскимъ окружнымъ судомъ за убійство. Онъ уже отбылъ каторгу и занимается теперь торговлей, исполняетъ также разныя порученія по дорожной и инымъ частямъ, получая за это жалованье старшаго надзирателя. Жена его свободная, изъ дворянокъ, служитъ фельдшерцей въ тюремной больницѣ. Въ лавочкѣ продаются и звѣздочки къ погонамъ, и рахат-лукумъ, и пилы поперечныя, и серпы, и «шляпы дамскія, лѣтнія, самыя модныя, лучшихъ фасоновъ отъ 4 р. 50 к. до 12 р. за штуку». Пока я разговаривалъ съ приказчикомъ, въ лавочку вошелъ самъ хозяинъ въ шелковой жакеткѣ и въ цвѣтномъ галстукѣ. Мы познакомились.

— Не будете ли добры отобѣдать у меня? — предложилъ онъ

Я согласился и мы пошли въ домъ. Обстановка у него комфортабельная. Вѣнская мебель, цвѣты, американскій арестонъ и гнутое кресло, на которомъ Л. качается послѣ обѣда. Кромѣ хозяйки, я засталъ въ столовой еще четырехъ гостей, чиновниковъ. Одинъ изъ нихъ, старикъ безъ усовъ и съ сѣдыми бакенами, похожій лицомъ на драматурга Ибсена, оказался младшимъ врачомъ мѣстнаго лазарета, другой, тоже старикъ, отрекомендовался штабъ-офицеромъ оренбургскаго

казачьяго войска. Съ первыхъ же словъ этотъ офицеръ произвелъ на меня впечатлѣніе очень добраго человѣка и большаго патріота. Онъ кротокъ и добродушно разсудителенъ, но когда говорятъ о политикѣ, то выходитъ изъ себя и съ неподдѣльнымъ паѳосомъ начинаетъ говорить о могуществѣ Россіи и съ презрѣніемъ о нѣмцахъ и англичанахъ, которыхъ отродясь не видѣлъ. Про него разсказываютъ, что когда онъ, идучи моремъ на Сахалинъ, захотѣлъ въ Сингапурѣ купить своей женѣ шелковый платокъ и ему предложили размѣнять русскія деньги на доллары, то онъ будто бы обидѣлся и сказалъ: «Вотъ еще, стану я мѣнять наши православныя деньги на какія-то эфіопскія!» И платокъ не былъ купленъ.

За обѣдомъ подавали супъ, цыплятъ и мороженое. Было и вино.

— Когда приблизительно идетъ здѣсь послѣдній снѣгъ?— спросилъ я.

— Въ маѣ,—отвѣтилъ Л.

— Неправда, въ іюнѣ,—сказалъ докторъ, похожій на Ибсена.

— Я знаю поселенца,—сказалъ Л.,—у котораго калифорнская пшеница дала самъ 22.

И опять возраженіе со стороны доктора:

— Неправда. Ничего вашъ Сахалинъ не даетъ. Проклятая земля.

— Позвольте, однако,—сказалъ одинъ изъ чиновниковъ:— въ 82 году пшеница уродилась самъ 40. Я это отлично знаю.

— Не вѣрьте,—сказалъ мнѣ докторъ.—Это вамъ очки втираютъ.

За обѣдомъ же была разсказана такая легенда: когда русскіе заняли островъ и затѣмъ стали обижать гиляковъ, то гиляцкій шаманъ проклялъ Сахалинъ и предсказалъ, что изъ него не выйдетъ никакого толку.

— Такъ оно и вышло,—вздыхнулъ докторъ.

Послѣ обѣда Л. игралъ на аристонѣ. Докторъ пригласилъ меня переѣхать къ нему и въ тотъ же день вечеромъ я поселился на главной улицѣ поста, въ одномъ изъ домовъ, ближайшихъ къ присутственнымъ мѣстамъ. Съ этого вечера началось мое посвященіе въ сахалинскія тайны. Докторъ разсказалъ мнѣ, что незадолго до моего пріѣзда, во время медицинскаго осмотра скота на морской пристани, у него произошло крупное недоразумѣніе съ начальникомъ острова и что будто бы даже, въ концѣ-концовъ, генераль заманулся на него палкой; на другой же день онъ былъ уволенъ по прошенію, котораго не подавалъ. Докторъ показалъ мнѣ цѣлую кипу бумагъ, написанныхъ имъ, какъ онъ говорилъ, въ защиту правды и изъ человѣколюбія. Это были копіи съ прошеній, жалобъ, рапортовъ и... доносовъ *).

— А генералу не понравится, что вы у меня остановились, — сказалъ докторъ и значительно подмигнулъ глазомъ.

На другой день я былъ съ визитомъ у начальника острова В. О. Кононовича. Несмотря на усталость и недосугъ, генераль принялъ меня чрезвычайно любезно и бесѣдовалъ со мною около часа. Онъ образованъ, начитанъ и, кромѣ того, обладаетъ большою практическою опытностью, такъ какъ до своего назначенія на Сахалинъ въ продолженіе 18 лѣтъ завѣдывалъ каторгой на Карѣ; онъ красиво говорить и красиво пишетъ и производитъ впечатлѣніе человѣка искренняго, проникнутаго гуманными стремленіями. Я не могу забыть о томъ удовольствіи, какое доставляли мнѣ бесѣды съ нимъ, и какъ пріятно въ первое время поражало постоянно высказываемое имъ отвраще-

*). Вотъ образецъ доноса по телеграфу: «Долгомъ совѣсти, семсотъ двѣнадцатой статьи, томъ третій, поставленъ необходимость утрудить ваше—ство прибѣгнуть защитѣ правосудія противъ безнаказанности за совершаемые Н лихоимство, подлоги, истязанія».

ніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Ж. Кеннанъ въ своей извѣстной книгѣ отзывается о немъ восторженно.

Узнавъ, что я намѣренъ пробыть на Сахалинѣ нѣсколь-ко мѣсяцевъ, генераль предупредилъ меня, что жить здѣсь тяжело и скучно.

— Отсюда всѣ бѣгутъ,—сказаль онъ: — и каторжные, и поселенцы, и чиновники. Мнѣ еще не хочется бѣжать, но я уже чувствую утомленіе отъ мозговой работы, которой требуется здѣсь такъ много, благодаря, главнымъ образомъ, разбросанности дѣла.

Онъ обѣщаль мнѣ полное содѣйствіе, но просилъ ожидать: на Сахалинѣ готовились къ встрѣчѣ генераль-губернатора и всѣ были заняты.

— А я радъ, что вы остановились у нашего врага,—сказаль онъ, прощаясь со мной. — Вы будете знать наши слабыя стороны.

До пріѣзда генераль-губернатора я жилъ въ Александровскѣ, въ квартирѣ доктора. Жизнь была несовсѣмъ обыкновенная. Когда я просыпался утромъ, самые разнообразныя звуки напоминали мнѣ, гдѣ я. Мимо открытыхъ оконъ по улицѣ, не спѣша, съ мѣрнымъ звономъ проходили кандалные; противъ нашей квартиры въ военной казармѣ солдаты-музыканты разучивали къ встрѣчѣ генераль-губернатора свои марши, и при этомъ флейта играла изъ одной пьесы, тромбонъ изъ другой, фаготъ изъ третьей, и получался невообразимый хаосъ. А въ комнатахъ у насъ неугомонно свистали канарейки и мой хозяинъ докторъ ходилъ изъ угла въ уголъ и, перелистывая на ходу законы, мыслиль вслухъ:

— Если на основаніи статьи такой-то я подамъ прошеніе туда-то, и т. д.

Или же онъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ садился писать какую-нибудь клязу. Выйдешь на улицу, тутъ жарко. Жалуются даже на засуху и офицеры ходятъ въ ките-

ляхъ, а это бываетъ не каждое лѣто. Движеніе на улицахъ здѣсь гораздо значительнѣе, чѣмъ въ нашихъ уѣздныхъ городахъ, и это легко объяснить приготовленіями къ встрѣчѣ начальника края, главнымъ же образомъ—преобладаніемъ въ здѣшнемъ населеніи рабочаго возраста, который большую часть дня проводитъ внѣ дома. Къ тому же, здѣсь на небольшомъ пространствѣ сгруппированы: тюрьма болѣе, чѣмъ на тысячу, и военныя казармы на 500 человекъ. Спѣшно строятъ мостъ черезъ Дуйку, воздвигаютъ арки, чистятъ, красятъ, подметають, маршируютъ. По улицамъ носятъ тройки и пары съ колокольчиками,—это готовятъ для генераль-губернатора лошадей. Такая спѣшка, что работаютъ даже въ праздники.

Вотъ по улицѣ, направляясь къ полицейскому управленію, идетъ толпа гиляковъ, здѣшнихъ аборигеновъ, и на нихъ сердито лаютъ смиренныя сахалинскія дворняжки, которыя лаютъ почему-то на однихъ только гиляковъ. Вотъ другая группа: кандалные каторжныя въ шапкахъ и безъ шапокъ, звеня цѣпями, тащатъ тяжелую тачку съ пескомъ, сзади къ тачкѣ цѣпляются мальчишки, по сторонамъ плетутся конвойные съ потными красными лицами и съ ружьями на плечахъ. Высыпавъ песокъ на площадкѣ передъ домомъ генерала, кандалные возвращаются тою же дорогой назадъ, и звонъ кандаловъ слышится непрерывно. Каторжный въ халатѣ съ бубновымъ тузомъ ходитъ изъ двора во дворъ и продаетъ ягоду голубику. Когда идешь по улицѣ, сидящіе встають и всѣ встрѣчные снимають шапки.

Каторжныя и поселенцы, за немногими исключеніями, ходятъ по улицамъ свободно, безъ кандаловъ и безъ конвоя, и встрѣчаются на каждомъ шагѣ толпами и въ одиночку. Они во дворѣ и въ домѣ, потому что они кучера, сторожа, повара, кухарки и няньки. Такая близость въ первое время съ непривычки смущаетъ и

приводить въ недоумѣніе. Идешь мимо какой-нибудь постройки, тутъ каторжные съ топорами, пилами и молотками. А ну, думаешь, размахнется и трахнетъ! Или придешь къ знакомому и, не заставши дома, сядешь писать ему записку, а сзади въ это время стоитъ и ждетъ его слуга каторжный съ ножомъ, которымъ онъ только что чистилъ въ кухнѣ картофель. Или, бывало, рано утромъ, часа въ четыре, просыпаешься отъ какого-то шороха, смотришь — къ постели на цыпочкахъ, чуть дыша, крадется каторжный. Что такое? Зачѣмъ? «Сапожки почистить, ваше высокоблагородіе». Скоро я приглядѣлся и привыкъ. Привыкаютъ всѣ, даже женщины и дѣти. Здѣшнія дамы бываютъ совершенно покойны, когда отпускаютъ своихъ дѣтей гулять съ няньками безсрочно-каторжными.

Одинъ корреспондентъ пишетъ, что вначалѣ онъ трусилъ чуть не каждаго куста, а при встрѣчахъ на дорогѣ и тропинкахъ съ арестантомъ ощупывалъ подъ пальто револьверъ, потомъ успокоился, придя къ заключенію, что «каторга въ общемъ—стадо барановъ, трусливыхъ, лѣнивыхъ, полуголодныхъ и заискивающихъ». Чтобы думать, что русскіе арестанты не убиваютъ и не грабятъ встрѣчнаго только изъ трусости и лѣни, надо быть очень плохого мнѣнія о человѣкѣ вообще, или не знать человека.

Пріамурскій генераль-губернаторъ баронъ А. Н. Корфъ прибылъ на Сахалинъ 19 іюля, на военномъ суднѣ *Бобръ*. На площади, между домомъ начальника острова и церковью, онъ былъ встрѣченъ почетнымъ карауломъ, чиновниками и толпою поселенцевъ и каторжныхъ. Играла та самая музыка, о которой я только-что говорилъ. Благообразный старикъ, бывший каторжный, разбогатѣвшій на Сахалинѣ, по фамиліи Потемкинъ, поднесъ ему хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ мѣстнаго издѣлія. На площади же стоялъ

мой хозяинъ докторъ въ черномъ фракѣ и въ картузѣ и держалъ въ рукахъ прошеніе. Я въ первый разъ видѣлъ сахалинскую толпу, и отъ меня не укрылась ея печальная особенность: она состояла изъ мужчинъ и женщинъ рабочаго возраста, были старики и дѣти, но совершенно отсутствовали юноши. Казалось, будто возраста отъ 13 до 20 лѣтъ на Сахалинѣ вовсе не существуетъ. И я невольно задалъ себѣ вопросъ: не значить ли это, что молодежь, подрастая, оставляетъ островъ при первой возможности?

На другой же день по приѣздѣ генераль-губернаторъ приступилъ къ осмотру тюремъ и поселеній. Всюду поселенцы, ожидавшіе его съ большимъ нетерпѣніемъ, подавали ему прошенія и словесно заявляли просьбы. Говорили каждый за себя или одинъ за все селеніе, и такъ какъ ораторское искусство процвѣтаетъ на Сахалинѣ, то дѣло не обошлось и безъ рѣчей; въ Дербинскомъ поселенцѣ Масловъ въ своей рѣчи нѣсколько разъ назвалъ начальство «всемиловѣйшимъ правительствомъ». Къ сожалѣнію, далеко не всѣ, обращавшіеся къ барону А. Н. Корфу, просили того, что нужно. Тутъ, какъ и въ Россіи въ подобныхъ случаяхъ, сказалась досадная мужицкая темнота: просили не школь, не правосудія, не заработковъ, а разныхъ пустяковъ: кто казеннаго довольствія, кто усыновленія ребенка,—однимъ словомъ, подавали прошенія, которыя могли быть удовлетворены и мѣстнымъ начальствомъ. А. Н. Корфъ отнесся къ ихъ просьбамъ съ полнымъ вниманіемъ и доброжелательствомъ; глубоко тронутый ихъ бѣдственнымъ положеніемъ, онъ давалъ обѣщанія и возбуждалъ надежды на лучшую жизнь *). Когда въ Арковѣ помощникъ смотрителя тюрьмы отрапортовалъ: «Въ селеніи

*) И даже несбыточные надежды. Въ одномъ селеніи, говоря о томъ, что крестьяне изъ ссыльных теперь уже имѣютъ право переезда на материкъ, онъ сказалъ: «А потомъ можете и на родину, въ Россію».

Арковѣ все обстоитъ благополучно», баронъ указаль ему на озимые и яровые всходы и сказалъ: «Все благополучно, кромѣ только того, что въ Арковѣ нѣтъ хлѣба». Въ Александровской тюрьмѣ по случаю его прїѣзда арестантовъ кормили свѣжимъ мясомъ и даже олениной; онъ обошелъ всѣ камеры, принималъ прошенія и приказаль расковать многихъ кандалныхъ.

22 іюля послѣ молебна и парада (былъ табельный день) прїѣжалъ надзиратель и доложилъ, что генераль-губернаторъ желаетъ меня видѣть. Я отправился. А. Н. Корфъ принялъ меня очень ласково и бесѣдовалъ со мной около получаса. Нашъ разговоръ происходилъ въ присутствіи ген. Кононовича. Между прочимъ, мнѣ былъ предложенъ вопросъ, не имѣю ли я какого-либо официального порученія. Я отвѣтилъ: нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ, нѣтъ ли у васъ порученія отъ какого-либо ученаго общества или газеты? — спросилъ баронъ.

У меня въ карманѣ былъ корреспондентскій бланокъ, но такъ какъ я не имѣлъ въ виду печатать что-либо о Сахалинѣ въ газетахъ, то, не желая вводить въ заблужденіе людей, относившихся ко мнѣ, очевидно, съ полнымъ довѣріемъ, я отвѣтилъ: нѣтъ.

— Я разрѣшаю вамъ бывать, гдѣ и у кого угодно, — сказалъ баронъ. — Намъ скрывать нечего. Вы осмотрите здѣсь все, вамъ дадутъ свободный пропускъ во всѣ тюрьмы и поселенія, вы будете пользоваться документами, необходимыми для вашей работы, — однимъ словомъ, вамъ двери будутъ открыты всюду. Не могу я разрѣшить вамъ только одного: какого бы то ни было общенія съ политическими, такъ какъ разрѣшать вамъ это я не имѣю никакого права.

Отпуская меня, баронъ сказалъ:

— Завтра мы еще поговоримъ. Приходите

Сочиненія А. П. Чехова. Т. X.

Въ тотъ же день я присутствовалъ на торжественномъ обѣдѣ въ квартирѣ начальника острова. Тутъ я познакомился почти со всею сахалинскою администраціей. За обѣдомъ играла музыка, произносились рѣчи. А. Н. Корфъ, въ отвѣтъ на тоску за его здоровье, сказалъ короткую рѣчь, изъ которой мнѣ теперь припоминаются слова: «Я убѣдился, что на Сахалинѣ «несчастнымъ» живетъ легче, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи и даже Европѣ. Въ этомъ отношеніи вамъ предстоитъ сдѣлать еще многое, такъ какъ путь добра безконеченъ». Онъ пять лѣтъ назадъ былъ на Сахалинѣ и теперь находилъ прогрессъ значительнымъ, превосходившимъ всякія ожиданія. Его похвальное слово не мирилось въ сознаніи съ такими явленіями, какъ голодъ, повальная проституція ссыльныхъ женщинъ, жестокія тѣлесныя наказанія, но слушатели должны были вѣрить ему: настоящее въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило пять лѣтъ назадъ, представлялось чуть ли не началомъ золотого вѣка.

Вечеромъ была иллюминація. По улицамъ, освѣщеннымъ площадками и бенгальскимъ огнемъ, до поздняго вечера гуляли толпами солдаты, поселенцы и каторжные. Тюрьма была открыта. Рѣка Дуйка, всегда убогая, грязная, съ лысыми берегами, а теперь украшенная по обѣ стороны разноцвѣтными фонарями и бенгальскими огнями, которые отражались въ ней, была на этотъ разъ красива, даже величественна, но и смѣшна, какъ кухаркина дочь, на которую для примѣрки надѣли барышнину платье. Въ саду генерала играла музыка и пѣли пѣвчіе. Даже изъ пушки стрѣляли и пушку разорвало. И, все-таки, несмотря на такое веселье, на улицахъ было скучно. Ни пѣсенъ, ни гармоникъ, ни одного пьянаго; люди бродили, какъ тѣни, и молчали, какъ тѣни. Каторга и при бенгальскомъ освѣщеніи остается каторгой, а музыка, когда ее издали слышитъ человѣкъ, который никогда уже не вернется на родину, наводитъ только смертную тоску.

Когда я явился къ генералъ-губернатору съ бумагой, онъ изложилъ мнѣ свой взглядъ на сахалинскую каторгу и колонію и предложилъ записать все, сказанное имъ, что я, конечно, исполнилъ очень охотно. Все записанное онъ предложилъ мнѣ озаглавить такъ: *Описаніе жизни несчастныхъ*. Изъ нашей послѣдней бесѣды и изъ того, что я записалъ подъ его диктовку, я вынесъ убѣжденіе, что это великодушный и благородный человѣкъ, но что «жизнь несчастныхъ» была знакома ему не такъ близко, какъ онъ думалъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ описанія: «Никто не лишенъ надежды сдѣлаться полноправнымъ; пожизненности наказанія нѣтъ. Безсрочная каторга ограничивается 20-ю годами. Каторжные работы не тягостны. Трудъ подневольный не даетъ работнику личной пользы — въ этомъ его тягость, а не въ напряженіи физическомъ. Цѣпей нѣтъ, часовыхъ нѣтъ, бри-тыхъ головъ нѣтъ».

Дни стояли хорошіе, съ яснымъ небомъ и съ прозрачнымъ воздухомъ, похожіе на наши осенніе дни. Вечера были превосходные; припоминается мнѣ пылающій западъ, темносинее море и совершенно бѣлая луна, выходящая изъ-за горъ. Въ такіе вечера я любилъ кататься по долинѣ между постомъ и деревней Ново-Михайловкой; дорога здѣсь гладкая, ровная, рядомъ съ ней рельсовый путь для вагонетокъ, телеграфъ. Чѣмъ дальше отъ Александровска, тѣмъ долина становится уже, потемки густѣютъ, гигантскіе лопухи начинаютъ казаться тропическими растеніями; со всѣхъ сторонъ надвигаются темныя горы. Вонь вдали огни, гдѣ жгутъ уголь, вонь огонь отъ пожара. Восходитъ луна. Вдругъ фантастическая картина: мнѣ навстрѣчу по рельсамъ, подпираясь шестомъ, катитъ на небольшой платформѣ каторжный въ бѣломъ. Становится жутко.

— Не пора ли назадъ?—спрашиваю кучера.

Кучеръ каторжный поворачиваетъ лошадей, потомъ оглядывается на горы и огни и говорить:

— Скучно здѣсь, ваше высокоблагородіе. У насъ въ Россіи лучше.

III.

Перепись.—Содержаніе статистическихъ карточекъ.—О чемъ я спрашивалъ и какъ отвѣчали мнѣ.—Изда и ея жильцы.—Мнѣнія ссыльныхъ о переписи.

Чтобы побывать по возможности во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ и познакомиться поближе съ жизнью большинства ссыльныхъ, я прибѣгнулъ къ приему, который въ моемъ положеніи казался мнѣ единственнымъ. Я сдѣлалъ перепись. Въ селеніяхъ, гдѣ я былъ, я обошелъ всѣ избы и записалъ хозяевъ, членовъ ихъ семей, жильцовъ и работниковъ. Чтобы облегчить мой трудъ и сократить время, мнѣ любезно предлагали помощниковъ, но такъ какъ, дѣлая перепись, я имѣлъ главною цѣлью не результаты ея, а тѣ впечатлѣнія, которыя даетъ самый процессъ переписи, то я пользовался чужою помощью только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Эту работу, произведенную въ три мѣсяца однимъ человѣкомъ, въ сущности, нельзя назвать переписью; результаты ея не могутъ отличаться точностью и полнотой, но, за неимѣніемъ болѣе серьезныхъ данныхъ ни въ литературѣ, ни въ сахалинскихъ канцеляріяхъ, быть-можетъ, пригодятся и мои цифры.

Для переписи я пользовался карточками, которыя были напечатаны для меня въ типографіи при полицейскомъ управленіи. Самый процессъ переписи заключался въ слѣдующемъ. Прежде всего, на каждой карточкѣ въ первой строкѣ я отмѣчалъ названіе поста или селенія. Во второй строкѣ: номеръ дома по казенной подворной описи. Затѣмъ, въ третьей строкѣ званіе записываемаго: каторжный, поселенецъ, крестьянинъ изъ ссыльныхъ, свободного состоянія. Свободныхъ я записывалъ только въ тѣхъ случаяхъ, если они принимали непосредственное участіе въ хозяйствѣ

ссылнаго, напрымѣрь, состояли съ нимъ въ бракѣ, законномъ или незаконномъ, и вообще принадлежали къ семьѣ его, или проживали въ его избѣ въ качествѣ работника или жильца и т. п. Званію въ сахалинскомъ обиходѣ придается большое значеніе. Каторжнаго, несомнѣнно, стѣсняетъ его званіе; на вопросъ, какого онъ званія, онъ отвѣчаетъ: «рабочій». Если же до каторги онъ былъ солдатомъ, то непременно добавляетъ еще къ этому: «изъ солдатъ, ваше высокоблагородіе». Отбывъ или, какъ самъ онъ выражается, отслуживъ свой срокъ, онъ становится поселенцемъ. Это новое званіе не считается низкимъ уже потому, что слово поселенецъ мало чѣмъ отличается отъ поселянина, не говоря уже о правахъ, какія сопряжены съ этимъ званіемъ. На вопросъ, кто онъ, поселенецъ обыкновенно отвѣчаетъ такъ: «вольный». Черезъ десять, а при благоприятныхъ условіяхъ, оговоренныхъ въ уставѣ о ссыльныхъ, черезъ шесть лѣтъ поселенецъ получаетъ званіе крестьянина изъ ссыльныхъ. На вопросъ, какого онъ званія, крестьянинъ отвѣчаетъ не безъ достоинства, какъ будто ужъ не можетъ идти въ счетъ съ прочими и отличается отъ нихъ чѣмъ-то особеннымъ: «Я крестьянинъ». Но безъ прибавки «изъ ссыльныхъ». Я не спрашивалъ ссыльныхъ о прежнемъ ихъ званіи, такъ какъ по этому пункту въ канцеляріяхъ имѣется достаточно свѣдѣній. Сами они, кромѣ солдатъ, ни мѣщане, ни купцы, ни духовные, не распространяются насчетъ своего утеряннаго званія, какъ будто оно уже забыто, а называютъ свое прежнее состояніе коротко—волей. Если кто заводитъ разговоръ о своемъ прошломъ, то обыкновенно начинаетъ такъ: «Когда я жилъ на волѣ...» и т. д.

Четвертая строка: имя, отчество и фамилія. Насчетъ именъ могу только вспомнить, что я, кажется, не записалъ правильно ни одного женскаго татарскаго имени. Въ татарской семьѣ, гдѣ много дѣвочекъ, а отецъ и мать едва понимаютъ по-русски, трудно добиться толку и приходится

записывать на-угадъ. И въ казенныхъ бумагахъ татарскія имена пишутся тоже неправильно.

Случается, что православный русскій мужичокъ на вопросъ, какъ его зовутъ, отвѣчаетъ не шутя: «Карль». Это бродяга, который по дорогѣ смѣнился именемъ съ какимъ-то нѣмцемъ. Такихъ, помнится, записано мною двое: Карль Лангеръ и Карль Карловъ. Есть каторжный, котораго зовутъ Наполеономъ. Есть женщина бродяга Прасковья, она же Марья. Что касается фамилій, то по какой-то странной случайности на Сахалинѣ много Богдановыхъ и Безпаловыхъ. Много курьезныхъ фамилій: Шкандыба, Желудокъ, Безбожный, Зѣвака. Татарскія фамилии, какъ мнѣ говорили, сохраняютъ и на Сахалинѣ, несмотря на лишеніе всѣхъ правъ состоянія, приставки и частицы, означающія высокія званія и титулы. Насколько это вѣрно, не знаю, но хановъ, султановъ и оглы записалъ я не мало. У бродягъ самое употребительное имя Иванъ, а фамилія Непомнящій. Вотъ нѣсколько бродяжескихъ прозвищъ: Мустафа Непомнящій, Василій Безотечества, Францъ Непомнящій, Иванъ Непомнящій 20 лѣтъ, Яковъ Безпрозванія, бродяга Иванъ 35 лѣтъ *), Человѣкъ Неизвѣстнаго Званія.

Въ этой же строкѣ я отмѣчалъ отношенія записываемаго къ хозяину: жена, сынъ, сожительница, работникъ, жилецъ, сынъ жильца и т. д. Записывая дѣтей, я отличалъ законно и незаконно рожденныхъ, родныхъ и пріемныхъ. Кстати сказать, пріемыши часто встрѣчаются на Сахалинѣ, и мнѣ приходилось записывать не только пріемныхъ дѣтей, но и пріемныхъ отцовъ. Многіе изъ живущихъ въ избахъ относятся къ хозяевамъ какъ совладѣльцы или половинщики. Въ обоихъ сѣверныхъ округахъ на одномъ участкѣ сидятъ по два и даже по три владѣльца и такъ—больше,

---

*) Это число составляетъ часть фамиліи. Въ дѣйствительности ему 48 лѣтъ.

чѣмъ въ половинѣ хозяйствъ; поселенецъ садится на участокъ, строить домъ и обзаводится хозяйствомъ, а черезъ два-три года ему сажаютъ совладѣльца, или же одинъ участокъ даютъ сразу двумъ поселенцамъ. Это происходитъ отъ нежеланья и неумѣнья администраціи прискивать новыя мѣста для поселеній. Бываетъ и такъ, что отбывшій каторгу просить, чтобы ему позволили поселиться въ такомъ посту или селеніи, гдѣ усадебныхъ мѣстъ уже нѣтъ, и его поневолѣ приходится сажать уже на готовое хозяйство. Количество совладѣльцевъ особенно увеличивается послѣ объявленія высочайшихъ манифестовъ, когда администрація бываетъ вынуждена прискивать мѣста сразу для нѣсколькихъ сотенъ душъ.

Пятая строка: возрастъ. Женщины, которымъ уже за сорокъ, плохо помнятъ свои лѣта и отвѣчаютъ на вопросъ, подумавъ. Армяне изъ Эриванской губ. совсѣмъ не знаютъ своего возраста. Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ мнѣ такъ: «Можетъ, тридцать, а можетъ, уже и пятьдесятъ». Въ такихъ случаяхъ приходилось опредѣлять возрастъ приблизительно, на глазъ, и потомъ провѣрять по статейному списку. Молодежь 15 и постарше обыкновенно убавляетъ свои лѣта. Иная уже невѣста или давно уже занимается проституціей, а все еще 13 — 14 лѣтъ. Дѣло въ томъ, что дѣти и подростки въ бѣднѣйшихъ семьяхъ получаютъ отъ казны кормовья, которыя выдаются только до 15 лѣтъ, и тутъ молодыхъ людей и ихъ родителей простой расчетъ побуждаетъ говорить неправду.

Шестая строка относилась къ вѣроисповѣданію.

Седьмая: гдѣ родился? На этотъ вопросъ мнѣ отвѣчали безъ малѣйшаго затрудненія, и только бродяги отвѣчали какимъ-нибудь острожнымъ каламбуромъ или «не помню». Дѣвица Наталья Непомнящая, когда я спросилъ ее, какой она губерніи, сказала мнѣ: «всѣхъ понемножку». Землики замѣтно держатся другъ друга, вмѣстѣ ведутъ компанію и,

коли бѣгутъ, то тоже вмѣстѣ; тулякъ предпочитаетъ идти въ совладѣльцы къ туляку, бакинецъ къ бакинцу. Повидимому, существуютъ земличества. Когда случалось спрашивать про отсутствующаго, то земляки давали о немъ самыя подробныя свѣдѣнія.

Восьмая строка: съ какого года на Сахалинѣ? Рѣдкій сахалинецъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ сразу, безъ напряженія. Годъ прибытія на Сахалинъ — годъ страшнаго несчастія, а, между тѣмъ, его не знаютъ или не помнятъ. Спрашиваешь каторжную бабу, въ какомъ году ее привезли на Сахалинъ, а она отвѣчаетъ вяло, не думая: «Кто-жъ его знаетъ? Должно, въ 83-мъ». Вмѣшивается мужъ или сожитель: «Ну, что зря языкомъ болтать? Ты пришла въ 85-мъ». — «Можетъ, и въ 85-мъ», — соглашается она со вздохомъ. Начинаемъ считать и мужикъ выходитъ правъ. Мужчины не такъ туги, какъ бабы, но и они даютъ отвѣтъ не сразу, а подумавъ и поговоривъ.

— Тебя въ какомъ году пригнали на Сахалинъ? — спрашиваю я поселенца.

— Я одного сплава съ Гладкимъ, — говоритъ онъ неуверенно, поглядывая на товарищей.

Гладкій перваго сплава, а первый сплавъ, т. е. первый Добровольецъ, пришелъ на Сахалинъ въ 1879 г. Такъ и записываю. Или бываетъ такой отвѣтъ: «Въ каторгѣ я пробылъ шесть лѣтъ, да вотъ въ поселенцахъ ужъ третій годъ... Вотъ и считайте». — «Значитъ, ты на Сахалинѣ уже девятый годъ?» — «Никакъ нѣтъ. До Сахалина я еще въ централѣ отсиѣлъ два года». И т. д. Или такой отвѣтъ: «Я пришелъ въ тотъ годъ, когда Дербина убили». Или: «Тогда Мицуль померъ». Для меня было особенно важно получать вѣрные отвѣты отъ тѣхъ, которые пришли сюда въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ; мнѣ хотѣлось не пропустить ни одного изъ нихъ, что, по всей вѣроятности, не удалось мнѣ. Сколько уцѣлѣло изъ тѣхъ, которые пришли

сюда 20—25 лѣтъ назадъ?—вопросъ, можно сказать, роковой для сахалинской колонизаціи.

Въ девятой строкѣ я записывалъ главное занятіе и ремесло.

Въ десятой — грамотность. Обыкновенно, вопросъ предлагаютъ въ такой формѣ: «знаешь ли грамотѣ?» — я же спрашивалъ такъ: «умѣешь ли читать?»—и это во многихъ случаяхъ спасало меня отъ невѣрныхъ отвѣтовъ, потому что крестьяне, не пишущіе и умѣющіе разбирать только по-печатному, называютъ себя неграмотными. Есть и такіе, которые изъ скромности прикидываются невѣждами. «Гдѣ ужъ намъ? Какая наша грамота?» — и лишь при повтореніи вопроса говорятъ: «Разбиралъ когда-то по-печатному, да теперь, знать, забылъ. Народъ мы темный, одно слово — мужики.» Неграмотными называютъ себя также плохо видящіе глазами и слѣпые.

Одиннадцатая относилась къ семейному состоянію: женатъ, вдовъ, холостъ? Если женатъ, то гдѣ: на родинѣ, на Сахалинѣ? Слова «женатъ, вдовъ, холостъ» на Сахалинѣ еще не опредѣляютъ семейнаго положенія; здѣсь очень часто женатые бываютъ обречены на одинокую безбрачную жизнь, такъ какъ супруги ихъ живутъ на родинѣ и не даютъ имъ развода, а холостые и вдовы живутъ семейно и имѣютъ по подюжинѣ дѣтей; поэтому ведущихъ холостую жизнь не формально, а на самомъ дѣлѣ, хотя бы они значились женатыми, я считалъ не лишнимъ отмѣчать словомъ «одинокъ». Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ Россіи незаконный бракъ не имѣетъ такого широкаго и гласнаго распространенія и нигдѣ онъ не облеченъ въ такую оригинальную форму, какъ на Сахалинѣ. Незаконное или, какъ называютъ здѣсь, свободное сожительство не встрѣчаетъ себѣ противниковъ ни въ начальствѣ, ни въ духовенствѣ, а, наоборотъ, поощряется и санкціонируется. Есть поселенія, гдѣ не встрѣтишь ни одного законнаго сожительства. Свободныя пары

составляют хозяйства на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и законны; онѣ рождаютъ для колоніи дѣтей, а потому нѣтъ причинъ при регистраціи создавать для нихъ особія правила.

Наконецъ, двѣнадцатая строка: получаетъ ли пособіе отъ казны? Изъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ я хотѣлъ выяснить, какая часть населенія не въ состояніи обойтись безъ матеріальной поддержки отъ казны, или, другими словами, кто кормитъ колонію: она сама себя или казна? Пособіе отъ казны, кормовое или вещевое, или денежное, обязательно получаютъ всѣ каторжные, поселенцы въ первые годы по отбытіи каторги, богадельщики и дѣти обдѣйшихъ семей. Кромѣ этихъ офиціально признанныхъ пенсіонеровъ, я отмѣтилъ живущими на счетъ казны также и тѣхъ ссыльныхъ, которые получаютъ отъ нея жалованье за разные услуги, напримѣръ: учителя, писаря, надзиратели и т. п. Но отвѣтъ получился неполный. Кромѣ обычныхъ пайковъ, кормовыхъ и жалованій, въ широкихъ размѣрахъ практикуется еще выдача такихъ пособій, которыя невозможно отмѣтить на карточкахъ, напримѣръ: пособіе при вступленіи въ бракъ, покупка у поселенцевъ зерна по умышленно дорогой цѣнѣ, а, главное, выдача сѣмянъ, скота и пр. въ долгъ. Иной поселенецъ долженъ въ казну нѣсколько сотъ рублей и никогда ихъ не отдастъ, но я поневолѣ долженъ былъ записать его не получающимъ пособія.

Каждую женскую карточку я перечеркивалъ вдоль краснымъ карандашомъ и нахожу, что это удобнѣе, чѣмъ имѣть особую рубрику для отмѣтки пола. Я записывалъ только наличныхъ членовъ семьи; если мнѣ говорили, что старшій сынъ уѣхалъ во Владивостокъ на заработки, а второй служить въ селеніи Рыковскомъ въ работникахъ, то я перваго не записывалъ вовсе, а втораго заносилъ на карточку въ мѣстѣ его жительства.

Я ходилъ изъ избы въ избу одинъ; иногда сопровождалъ

меня какой-нибудь каторжный или поселенецъ, бравшій на себя отъ скуки роль проводника. Иногда за мной, или на нѣкоторомъ разстояніи, слѣдоваль, какъ тѣнь, надзиратель съ револьверомъ. Это посылали его на случай, если я потребую какихъ-нибудь разъясненій. Когда я обращался къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ, то лобъ у него мгновенно покрывался потомъ и онъ отвѣчалъ: «Не могу знать, ваше высокоблагородіе!» Обыкновенно, спутникъ мой, босой и безъ шапки, съ моею чернильницей въ рукахъ, забѣгалъ впередъ, шумно отворялъ дверь и въ сѣняхъ успѣвалъ что-то шепнуть хозяину—вѣроятно, свои предположенія насчетъ моей переписи. Я входилъ въ избу. На Сахалинѣ попадаются избы всякаго рода, смотря по тому, кто строилъ—сибирякъ, хохоль или чухонецъ, но чаще всего—это небольшой срубъ, аршинъ въ шесть, двухъ или трехъ-оконный, безъ всякихъ наружныхъ украшеній, крытый соломой, корьемъ и рѣдко тесомъ. Двора обыкновенно нѣтъ. Возлѣ ни одного деревца. Сараишко или банька на сибирскій манеръ встрѣчаются рѣдко. Если есть собаки, то вьлгя, не злыя, которыя, какъ я говорилъ уже, лаютъ на однихъ только гиляковъ, вѣроятно, потому, что тѣ носятъ обувь изъ собачьей шкуры. И почему-то эти смиренныя, безобидныя собаки на привязи. Если есть свинья, то съ колодкой на шеѣ. Пѣтухъ тоже привязанъ за ногу.

— Зачѣмъ это у тебя собака и пѣтухъ привязаны?— спрашиваю хозяина.

— У насъ на Сахалинѣ всѣ на цѣпи, — острить онъ въ отвѣтъ.—Земля ужъ такая.

Въ избѣ одна комната, съ русскою печкой. Полы деревянные. Столъ, два-три табурета, скамья, кровать съ постелью, или же постлано прямо на полу. Или такъ, что нѣтъ никакой мебели и только среди комнаты лежитъ на полу перина, и видно, что на ней только-что спали; на окнѣ чашка съ объѣдами. По обстановкѣ это не изба, не

комната, а скорѣе камера для одиночнаго заключенія. Гдѣ есть женщины и дѣти, тамъ, какъ бы ни было, похоже на хозяйство и на крестьянство, но все же и тамъ чувствуется отсутствіе чего-то важнаго; нѣтъ дѣда и бабки, нѣтъ старыхъ образовъ и дѣдовской мебели, стало быть, хозяйству недостаетъ прошлаго, традицій. Нѣтъ краснаго угла, или онъ очень бѣденъ и тускль, безъ лампы и безъ украшеній,—нѣтъ обычаевъ; обстановка носить случайный характеръ и похоже, какъ будто семья живетъ не у себя дома, а на квартирѣ, или будто она только-что пріѣхала и еще не успѣла освоиться; нѣтъ кошки, по зимнимъ вечерамъ не бываетъ слышно сверчка... а, главное, нѣтъ родины.

Картины, которыя я встрѣчалъ, обыкновенно не говорили мнѣ о домовитости, уютности и о прочности хозяйствъ. Чаще всего я встрѣчалъ въ избѣ самого хозяина, одинокаго, скучающаго бобыля, который, казалось, окоченѣлъ отъ вынужденнаго бездѣлья и скуки; на немъ вольное платье, но по привычкѣ шинель накинута на плечи по-арестантски и, если онъ недавно вышелъ изъ тюрьмы, то на столѣ у него валяется фуражка безъ козырька. Печка не топлена, посуды только и есть, что котелокъ, да бутылка, заткнутая бумажкой. Самъ онъ о своей жизни и о своемъ хозяйствѣ отзывается насмѣшливо, съ холоднымъ презрѣніемъ. Говорить, что уже всякіе способы перепробовалъ, но никакого толку не выходитъ; остается одно: махнуть на все рукой. Пока говоришь съ нимъ, въ избу собираются сосѣди и начинается разговоръ на разныя темы: о начальствѣ, климатѣ, женщинахъ... Отъ скуки всѣ готовы говорить и слушать безъ конца. Бываетъ и такъ, что, кромѣ хозяина, застаешь въ избѣ еще цѣлую толпу жильцовъ и работниковъ; на порогѣ сидитъ жилецъ-каторжный съ ремешкомъ на волосахъ и шьетъ чирки; пахнетъ кожей и сапожнымъ варомъ; въ сѣняхъ на лохмотьяхъ лежатъ его дѣти и тутъ же въ темномъ и тѣсномъ углу его жена, пришедшая за нимъ добро-

вольно, дѣлаетъ на маленькомъ столикѣ вареники съ голубикой; это недавно прибывшая изъ Россіи семья. Дальше, въ самой избѣ, человѣкъ пять мужчинъ, которые называютъ себя кто—жильцомъ, кто—работникомъ, а кто—сожителемъ; одинъ стоитъ около печки и, надувъ щеки, выпучивъ глаза, паяетъ что-то; другой, очевидно, шутъ, съ дѣланно-глупою фізіономіей, бормочетъ что-то, остальные хохочутъ въ кулаки. А на постели сидитъ вавилонская блудница, сама хозяйка Лукерья Непомнящая, лохматая, тощая, съ веснушками; она старается посмѣшнѣе отвѣчать на мои вопросы и болтаетъ при этомъ ногами. Глаза у нея нехорошіе, мутные, и по испитому, апатичному лицу я могу судить, сколько на своемъ еще короткомъ вѣку переиспытала она тюрьму, этаповъ, болѣзней. Эта Лукерья задаетъ въ избѣ общій тонъ жизни и, благодаря ей, на всей обстановкѣ сказывается близость ошалѣлаго, безпутнаго бродяги. Тутъ ужъ о серьезномъ хозяйствѣ не можетъ быть и рѣчи. Приходилось также заставать въ избѣ цѣлую компанію, которая до моего прихода играла въ карты; на лицахъ смущеніе, скука и ожиданіе: когда я уйду, чтобы опять можно было приняться за карты? Или входишь въ избу, и намека нѣтъ на мебель, печь голая, а на полу у стѣнъ рядышкомъ сидятъ черкесы, одни въ шапкахъ, другіе съ непокрытыми, стриженными и, повидимому, очень жесткими головами, и смотрятъ на меня, не мигая. Если я заставалъ дома одну только сожительницу, то обыкновенно она лежала въ постели, отвѣчала на мои вопросы, зѣвая и потягиваясь, и, когда я уходилъ, опять ложилась.

Ссылное населеніе смотрѣло на меня, какъ на лицо официальное; а на перепись—какъ на одну изъ тѣхъ формальныхъ процедуръ, которыя здѣсь такъ часты и обыкновенно ни къ чему не ведутъ. Впрочемъ, то обстоятельство, что я не здѣшній, не сахалинскій чиновникъ, возбуждало въ ссылныхъ нѣкоторое любопытство. Меня спрашивали:

— Зачѣмъ это вы всѣхъ насъ записываете?

И тутъ начинались разныя предположенія. Одни говорили, что, вѣроятно, высшее начальство хочетъ распредѣлить пособіе между ссыльными, другіе — что, должно быть, ужь рѣшили, наконецъ, переселять всѣхъ на материкъ, — а здѣсь упорно и крѣпко держится убѣжденіе, что рано или поздно каторга съ поселеніями будетъ переведена на материкъ, — третьи, прикидываясь скептиками, говорили, что они не ждуть уже ничего хорошаго, такъ какъ отъ нихъ самъ Богъ отказался, и это для того, чтобы вызвать съ моей стороны возраженіе. А изъ сѣней или съ печки, какъ бы въ насмѣшку надъ всѣми этими надеждами и догадками, доносился голосъ, въ которомъ слышались усталость, скука и досада на безпокойство:

— И все они пишутъ, и все они пишутъ, и все они пишутъ, Царица Небесная!

Голодать и, вообще, терпѣть какія-либо лишенія во время моихъ развѣздовъ по Сахалину мнѣ не приходилось. Я читалъ, будто агрономъ Мицуль, изслѣдуя островъ, терпѣлъ сильную нужду, и даже вынужденъ былъ съѣсть свою собаку. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства значительно измѣнились. Теперешній агрономъ ѣздитъ по отличнымъ дорогамъ; даже въ самыхъ бѣдныхъ селеніяхъ есть надзирательскія, или такъ-называемые станки, гдѣ всегда можно найти теплое помѣщеніе, самоваръ и постель. Изслѣдователи, когда отправляются вглубь острова, въ тайгу, то берутъ съ собой американскіе консервы, красное вино, тарелки, вилки, подушки и все, что только можно взвалить на плечи каторжнымъ, замѣняющимъ на Сахалинѣ вьючныхъ животныхъ. Случается и теперь, что люди питаются гнилушками съ солью и даже поѣдаютъ другъ друга, но это относится не къ туристамъ и не къ чиновникамъ.

Въ слѣдующихъ главахъ я буду описывать посты и селенія и попутно знакомить читателя съ каторжными рабо-

тами и тюрьмами, поскольку я самъ успѣлъ познакомиться съ ними въ короткое время. На Сахалинѣ каторжныя работы разнообразны въ высшей степени; онѣ не специализировались на золотѣ или углѣ, а обнимаютъ весь обиходъ сахалинской жизни и разбросаны по всѣмъ населеннымъ мѣстамъ острова. Корчовка лѣса, постройки, осушка болотъ, рыбныя ловли, сѣнокосъ, нагрузка пароходовъ, — все это виды каторжныхъ работъ, которыя по необходимости до такой степени слились съ жизнью колоніи, что выдѣлять ихъ и говорить о нихъ, какъ о чемъ-то самостоятельно существующемъ на островѣ, можно развѣ только при известномъ рутинномъ взглядѣ на дѣло, который на каторгѣ ищетъ, прежде всего, рудниковъ и заводскихъ работъ.

Я начну съ Александровской долины, съ селеній, расположенныхъ на рѣкѣ Дуйкѣ. На Сѣверномъ Сахалинѣ эта долина была первая избрана для поселеній не потому, что она лучше всѣхъ изслѣдована или отвѣчаетъ цѣлямъ колонизаціи, а просто случайно, благодаря тому обстоятельству, что она была ближайшей къ Дуэ, гдѣ впервые возникла каторга.

IV.

Рѣка Дуйка.—Александровская долина.—Слободка Александровка.—
Бродяга Красивый.—Александровскій постъ.—Его прошлое.—Юрты.—
Сахалинскій Парижъ.

Рѣка Дуйка или, какъ ее иначе называютъ, Александровка въ 1881 г., когда ее изслѣдовалъ зоологъ Поляковъ, въ своемъ нижнемъ теченіи имѣла до десяти сажени въ ширину, на берега ея были намыты громадныя кучи деревьевъ, обрушившихся въ воду, низина во многихъ мѣстахъ была покрыта старымъ лѣсомъ изъ пихты, лиственницы, ольхи и лѣсной ивы и кругомъ стояло непроходимое топкое болото. Въ настоящее же время эта рѣка имѣетъ видъ длинной узкой лужи. Шириной, совершенно голыми берегами

и своимъ слабымъ теченіемъ она напоминаетъ московскую Канаву.

Надо прочесть у Полякова описаніе Александровской долины и взглянуть на нее теперь, хотя мелькомъ, чтобы понять, какая масса тяжкаго, во-истину каторжнаго труда уже потрачена на культуру этого мѣста. «Съ высоты сосѣднихъ горъ, — пишетъ Поляковъ, — Александровская долина кажется спертою, глухою и лѣсистою... огромный хвойный лѣсъ покрываетъ значительныя пространства на днѣ ея». Онъ описываетъ болота, непроходимыя трясины, отвратительную почву и лѣса, гдѣ, «кромѣ громадныхъ, стоящихъ на корню деревьевъ, почва нерѣдко усыяна огромными полусгнившими стволами, свалившимися отъ старости или отъ бурь; между стволами у корней деревьевъ торчатъ часто кочки, заросшія мхомъ, рядомъ съ ними ямы и рытвины». Теперь же на мѣстѣ тайги, трясинъ и рытвинъ стоитъ цѣлый городъ, проложены дороги, зеленѣютъ луга, ржаныя поля и огороды, и слышатся уже жалобы на недостатокъ лѣсовъ. Изъ этой массѣ труда и борьбы, когда въ трясинѣ работали по поясъ въ водѣ, прибавить морозы, холодные дожди, тоску по родинѣ, обиды, розги и—въ воображеніи встанутъ страшныя фигуры. И не даромъ одинъ сахалинскій чиновникъ, добрякъ, всякій разъ, когда мы вдвоемъ ѣхали куда-нибудь, читалъ мнѣ некрасовскую *Желзную дорогу*.

Около самаго устья въ Дуйку, съ правой стороны, впадаетъ небольшая рѣчка, которая называется Малою Александровкой. По обѣ ея стороны расположено селеніе *Александровское* или Слободка. О ней я уже упоминалъ. Она составляетъ предмѣстье поста и уже слилась съ нимъ, но такъ какъ она отличается отъ него нѣкоторыми особенностями и живетъ самостоятельно, то о ней слѣдуетъ говорить особо. Это одно изъ самыхъ старыхъ селеній. Колонизація началась здѣсь вскорѣ послѣ учрежденія въ Дуэ каторжныхъ работъ. Выбрать именно это мѣсто, а не какое-

нибудь другое, побудили, какъ пишегъ Мицуль, роскошныя луга, хорошій строевой лѣсъ, судоходная рѣка, плодородная земля.. «Повидимому, — пишегъ этотъ фанатикъ, видѣвшій въ Сахалинѣ обѣтованную землю, — нельзя было и сомнѣваться въ успѣшномъ исходѣ колонизаціи, но изъ 8 чело-вѣкъ, высланныхъ съ этою цѣлью на Сахалинъ въ 1862 г., только 4 поселились около рѣки Дуйки». Но что могли сдѣлать эти 4? Они обрабатывали землю киркой и заступомъ, сѣяли, случалось, весной, вмѣсто яровыхъ, озимые, и кончили тѣмъ, что стали проситься на материкъ. Въ 1869 г. на мѣстѣ Слободки была основана сельско-хозяйственная ферма. Тутъ предполагалось рѣшить очень важный вопросъ: возможно ли разчитывать на успѣшность примѣненія къ сельскому хозяйству принудительнаго труда ссыльныхъ? Каторжные въ теченіе трехъ лѣтъ корчевали, строили дома, осушали болота, проводили дороги и занимались хлѣбопашествомъ, но по отбытіи срока не пожелали остаться здѣсь и обратились къ генераль-губернатору съ просьбой о переводѣ ихъ на материкъ, такъ какъ хлѣбопашество не давало ничего, а заработковъ не было. Просьба ихъ была уважена. Но то, что называлось фермой, продолжало существовать. Дуйскіе каторжные съ теченіемъ времени становились поселенцами, изъ Россіи прибывали каторжные съ семьями, которыхъ нужно было сажать на землю; приказано было считать Сахалинъ землею плодородною и годною для сельско-хозяйственной колоніи, и гдѣ жизнь не могла привиться естественнымъ порядкомъ, тамъ она мало-по-малу возникла искусственнымъ образомъ, принудительно, цѣной крупныхъ денежныхъ затратъ и человѣческихъ силъ. Въ 1879 г. д-ръ Августиновичъ засталъ уже въ Слободкѣ 28 домовъ*).

*) *Августиновичъ*: «Нѣсколько свѣдѣній о Сахалинѣ». Извлеченіе изъ путевого журнала. *Современность* 1880 г., № 1. Есть еще его статья: *Прѣбываніе на о. Сахалинѣ. Правительство. Вѣстникъ* 1879 г., № 276.

Въ настоящее время въ Слободкѣ 15 хозяйствъ. Дома здѣсь крытые тесомъ, просторные, иногда въ нѣсколько комнатъ, хорошія надворныя постройки, при усадьбахъ огороды. На каждые два дома приходится одна баня.

Всего показано въ описи подъ пашней $39\frac{3}{4}$, подъ сѣнокосомъ $24\frac{1}{2}$ дес. Лошадей 23 и рогатаго скота, крупнаго и мелкаго, 47.

По составу своихъ хозяевъ, Слободка считается аристократическимъ селеніемъ: одинъ надворный совѣтникъ, женатый на дочери поселенца, одинъ свободный, прибывшій на островъ за матерью каторжною, семь крестьянъ изъ ссыльныхъ, четыре поселенца и только два каторжныхъ.

Изъ 22 семей, живущихъ здѣсь, только 4 незаконныя. И по возрастному составу населенія Слободка приближается къ нормальной деревнѣ; рабочей возрастъ не преобладаетъ такъ рѣзко, какъ въ другихъ селеніяхъ; тутъ есть и дѣти, и юноши, и старики старше 65 и даже 75 лѣтъ.

Чѣмъ же, спрашивается, объяснить такое сравнительно благополучное состояніе Слободки даже въ виду заявленій самихъ же мѣстныхъ хозяевъ, что «хлѣбпашествомъ здѣсь не проживешь»? Въ отвѣтъ можно бы указать на нѣсколько причинъ, которыя при обычныхъ условіяхъ располагаютъ къ правильной, осѣдой, зажиточной жизни. Напримѣръ, большой процентъ старожиловъ, прибывшихъ на Сахалинъ до 1880 года и уже успѣвшихъ привыкнуть къ здѣшней землѣ и освоиться. Очень важно также, что за 19-ю мужами прибыли на Сахалинъ ихъ жены, и почти всѣ садившіеся на участки имѣли уже семьи. Женщинъ сравнительно достаточно, такъ что одиноко живущихъ только 9, причѣмъ ни одинъ не живетъ бобылемъ. Вообще Слободкѣ посчастливилось и, какъ на одно изъ благоприятныхъ обстоятельствъ можно еще указать на высокій процентъ грамотныхъ: 26 мужчинъ и 11 женщинъ.

Не говоря о надворномъ совѣтникѣ, занимающемъ на

Сахалинѣ должность землемѣра, почему хозяева свободного состоянія и крестьяне изъ ссыльныхъ не уходятъ на материкъ, если имѣютъ на то право? Говорятъ, удерживаютъ ихъ въ Слободкѣ успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ, но вѣдь это относится не ко всѣмъ. Вѣдь слободскіе сѣнокосы и пахотная земля находятся въ пользованіи не у всѣхъ хозяевъ, а лишь у нѣкоторыхъ. Луга и скотъ есть только у 8 хозяевъ, пахутъ землю 12, и, какъ бы ни было, размѣры сельскаго хозяйства здѣсь не настолько серьезны, чтобы ими можно было объяснить исключительно хорошее экономическое положеніе. Постороннихъ заработковъ нѣтъ никакихъ, ремеслами не занимаются и одинъ лишь Л., бывший офицеръ, имѣетъ лавочку. Официальныхъ данныхъ, которыя бы объяснили, почему жители Слободки богаты, тоже нѣтъ, и потому за рѣшеніемъ загадки поневолѣ приходится обратиться къ единственному въ этомъ случаѣ источнику — къ дурной славѣ. Въ прежнее время въ Слободкѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ производилась тайная торговля спиртомъ. На Сахалинѣ строго запрещены ввозъ и продажа спирта, и это создало особый видъ контрабанды. Спиртъ привозили и въ жестянкахъ, имѣвшихъ форму сахарной головы, и въ самоварахъ, и чуть ли не въ поясахъ, а чаще всего просто въ бочкахъ и въ обыкновенной посудѣ, такъ какъ мелкое начальство было подкуплено, а крупное смотрѣло сквозь пальцы. Въ Слободкѣ бутылка плохой водки продавалась за 6 и даже 10 рублей; всѣ тюрьмы Сѣвернаго Сахалина получали водку именно отсюда. Не брезговали ею и горькіе пьяницы изъ чиновниковъ; я знаю одного такого, который во время запоя за бутылку спирта отдавалъ арестантамъ буквально послѣднее.

Въ настоящее время насчетъ спирта въ Слободкѣ стало гораздо потише. Теперь поговариваютъ о другомъ промыслѣ — о торговлѣ старыми арестантскими вещами — «барахломъ». Скупаютъ за безцѣнокъ халаты, рубахи, по-

лушубки, и всю эту рвань сплавляютъ для сбыта въ Николаевскъ. Затѣмъ еще тайныя ссудныя кассы. Баронъ А. Н. Корфъ какъ-то въ разговорѣ называлъ Александровскій постъ сахалинскимъ Парижемъ. Все, что есть въ этомъ шумномъ и голодномъ Парижѣ увлекающагося, пьянаго, азартнаго, слабаго, когда хочется выпить или сбыть краденое, или продать душу нечистому, идетъ именно въ Слободку.

На пространствѣ между морскимъ берегомъ и постомъ, кромѣ рельсовой дороги и только что описанной Слободки, есть еще одна достопримѣчательность. Это перевозъ черезъ Дуйку. На водѣ, вмѣсто лодки или парома, большой, совершенно квадратный ящикъ. Капитаномъ этого единственнаго въ своемъ родѣ корабля состоитъ каторжный Красивый, не помнящій родства. Ему уже 71 годъ. Горбать, лопатки выпятились, одно ребро сломано, на рукѣ нѣтъ большого пальца и на всемъ тѣлѣ рубцы отъ плетей и шпицрутеновъ, полученныхъ имъ когда-то. Сѣдыхъ волосъ почти нѣтъ; волосы какъ бы полиняли, глаза голубые, ясные, съ веселымъ добродушнымъ взглядомъ. Одѣтъ въ лохмотья и босъ. Очень подвиженъ, говорливъ и любитъ посмѣяться. Въ 1855 г. онъ бѣжалъ изъ военной службы «по глупости» и сталъ бродяжить, называя себя непомнящимъ родства. Его задержали и отправили въ Забайкалье, какъ онъ говоритъ, въ казаки.

— Я тогда думалъ, — рассказывалъ онъ мнѣ: — что въ Сибири люди подъ землей живутъ, взялъ и убѣжалъ по дорогѣ изъ Тюмени. Дошелъ до Камышлова, тамъ меня задержали и присудили, ваше высокоблагородіе, на 20 лѣтъ въ каторгу и къ 90 плетямъ. Послали въ Кару, влѣпили тамъ эти самыя плети, а оттуда сюда на Сахалинъ въ Корсаковъ; я изъ Корсакова бѣжалъ съ товарищемъ, но дошелъ только до Дуи: тутъ заболѣлъ, не смогъ дальше идти. А товарищъ до Благовѣщенска дошелъ. Теперь ужъ я от-

служиваю второй срокъ, а всего живу тутъ на Сахалинѣ 22 года. И преступленія моего было всего, что изъ военной службы ушелъ.

— Зачѣмъ же ты теперь скрываешь свое настоящее имя? Какая надобность?

— Лѣтось я сказывалъ чиновнику свое имя.

— И что же?

— Да ничего. Чиновникъ говоритъ: «Пока справки дѣлать будемъ, такъ ты помрешь. Живи и такъ. На что тебѣ?» Это правда, безъ ошибки... Все равно жить не долго. А, все-таки, господинъ хорошій, родные узнали бы, гдѣ я.

— Какъ тебя зовутъ?

— Мое здѣшнее имя Игнатьевъ Василій, ваше высокоблагородіе.

— А настоящее?

Красивый подумалъ и сказалъ:

— Никита Трофимовъ. Я Скопинскаго уѣзда, Рязанской губерніи.

Сталъ я переправляться въ коробочкѣ черезъ рѣку. Красивый упирается длиннымъ шестомъ о дно и при этомъ напрягается все его тощее, костистое тѣло. Работа не легкая.

— А тебѣ, небось, тяжело?

— Ничего, ваше высокоблагородіе, меня никто въ шею не гонитъ, я легонько.

Онъ рассказываетъ, что на Сахалинѣ за всѣ 22 года онъ ни разу не былъ сѣченъ и ни разу не сидѣлъ въ карцерѣ.

— Потому что посылаютъ лѣсъ пилить—иду, даютъ вотъ эту палку въ руки—беру, велятъ печи въ канцеляріи топить—топлю. Повиноваться надо. Жизнь, нечего Бога гнѣвить, хорошая. Слава тебѣ Господи!

Лѣтомъ онъ живетъ въ юртѣ около перевоза. Въ юртѣ у него лохмотья, каравай хлѣба, ружье и спертый, кислый запахъ. На вопросъ, для чего ему ружье, говоритъ—отъ

воровъ и куликовъ стрѣлять—и смѣтея. Ружье испорчено и стоитъ тутъ только для виду. Зимю превращается онъ въ дровотаска и живетъ въ конторѣ на пристани. Однажды я видѣлъ, какъ онъ, высоко подсучивъ панталоны и показывая свои жилистыя, лиловыя ноги, тащилъ съ китайцемъ сѣтъ, въ которой серебрились горбуши, каждая величиною съ нашего судака. Я окликнулъ его и онъ радостно отвѣтилъ мнѣ.

Александровскій постъ основанъ въ 1881 г. Одинъ чиновникъ, который живетъ на Сахалинѣ уже 10 лѣтъ, говорилъ мнѣ, что когда онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Александровскій постъ, то едва не утонулъ въ болотѣ. Гермонахъ Ираклій, проживавшій до 1886 г. въ Александровскомъ посту, рассказывалъ, что вначалѣ тутъ было только три дома и въ небольшой казармѣ, гдѣ теперь живутъ музыканты, помѣщалась тюрьма. На улицахъ были пни. Тамъ, гдѣ теперь кирпичный заводъ, въ 1882 г. охотились на соболей. Для церкви о. Ираклію была предложена надзирательская будка, но онъ отказался отъ нея, ссылаясь на тѣсноту. Въ хорошую погоду служилъ онъ на площади, а въ дурную—въ казармѣ или гдѣ придется, одну обѣдницу.

— Служишь, а тутъ бряцанье кандаловъ,—рассказывалъ онъ:—шумъ, жаръ отъ котла. Тутъ «слава святей единосущней», а рядомъ—«растакую твою...»

Настоящій ростъ Александровска начался съ изданія новаго положенія Сахалина, когда было учреждено много новыхъ должностей, въ томъ числѣ одна генеральская. Для новыхъ людей и ихъ канцелярій понадобилось новое мѣсто, такъ какъ въ Дуэ, гдѣ до того времени находилось управленіе каторгой, было тѣсно и мрачно. Въ шести верстахъ отъ Дуэ на открытомъ мѣстѣ уже стояла Слободка, была уже на Дуйкѣ тюрьма, и вотъ по сосѣдству мало-по-малу стала вырастать резиденція: помѣщенія для чиновниковъ и канцелярій, церковь, склады, лавки и проч. И возникло то,

безъ чего Сахалинъ обойтись бы не могъ, а именно городъ, сахалинскій Парижъ, гдѣ находятъ себѣ соответствующія общество и обстановку, и кусокъ хлѣба городская публика, которая можетъ дышать только городскимъ воздухомъ и заниматься только городскими дѣлами.

Разныя постройки, раскорчевка и осушеніе почвы производились каторжными. До 1888 года, пока не была выстроена теперешняя тюрьма, жили они тутъ въ юртахъ-землянкахъ. Это были срубы, врытые въ землю на 2—2¹/₂ аршина, съ двухскатными земляными крышами. Окна были маленькія, узкія, въ уровень съ почвою, было темно, особенно зимою, когда юрты заносило снѣгомъ. Отъ поднятія почвенной воды иногда до пола, отъ постоянного застоя влаги въ земляныхъ крышахъ и въ рыхлыхъ гниющихъ стѣнахъ сырость въ этихъ погребахъ была ужасная. Спали люди въ полшубкахъ. Почва вокругъ, а также и колодець съ водой были постоянно загрязняемы человѣческими испражнениями и всякими отбросами, такъ какъ отхожихъ мѣсть и мусорныхъ ямъ не было вовсе. Въ юртахъ каторжные жили со своими женами и дѣтьми.

Въ настоящее время Александровскъ занимаетъ на планѣ площадь около двухъ квадратныхъ верстъ; но такъ какъ онъ уже слился со Слободкой и одною своею улицей подходитъ къ селенію Корсаковскому, чтобы въ самомъ недалекомъ будущемъ слиться съ нимъ, то размѣры его, въ самомъ дѣлѣ, болѣе внушительны. Онъ имѣетъ нѣсколько прямыхъ, широкихъ улицъ, которыя, однако, называются не улицами, а, по старой памяти, слободками. На Сахалинѣ есть манера давать названія улицамъ въ честь чиновниковъ еще при ихъ жизни; называютъ улицы не только по фамиліямъ, но даже по именамъ и отчествамъ *). Но по какой-то счаст-

*) Если, положимъ, чиновника зовутъ Иваномъ Петровичемъ Кузнецовымъ, то одну улицу называютъ Кузнецовской, другую Ивановской, а третью Иваново-Петровской.

ливой случайности Александровскъ не увѣковѣчилъ еще ни одного чиновника и улицы его сохранили до сихъ поръ названія слободокъ, изъ которыхъ онѣ образовались: Кирпичная, Пейсиковская, Касьяновская, Писарская, Солдатская. Происхожденіе всѣхъ этихъ названій понять не трудно, кромѣ Пейсиковской. Говорятъ, будто она названа такъ каторжными въ честь пейсовъ еврея, который торговалъ здѣсь, когда еще на мѣстѣ слободки была тайга; по другой же версіи, жила тутъ и торговала поселка Пейсикова.

На улицахъ деревянные тротуары, всюду чистота и порядокъ, и даже на отдаленныхъ улицахъ, гдѣ тѣснится бѣдность, нѣтъ лужъ и мусорныхъ кучъ. Главную суть поста составляетъ его официальная часть: церковь, домъ начальника острова, его канцелярія, почтово-телеграфная контора, полицейское управленіе съ типографіей, домъ начальника округа, лавка колонизаціоннаго фонда, военныя казармы, тюремная больница, военный лазаретъ, строящаяся мечеть съ минаретомъ, казенные дома, въ которыхъ квартируютъ чиновники, и ссыльно-каторжная тюрьма съ ея многочисленными складами и мастерскими. Дома большею частью новые, на европейскій ладъ, крытые желѣзомъ и часто выкрашенные снаружи. На Сахалинѣ нѣтъ известки и хорошаго камня, и потому каменныхъ построекъ нѣтъ.

Если не считать квартиръ чиновниковъ и офицеровъ, и Солдатской слободки, гдѣ живутъ солдаты, женатыя на свободныхъ, — элементъ подвижной, мѣняющійся здѣсь ежегодно, — то всѣхъ хозяйствъ въ Александровскѣ 298. Жителей 1,499: изъ нихъ мужчинъ 923, женщинъ 576. Если сюда прибавить свободное населеніе, военную команду и тѣхъ каторжныхъ, которые нечуютъ въ тюрьмѣ и не участвуютъ въ хозяйствахъ, то получится цифра около 3,000. Въ сравненіи съ Слободкой здѣсь очень мало крестьянъ, но зато каторжные составляютъ треть всего числа хозяевъ. Уставъ о ссыльныхъ разрѣшаетъ жить внѣ тюрьмы, а

стало быть, и обзаводиться хозяйствомъ только каторжнымъ разряда исправляющихся, но этотъ законъ постоянно обходится въ виду его непрактичности; въ избахъ живутъ не одни только исправляющіеся, но также испытуемые, долгосрочные и даже безсрочные. Не говоря уже о писаряхъ, чертежникахъ и хорошихъ мастерахъ, которымъ по роду ихъ занятій жить въ тюрьмѣ не приходится, на Сахалинѣ не мало семейныхъ каторжниковъ, мужей и отцовъ, которыхъ непрактично было бы держать въ тюрьмахъ отдѣльно отъ ихъ семей: это вносило бы немалую путаницу въ жизнь колоніи. Пришлось бы держать семьи тоже въ тюрьмахъ или же продовольствовать ихъ квартирой и пищей на счетъ казны, или же удерживать на родинѣ все время, пока отецъ семейства отбываетъ каторгу.

Каторжные разряда испытуемыхъ живутъ въ избахъ и часто поэтому несутъ болѣе слабое наказаніе, чѣмъ исправляющіеся. Тутъ рѣзко нарушается идея равномерности наказанія, но этотъ беспорядокъ находитъ себѣ оправданіе въ тѣхъ условіяхъ, изъ которыхъ сложилась жизнь колоніи, и, къ тому же, онъ легко устранимъ: стѣитъ только перевести изъ тюрьмы въ избы остальныхъ арестантовъ. Но, говоря о семейныхъ каторжныхъ, нельзя мириться съ другимъ беспорядкомъ—съ нерасчетливостью администраціи, съ какою она разрѣшаетъ десяткамъ семействъ селиться тамъ, гдѣ нѣтъ ни усадебной, ни пахотной земли, ни сѣнокосовъ, въ то время какъ въ селеніяхъ другихъ округовъ, поставленныхъ въ этомъ отношеніи въ болѣе благоприятныя условія, хозяйничаютъ только бобыли и хозяйства не задаются вовсе, благодаря недостатку женщинъ. Въ Южномъ Сахалинѣ, гдѣ урожай бываетъ ежегодно, есть селенія, въ которыхъ нѣтъ ни одной женщины, между тѣмъ, въ сахалинскомъ Парижѣ однѣхъ лишь женщинъ свободнаго состоянія, прибывшихъ за мужьями добровольно изъ Россіи, живетъ 158.

Въ Александровскѣ уже нѣтъ усадебной земли. Въ прежнее время, когда было просторно, давали подъ усадьбы 100—200 и даже 500 квадратныхъ сажень, теперь же сажаютъ на 12 и даже на 9 и 8. Я сосчиталъ 161 хозяйство, которыя ютятся со своими стройками и огородами на усадьбахъ, имѣющихъ каждая не болѣе 20 кв. сажень. Виноваты въ этомъ, главнымъ образомъ, естественныя условія Александровской долины: двигаться назадъ къ морю нельзя, не годится здѣсь почва, съ боковъ постъ ограничень горами, а впередъ онъ можетъ расти теперь только въ одномъ направленіи, вверхъ по теченію Дуйки, по такъ называемой Корсаковской дорогѣ: здѣсь усадьбы тянутся въ одинъ рядъ и тѣсно жмутся другъ къ другу.

По даннымъ подворной описи, пахотною землею пользуются только 36 хозяевъ, а сѣнокосомъ только 9. Величина участковъ пахотной земли колеблется между 300 саж. и 1 десятиной. Картофель сажаютъ почти всѣ. Лошади есть только у 16, а коровы у 38, причемъ скотъ держатъ крестьяне и поселенцы, занимающіеся не хлѣбопашествомъ, а торговлей. Изъ этихъ немногихъ цифръ слѣдуетъ заключить, что хозяйства въ Александровскѣ держатся не на хлѣбопашествѣ. Какую слабую притягательную силой обладаетъ здѣшняя земля, видно уже изъ того, что здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ хозяевъ-старожиловъ. Изъ тѣхъ, которые сѣли на участокъ въ 1881 г., не осталось ни одного; съ 1882 г. сидятъ только 6, съ 1883 г.—4, съ 1884 г.—13, съ 1885 г.—68. Значить, остальные 207 хозяевъ сѣли постѣ 1885 года. Судя по очень малому числу крестьянъ,—ихъ только 19,—нужно заключить, что каждый хозяинъ сидитъ на участкѣ столько времени, сколько нужно ему для получения крестьянскихъ правъ, т. е. права бросить хозяйство и уѣхать на материкъ.

Вопросъ, на какія средства существуетъ населеніе Александровска, до сихъ поръ остается для меня не вполне

рѣшеннымъ. Допустимъ, что хозяева со своими женами и дѣтьми, какъ ирландцы, питаются однимъ картофелемъ и что имъ хватаетъ его на круглый годъ; но что дѣлать тѣ 241 поселенцевъ и 358 каторжныхъ обоого пола, которые проживаютъ въ избахъ въ качествѣ сожителей, сожительницъ, жильцовъ и работниковъ? Правда, почти половина населенія получаетъ пособіе отъ казны въ видѣ арестантскихъ пайковъ и дѣтскихъ кормовыхъ. Есть и заработки. Болѣе ста человекъ заняты въ казенныхъ мастерскихъ и въ канцеляріяхъ. У меня отмѣчено на карточкахъ не мало мастеровъ, безъ которыхъ не обойтись въ городѣ: столяры, обойщики, ювелиры, часовые мастера, портные и т. п. Въ Александровскѣ за подѣлки изъ дерева и металловъ платятъ очень дорого, а давать «на чай» не принято меньше рубля. Но чтобы изо дня въ день вести городскую жизнь, достаточно ли арестантскихъ пайковъ и мелкихъ заработковъ, очень жалкихъ? У мастеровъ предложеніе несоизмѣримо превышаетъ спросъ, а чернорабочіе, напримѣръ, плотники, работаютъ за 10 коп. въ день на своихъ харчахъ. Населеніе здѣсь перебивается кое-какъ, но оно, тѣмъ не менѣе, все-таки, каждый день пьетъ чай, куритъ турецкій табакъ, ходитъ въ вольномъ платьѣ, платитъ за квартиры; оно покупаетъ дома у крестьянъ, отгѣзжающихъ на материкъ, и строитъ новые. Около него бойко торгуютъ лавочки и наживаютъ десятки тысячъ разные кулаки, выходящіе изъ арестантской среды.

Тутъ много неяснаго, и я остановился на предположеніяхъ, что въ Александровскѣ поселяются большею частью тѣ, которые пріѣзжаютъ сюда изъ Россіи съ деньгами, и что для населенія большимъ подспорьемъ въ жизни служатъ нелегальныя средства. Покупка арестантскихъ вещей и сбытъ ихъ большими партіями въ Николаевскъ, эксплуатация инородцевъ и новичковъ-арестантовъ, тайная торговля спиртомъ, дача денегъ въ ссуду за очень высокіе

проценты, азартная игра въ карты на большіе куши,— этимъ занимаются мужчины. А женщины, ссыльные и свободныя, добровольно пришедшія за мужьями, промышляютъ развратомъ. Когда одну женщину свободного состоянія спросили на слѣдствіи, откуда у нея деньги, она отвѣтила: «Заработала своимъ тѣломъ».

Всѣхъ семей 332: изъ нихъ законныхъ 185 и свободныхъ 147. Сравнительно большое количество семейныхъ объясняется не какими-либо особенностями хозяйствъ, располагающими къ семейной, домовитой жизни, а случайностями: легкомысліемъ мѣстной администраціи, сажающей семейныхъ на участки въ Александровскѣ, а не въ болѣе подходящемъ для этого мѣстѣ, и тою сравнительною легкостью, съ какою здѣшній поселенецъ, благодаря своей близости къ начальству и тюрьмѣ, получаетъ женщину. Если жизнь возникла и течетъ не обычнымъ естественнымъ порядкомъ, а искусственно, и если ростъ ея зависитъ не столько отъ естественныхъ и экономическихъ условій, сколько отъ теорій и произвола отдѣльныхъ лицъ, то подобныя случайности подчиняютъ ее себѣ существенно и неизбѣжно и становятся для этой искусственной жизни какъ бы законами.

V.

Александровская ссыльно-каторжная тюрьма.—Общія камеры.—Кандалыныя.—Золотая Ручка.—Отхожія мѣста.—Майданъ.—Каторжныя работы въ Александровскѣ.—Прислуга.—Мастерскія.

Въ Александровской ссыльно-каторжной тюрьмѣ я былъ вскорѣ послѣ пріѣзда *). Это большой четырехъугольный

---

*) Лучшая характеристика русскихъ тюремъ вообще сдѣлана П. В. Муравьевымъ въ его статьѣ: *Наши тюрьмы и тюремный вопросъ* (*Русскій Вѣстникъ* 1878 г., кн. IV). О сибирскихъ тюрьмахъ, послужившихъ прототипомъ для сахалинскихъ, см. изслѣдованіе С. В. Максимова: *Сибирь и каторга*.

дворъ, огороженный шестью деревянными бараками казарменнаго типа и заборомъ между ними. Ворота всегда открыты и около нихъ ходитъ часовая. Дворъ чисто подметенъ; на немъ нигдѣ не видно ни камней, ни мусора, ни отбросовъ, ни дужъ отъ помоевъ. Эта примѣрная чистота производитъ хорошее впечатлѣніе.

Двери у всѣхъ корпусовъ открыты настежь. Я вхожу въ одну изъ дверей. Небольшой коридоръ. Направо и налево двери, ведущія въ общія камеры. Надъ дверями черныя дощечки съ бѣлыми надписями: «Казарма № такой-то. Кубическаго содержанія воздуха столько-то. Помѣщается каторжныхъ столько-то». Прямо въ тупикѣ коридора тоже дверь, ведущая въ небольшую каморку: здѣсь два политическихъ, въ разстегнутыхъ жилеткахъ и въ чиркахъ на босую ногу, торопливо мнутъ перину, набитую соломой; на подоконникѣ книжка и кусокъ чернаго хлѣба. Сопровождающій меня начальникъ округа объясняетъ мнѣ, что этимъ двумъ арестантамъ было разрѣшено жить внѣ тюрьмы, но они, не желая отличаться отъ другихъ каторжныхъ, не воспользовались этимъ разрѣшеніемъ.

— Смирно! Встать!—раздается крикъ надзирателя.

Входимъ въ камеру. Помѣщеніе на видъ просторное, вмѣстимостью около 200 куб. сажень. Много свѣта, окна открыты. Стѣны некрашенныя, занозистыя, съ паклею между бревенъ, темныя; бѣлы однѣ только голландскія печи. Полъ деревянный, некрашенный, совершенно сухой. Вдоль всей камеры по срединѣ ея тянется одна сплошная нара, со скатомъ на обѣ стороны, такъ что каторжные спятъ въ два ряда, причемъ головы одного ряда обращены къ головамъ другого. Мѣста для каторжныхъ не нумерованы, ничѣмъ не отдѣлены одно отъ другого, и потому на нарахъ можно помѣстить 70 человѣкъ и 170. Постелей совсѣмъ нѣтъ. Спятъ на жесткомъ или подстилаютъ подъ себя старыя драные мѣшки, свою одежду и всякое гнилье,

чрезвычайно непривлекательное на видъ. На нарахъ лежатъ шапки, обувь, кусочки хлѣба, пустыя бутылки изъ-подъ молока, заткнутыя бумажкой или тряпочкой, сапожныя колодки; подъ нарами сундучки, грязныя мѣшки, узлы, инструменты и разная ветошь. Около наръ прогуливается сытая кошка. На стѣнахъ одежда, котелки, инструменты, на полкахъ чайники, хлѣбъ, ящички съ чѣмъ-то.

На Сахалинѣ свободные, при входѣ въ казармы, не снимаютъ шапокъ. Эта вѣжливость обязательна только для ссыльныхъ. Мы въ шапкахъ ходимъ около наръ, а арестанты стоятъ руки по швамъ и молча глядятъ на насъ. Мы тоже молчимъ и глядимъ на нихъ, и похоже на то, какъ будто мы пришли покупать ихъ. Мы идемъ дальше, въ другія камеры, и здѣсь та же ужасная нищета, которой такъ же трудно спрятаться подъ лохмотьями, какъ мухѣ подъ увеличительнымъ стекломъ, та же сарайная жизнь, въ полномъ смыслѣ нигилистическая, отрицающая собственность, одиночество, удобства, покойный сонъ.

Арестанты, живущіе въ Александровской тюрьмѣ, пользуются относительною свободой; они не носятъ кандаловъ, могутъ выходить изъ тюрьмы, въ продолженіе дня, куда угодно, безъ конвоя, не соблюдаютъ однообразія въ одеждѣ, а носятъ что придется, судя по погодѣ и работѣ. Подслѣдственные, недавно возвращенные съ бѣговъ и временно арестованные по какому-либо случаю, сидятъ подъ замкомъ въ особомъ корпусѣ, который называется «кандалной». Самая употребительная угроза на Сахалинѣ такая: «Я посажу тебя въ кандалную». Входъ въ это страшное мѣсто стерегутъ надзиратели, и одинъ изъ нихъ рапортуетъ намъ, что въ кандалной все обстоитъ благополучно.

Гремитъ висячій замокъ, громадный, неуклюжій, точно купленный у антикварія, и мы входимъ въ небольшую ка-

меру, гдѣ на этотъ разъ помѣщается человѣкъ 20, недавно возвращенныхъ съ бѣговъ. Оборванные, невытые, въ кандалахъ, въ безобразной обуви, перепутанной тряпками и веревками; одна половина головы разломачена, другая, бритая, уже начинаетъ заростать. Всѣ они отошались и словно облѣзли, но глядятъ бодро. Постелей нѣтъ, спятъ на голыхъ нарахъ. Въ углу стоитъ «парашка»; каждый можетъ совершать свои естественныя надобности не иначе, какъ въ присутствіи 20 свидѣтелей. Одинъ проситъ, чтобы его отпустили, и клянется, что ужъ больше не будетъ бѣгать; другой проситъ, чтобы сняли съ него кандалы; третій жалуется, что ему даютъ мало хлѣба.

Есть камеры, гдѣ сидятъ по-двое и по-трое, есть одиночныя. Тутъ встрѣчается не мало интересныхъ людей.

Изъ сидящихъ въ одиночныхъ камерахъ особенно обращаетъ на себя вниманіе извѣстная Софья Блювштейнъ — Золотая Ручка, осужденная за побѣгъ изъ Сибири въ каторжныя работы на три года. Это маленькая, худенькая, уже сѣдѣющая женщина съ помятымъ, старушечьимъ лицомъ. На рукахъ у нея кандалы; на нарахъ одна только шубейка изъ сѣрой овчины, которая служить ей и теплою одеждой, и постелью. Она ходитъ по своей камерѣ изъ угла въ уголъ, и кажется, что она все время нюхаетъ воздухъ, какъ мышь въ мышеловкѣ, и выраженіе лица у нея мышиное. Глядя на нее, не вѣрится, что еще недавно она была красива до такой степени, что очаровывала своихъ тюремщиковъ, какъ, напримѣръ, въ Смоленскѣ, гдѣ надзиратель помогъ ей бѣжать и самъ бѣжалъ вмѣстѣ съ нею. На Сахалинѣ она въ первое время, какъ и всѣ присылаемыя сюда женщины, жила внѣ тюрьмы, на вольной квартирѣ; она пробовала бѣжать и нарядилась для этого солдатомъ, но была задержана. Пока она находилась на волѣ, въ Александровскомъ посту было совершено нѣсколько преступленій: убили лавочника Никитина, украли у поседенца еврея Юрковского 56 тысячъ. Во всѣхъ

этихъ преступленійхъ Золотая Ручка подозрѣвается и обвиняется, какъ прямая участница или пособница. Мѣстная слѣдственная власть запутала ее и самоё себя такою густою проволокой всякихъ несообразностей и ошибокъ, что изъ дѣла ея рѣшительно ничего нельзя понять. Какъ бы то ни было, 56 тысячъ еще не найдены и служатъ пока сюжетомъ для самыхъ разнообразныхъ фантастическихъ разсказовъ.

О кухнѣ, гдѣ при мнѣ готовился обѣдъ для 900 человекъ, о провизіи и о томъ, какъ ѣдятъ арестанты, я буду говорить въ особой главѣ. Теперь же скажу нѣсколько словъ объ отхожемъ мѣстѣ. Какъ извѣстно, это удобство у громаднаго большинства русскихъ людей находится въ полномъ презрѣніи. Въ деревняхъ отхожихъ мѣстъ совсѣмъ нѣтъ. Въ монастыряхъ, на ярмаркахъ, въ постоянныхъ дворахъ и на всякаго рода промыслахъ, гдѣ еще не установленъ санитарный надзоръ, они отвратительны въ высшей степени. Презрѣніе къ отхожему мѣсту русской человѣкъ приносятъ съ собою и въ Сибирь. Изъ исторіи каторги видно, что отхожія мѣста всюду въ тюрьмахъ служили источникомъ удушливаго смрада и заразы и что населеніе тюремъ и администрація легко мирились съ этимъ. Въ 1872 г. на Карѣ, какъ писалъ г. Власовъ въ своемъ отчетѣ, при одной изъ казармъ совсѣмъ не было отхожаго мѣста и преступники выводились для естественной надобности на площадь, и это дѣлалось не по желанію каждаго изъ нихъ, а въ то время, когда собиралось нѣсколько человекъ. И такихъ примѣровъ я могъ бы привести сотню. Въ Александровской тюрьмѣ отхожее мѣсто, обыкновенная выгребная яма, помѣщается въ тюремномъ дворѣ въ отдѣльной пристройкѣ между казармами. Видно, что при устройствѣ его, прежде всего, старались, чтобъ оно обошлось возможно дешевле, но, все-таки, сравнительно съ прошлымъ замѣчается значительный прогрессъ. По крайней мѣрѣ, оно не возбуждаетъ

отвращенія. Помѣщеніе холодное и вентилируется деревянными трубами. Стойчаки устроены вдоль стѣнъ; на нихъ нельзя стоять, а можно только сидѣть, и это, главнымъ образомъ, спасаетъ здѣсь отхожее мѣсто отъ грязи и сырости. Дурной запахъ есть, но незначительный, маскируемый обычными снадобьями, въ родѣ дегтя и карболки. Отперто отхожее мѣсто не только днемъ, но и ночью, и эта простая мѣра дѣлаетъ ненужными параши; послѣднія ставятся теперь только въ кандалной.

Около тюрьмы есть колодець и по нему можно судить о высотѣ почвенной воды. Вслѣдствіе особаго строенія здѣшней почвы, почвенная вода даже на кладбищѣ, которое расположено на горѣ у моря, стоитъ такъ высоко, что я въ сухую погоду видѣлъ могилы, на половину наполненныя водою. Почва около тюрьмы и во всемъ посту дренирована канавами, но не достаточно глубокими, и отъ сырости тюрьма совсѣмъ не обезпечена.

Въ хорошую теплую погоду, которая здѣсь бываетъ не часто, тюрьма вентилируется превосходно: окна и двери открываются настежь и арестанты большую часть дня проводятъ на дворѣ или далеко внѣ тюрьмы. Зимой же и въ дурную погоду, т.-е. въ среднемъ почти 10 мѣсяцевъ въ году, приходится довольствоваться только форточками и печами. Лиственничный и еловый лѣсъ, изъ котораго сдѣланы тюрьма и ея фундаментъ, представляетъ хорошую естественную вентиляцію, но не надежную; вслѣдствіе большой влажності сахалинскаго воздуха и изобилія дождей, а также испареній, идущихъ изнутри, въ порахъ дерева скопляется вода, которая зимою замерзаетъ. Тюрьма вентилируется слабо, а, между тѣмъ, на каждаго ея обитателя приходится не много воздуха. У меня въ дневникѣ записано: «Казарма № 9. Кубическаго содержанія воздуха 187 саж. Помѣщается каторжныхъ 65». Это въ лѣтнее время, когда почуветь въ тюрьмѣ только половина всѣхъ

каторжныхъ. А вотъ цифры изъ медицинскаго отчета за 1888 г.: «Кубическая вмѣстимость арестантскихъ помѣщеній въ Александровской тюрьмѣ 970 саж.; числилось арестантовъ: наибольшее 1,950, наименьшее 1,623, среднее годовое 1,785; помѣщалось на ночлегъ 740; приходилось на одного человѣка воздуха 1,31 саж.». Наименьшее скопленіе каторжныхъ въ тюрьмѣ бываетъ въ лѣтніе мѣсяцы, когда они командируются въ округъ на дорожныя и полевыя работы, и наибольшее—осенью, когда они возвращаются съ работъ и «Доброволецъ» привозитъ новую партію въ 400—500 человѣкъ, которые живутъ въ Александровской тюрьмѣ впредь до распредѣленія ихъ по остальнымъ тюрьмамъ. Значитъ, меньше всего воздуха приходится на каждаго арестанта именно въ то время, когда вентиляція бываетъ наименѣе дѣйствительна.

Съ работъ, производимыхъ чаще въ ненастную погоду, каторжный возвращается въ тюрьму на ночлегъ въ промокшемъ платьѣ и въ грязной обуви; просушиться ему негдѣ; часть одежды развѣшиваетъ онъ около наръ, другую, не давъ ей просохнуть, подстиляетъ подъ себя, вмѣсто постели. Тулузъ его издаетъ запахъ овчины, обувь пахнетъ кожей и дегтемъ. Его бѣлье, пропитанное насквозь кожными отдѣленіями, не просушенное и давно не мытое, перемѣшанное со старыми мѣшками и гниющими обносками, его портянки съ удушливымъ запахомъ пота, самъ онъ, давно не бывшій въ банѣ, полный вшей, курящій дешевый табакъ, постоянно страдающій метеоризмомъ; его хлѣбъ, мясо, соленая рыба, которую онъ часто вялитъ тутъ же въ тюрьмѣ, крошки, кусочки, косточки, остатки щей въ котелкѣ; клопы, которыхъ онъ давитъ пальцами тутъ же на нарахъ,—все это дѣлаетъ казарменный воздухъ вонючимъ, промозглымъ, кислымъ; онъ насыщается водяными парами до крайней степени, такъ что во время сильныхъ морозовъ окна къ утру покрываются изнутри слоємъ льда и въ казармѣ становится темно;

сѣроводородъ, амміачныя и всякія другія соединенія мѣшаются въ воздухѣ съ водяными парами и происходятъ то самое, отъ чего, по словамъ надзирателей, «душу воротить».

При системѣ общихъ камеръ соблюденіе чистоты въ тюрьмѣ невозможно, и гигиена никогда не выйдетъ здѣсь изъ той тѣсной рамки, какую ограничили для нея сахалинскій климатъ и рабочая обстановка каторжнаго, и какими бы благими намѣреніями ни была проникнута администрація, она будетъ безсильна и никогда не избавится отъ нареканій. Надо или признать общія камеры уже отжившими и замѣнить ихъ жилищами иного типа, что уже отчасти и дѣлается, такъ какъ многіе каторжные живутъ не въ тюрьмѣ, а въ избахъ, или же мириться съ нечистотой, какъ съ неизбѣжнымъ, необходимымъ зломъ, и измѣренія испорченнаго воздуха кубическими саженьями предоставить тѣмъ, кто въ гигиенѣ видитъ одну только пустую формальность.

Въ пользу системы общихъ камеръ, я думаю, едва ли можно сказать что-нибудь хорошее. Люди, живущіе въ тюремной общей камерѣ,—это не община, не артель, налагающая на своихъ членовъ обязанности, а шайка, освобождающая ихъ отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ мѣсту, сосѣду и предмету. Приказывать каторжному, чтобы онъ не приносилъ на ногахъ грязи и навоза, не плевалъ бы на полъ и не разводилъ клоповъ—дѣло невозможное. Если въ камерѣ вонь или нѣтъ никому житья отъ воровства, или повѣтъ грязныя пѣсни, то виноваты въ этомъ всѣ, то есть никто. Я спрашиваю каторжнаго, бывшаго почетнаго гражданина: «Почему вы такъ неопрятны?» Онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Потому что моя опрятность была бы здѣсь бесполезна». И въ самомъ дѣлѣ, какую цѣну можетъ имѣть для каторжнаго собственная его чистоплотность, если завтра приведутъ новую партію и положить съ нимъ бокъ-о-бокъ сосѣда, отъ котораго ползутъ во всѣ стороны насѣкомыя и идетъ удушливый запахъ?

Общая камера не даетъ преступнику одиночества, необходимаго ему хотя бы для молитвы, для размышленій и того углубленія въ самого себя, которое считаютъ для него обязательнымъ всѣ сторонники исправительныхъ цѣлей. Свирѣпая картежная игра съ разрѣшенія подкупленныхъ надзирателей, ругань, смѣхъ, болтовня, хлопанье дверями, а въ кандалной звонъ оковъ, продолжающіеся всю ночь, мѣшаютъ утомленному рабочему спать, раздражаютъ его, что, конечно, не остается безъ дурного вліянія на его питаніе и психику. Стадная сарайная жизнь съ ея грубыми развлеченіями, съ неизбѣжнымъ воздѣйствіемъ дурныхъ на хорошихъ, какъ это давно уже признано, дѣйствуетъ на нравственность преступника самымъ растлѣвающимъ образомъ. Она отучаетъ его мало-по-малу отъ домовитости, то-есть того самаго качества, которое нужно беречь въ каторжномъ больше всего, такъ какъ по выходѣ изъ тюрьмы онъ становится самостоятельнымъ членомъ колоніи, гдѣ съ перваго же дня требуютъ отъ него, на основаніи закона и поды угрозой наказанія, чтобы онъ былъ хорошимъ хозяиномъ и добрымъ семьяниномъ.

Въ общихъ камерахъ приходится терпѣть и оправдывать такія безобразныя явленія, какъ ябедничество, наушничество, самосудъ, кулачество. Последнее находитъ здѣсь выраженіе въ такъ-называемыхъ майданахъ, перешедшихъ сюда изъ Сибири. Арестантъ, имѣющій и любящій деньги и пришедшій изъ-за нихъ на каторгу, кулакъ, скопидомъ и мошенникъ, беретъ на откупъ у товарищей-каторжныхъ право монопольной торговли въ казармѣ и, если мѣсто бойкое и многолюдное, то арендная плата, поступающая въ пользу арестантовъ, можетъ простираться даже до нѣсколькихъ сотенъ рублей въ годъ. Майданщикъ, т.-е. хозяинъ майдана, официально называется парашечникомъ, такъ какъ беретъ на себя обязанность выносить изъ камеръ параша, если онѣ есть, и слѣдить за чистотою. На нарѣ его обыкно-

венно стоитъ сундучокъ аршина въ полтора, зеленый или коричневый, около него и подъ нимъ разложены кусочки сахару, бѣлые хлѣбцы, величиною съ кулакъ, папирсы, бутылки съ молокомъ и еще какіе-то товары, завернутые въ бумажки и грязныя тряпочки *).

Подъ смиренными кусочками сахару и булками прячется зло; которое распространяетъ свое вліяніе далеко за предѣлы тюрьмы. Майданъ — это игорный домъ, маленькое Монте-Карло, развивающее въ арестантѣ заразительную страсть къ шоссю и другимъ азартнымъ играмъ. Около майдана и картъ непремѣнно ютится всегда готовое къ услугамъ ростовщичество, жестокое и неумолимое. Тюремные ростовщики берутъ по 10% въ день и даже за одинъ часъ; не выкупленный въ теченіе дня закладъ поступаетъ въ собственность ростовщика. Отбивъ свой срокъ, майданчики и ростовщики выходятъ на поселеніе, гдѣ не оставляютъ своей прибыльной дѣятельности, и поэтому нечего удивляться, что на Сахалинѣ есть поселенцы, у которыхъ можно украсть 56 тысячъ.

Лѣтомъ 1890 г., въ бытность мою на Сахалинѣ, при александровской тюрьмѣ числилось болѣе двухъ тысячъ каторжныхъ, но въ тюрьмѣ жило только около 900. Вотъ цифры, взятыя наудачу: въ началѣ лѣта, 3 мая 1890 г., довольствовалося изъ котла и ночевало въ тюрьмѣ 1,279, въ концѣ лѣта, 29 сентября, 675 человекъ. Что касается каторжныхъ работъ, производимыхъ въ самомъ Александровскѣ, то здѣсь приходится наблюдать, главнымъ образомъ, строительныя и всякія хозяйственныя работы: возведеніе новыхъ построекъ, ремонтъ старыхъ, содержаніе на город-

*) Пачка изъ 9—10 папирсовъ стоитъ 1 коп., бѣлая булочка 2 коп., бутылка молока 8—10, кусочекъ сахару 2 коп. Продажа производится на наличныя, въ долгъ и въ обмѣнъ на вещи. Майданъ продаетъ также водку, карты, свѣчные огарки для игры въ ночное время — это негласно. Карты дають и на-прокатъ.

ской манеръ улицъ, площадей и проч. Самыми тяжкими считаются плотницкія работы. Арестантъ, бывшій на родинѣ плотникомъ, несетъ здѣсь настоящую каторгу, и въ этомъ отношеніи онъ гораздо несчастливѣе маляра или кровельщика. Вся тягость работы не въ самой постройкѣ, а въ томъ, что каждое бревно, идущее въ дѣло, каторжный долженъ притащить изъ лѣса, а рубка въ настоящее время производится за 8 верстъ отъ поста. Лѣтомъ люди, напряженные въ бревно въ полъ-аршина и толще, а въ длину въ нѣсколько сажень, производятъ тяжелое впечатлѣніе; выраженіе ихъ лицъ страдальческое, особенно если они, какъ это я часто наблюдалъ, уроженцы Кавказа. Зимой же, говорятъ, они отмораживаютъ себѣ руки и ноги и часто даже замерзаютъ, не дотащивъ бревна до поста. Для администраціи плотницкія работы представляются тоже нелегкими, потому что людей, способныхъ на систематическій тяжкій трудъ, на Сахалинѣ вообще мало, и недостатокъ работниковъ—явленіе здѣсь обычное, хотя каторжные считаются тысячами. Ген. Кононовичъ говорилъ мнѣ, что затѣвать здѣсь новыя постройки и строиться очень трудно,—людей нѣтъ; если достаточно плотниковъ, то некому таскать бревна; если людей ушлютъ за бревнами, то не хватаетъ плотниковъ. Къ нелегкимъ работамъ относятся здѣсь также обязанности дровотасковъ, которые каждый день рубятъ дрова, заготовляютъ ихъ и подъ утро, когда еще всѣ спятъ, топятъ печи. Чтобы судить о степени напряженности труда, объ его тяжести, нужно брать во вниманіе не одну только затрачиваемую на него мышечную силу, но также условія мѣста и особенности труда, зависящія отъ этихъ условій. Сильные морозы зимою и сырость въ теченіе всего года въ Александровскѣ ставятъ черно-рабочаго въ положеніе иной разъ едва выносимое, какого онъ при той же работѣ, напримѣръ, при обыкновенной рубкѣ дровъ, не испыталъ бы въ Россіи. Законъ ограничиваетъ

трудъ каторжнаго «урочнымъ положеніемъ», приближая его къ обыкновенному крестьянскому и фабричному труду *); онъ же предоставляетъ разныя облегченія каторжнымъ разряда исправляющихся; но практика поневоль не всегда сообразуется съ закономъ именно въ силу мѣстныхъ условій и особенностей труда. Нельзя же вѣдь опредѣлить, сколько часовъ каторжный долженъ тащить бревно во время метели, нельзя освободить его отъ ночныхъ работъ, когда послѣднія необходимы, нельзя вѣдь по закону освободить исправляющагося отъ работы въ праздникъ, если онъ, напримѣръ, работаетъ въ угольной ямѣ вмѣстѣ съ испытуемымъ, такъ какъ тогда бы пришлось освободить обоихъ и прекратить работу. Часто отъ того, что работами завѣдуютъ люди не компетентные, неспособные и неловкіе, затрачивается на работы больше напряженія, чѣмъ бы слѣдовало. Напримѣръ, нагрузка и выгрузка пароходовъ, не требующія въ Россіи отъ рабочаго исключительнаго напряженія силъ, въ Александровскѣ часто представляются для людей истиннымъ мученіемъ; особенной команды, подготовленной и выученной специально для работъ на морѣ, нѣтъ; каждый разъ берутся все новые люди и оттого случается нерѣдко наблюдать во время волненія страшный беспорядокъ; на пароходѣ бранятся, выходятъ изъ себя, а внизу, на баржахъ, бьющихся о пароходъ, стоятъ и лежатъ люди съ зелеными, искривленными лицами, страдающіе отъ морской болѣзни, а около баржъ плаваютъ утерянныя весла. Благодаря этому, работа затягивается, время пропадаетъ

*) «Урочное положеніе для строительныхъ работъ, высочайше утвержденное 17 апрѣля 1869 г.» Петербургъ, 1887 г. По этому положенію, при опредѣленіи на разнаго рода работы принимаются въ основаніе: физическія силы рабочаго и степень навыка къ работѣ. Положеніе опредѣляетъ также число рабочихъ часовъ въ день, сообразно временамъ года и полосамъ Россіи. Сахалинъ отнесенъ къ средней полосѣ Россіи. Максимумъ рабочихъ часовъ—12½ въ сутки—приходится на май, іюнь и іюль, а минимумъ—7 ч.—на декабрь и январь.

даромъ и люди терпятъ ненужныя мученія. Однажды во время выгрузки парохода я слышалъ, какъ смотритель тюрьмы сказалъ: «У меня люди цѣлый день не ѣли».

Не мало каторжнаго труда затрачивается на удовлетвореніе потребностей тюрьмы. Въ тюрьмѣ каждый день работаютъ кашевары, хлѣбопеки, портные, сапожники, водоносы, поломойки, дневальныя, скотники и т. п. Каторжнымъ трудомъ пользуются также военное и телеграфное вѣдомства, землемѣръ; около 50 человѣкъ прикомандировано къ тюремному лазарету, неизвѣстно въ качествѣ кого и для чего, и не сочтешь тѣхъ, которые находятся въ услуженіи у гг. чиновниковъ. Каждый чиновникъ, даже состоящій въ чинѣ канцелярскаго служителя, насколько я могъ убѣдиться, можетъ брать себѣ неограниченное количество прислуги. Докторъ, у котораго я квартировалъ, жившій самъ-другъ съ сыномъ, имѣлъ повара, дворника, кухарку и горничную. Для младшаго тюремнаго врача это очень роскошно. У одного смотрителя тюрьмы было 8 человѣкъ штатной прислуги: швея, сапожникъ, горничная, лакей, онъ же разсылный, нянька, прачка, поваръ, поломойка. Вопросъ о прислугѣ на Сахалинѣ—обидный и грустный вопросъ, какъ, вѣроятно, вездѣ на каторгѣ, и не новый. Въ своемъ *Краткомъ очеркѣ нестройствъ, существующихъ на каторгѣ*, Власовъ писалъ, что въ 1871 г., когда онъ прибылъ на островъ, его «прежде всего поразило то обстоятельство, что каторжные съ разрѣшенія бывшаго генераль-губернатора составляютъ прислугу начальника и офицеровъ». Женщины, по его словамъ, раздавались въ услуги лицамъ управленія, не исключая и холостыхъ надзирателей. Въ 1872 г. генераль-губернаторъ Восточной Сибири Синельниковъ запретилъ отдачу преступниковъ въ услуженіе. Но это запрещеніе, имѣющее силу закона и до настоящаго времени, обходится самымъ безцеремоннымъ образомъ. Коллежскій регистраторъ записываетъ на себя полдюжины прислуги и, когда отправляется на пикникъ,

то посылаетъ впередъ съ провизіей десятокъ каторжныхъ. Начальники острова гг. Гинце и Кононовичъ боролись съ этимъ зломъ, но недостаточно энергично; по крайней мѣрѣ, я нашелъ только три приказа, относящихся къ вопросу о прислугѣ, и такихъ, которые человѣкъ заинтересованный могъ широко толковать въ свою пользу. Генераль Гинце, какъ бы въ отмѣну генераль-губернаторскаго предписанія, разрѣшилъ въ 1885 г. (приказъ № 95) чиновникамъ брать себѣ въ прислуги ссыльно-каторжныхъ женщинъ съ платою по два рубля въ мѣсяцъ, и чтобы деньги были обрацаемы въ казну. Генераль Кононовичъ въ 1888 г. отмѣнилъ приказъ своего предшественника, опредѣливъ: «ссыльно-каторжныхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, въ прислугу къ чиновникамъ не назначать и платы за женщинъ никакой не взыскивать. А такъ какъ казенныя зданія и службы при нихъ не могутъ оставаться безъ надзора и безъ удовлетворенія, то къ каждому такому зданію разрѣшаю назначать потребное число мужчинъ и женщинъ, показывая ихъ по наряду по этимъ назначеніямъ, какъ сторожей, дровотасковъ, поломоекъ и проч., смотря по потребности» (приказъ № 276). Но такъ какъ казенныя зданія и службы при нихъ въ громадномъ большинствѣ составляютъ не что иное, какъ квартиры чиновниковъ, то этотъ приказъ понимается какъ разрѣшеніе имѣть каторжную прислугу, и, притомъ, бесплатную. Во всякомъ случаѣ, въ 1890 г., когда я былъ на Сахалинѣ, всѣ чиновники, даже не имѣющіе никакого отношенія къ тюремному вѣдомству (наприм., начальникъ почтово-телеграфной конторы), пользовались каторжными для своего домашняго обихода въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, причемъ жалованья этой прислугѣ они не платили и кормилась она на счетъ казны.

Отдача каторжныхъ въ услуженіе частнымъ лицамъ находится въ полномъ противорѣчій со взглядомъ законодателя на наказаніе: это—не каторга, а крѣпостничество, такъ

какъ каторжный служить не государству, а лицу, которому нѣтъ никакого дѣла до исправительныхъ цѣлей или до идеи равномѣрности наказанія; онъ—не ссыльно-каторжный, а рабъ, зависящій отъ воли барина и его семьи, угождающій ихъ прихотямъ, участвующій въ кухонныхъ дрязгахъ. Становясь поселенцемъ, онъ является въ колоніи повтореніемъ нашего двороваго челоуѣка, умѣющаго чистить сапоги и жарить котлеты, но неспособнаго къ земледѣльческому труду, а потому и голоднаго, брошеннаго на произволъ судьбы. Отдача же въ услуженіе каторжныхъ женщинъ, кромѣ всего этого, имѣетъ еще свои спеціальныя неудобства. Не говоря уже о томъ, что въ средѣ подневольныхъ фавориты и содержанки вносятъ всегда струю чего-то подлаго, въ высшей степени унижительнаго для челоуѣческаго достоинства, они въ частности совершенно коверкаютъ дисциплину. Мнѣ одинъ изъ священниковъ рассказывалъ, что бывали случаи на Сахалинѣ, когда женщина свободнаго состоянія или солдатъ, будучи въ прислугахъ, должны были при извѣстныхъ обстоятельствахъ убирать и выносить послѣ каторжной *).

---

*) Власовъ въ своемъ отчетѣ пишетъ: «Такое странное отношеніе лицъ: офицера, каторжной въ качествѣ его любовницы и солдата въ роли ея кучера,—не можетъ не вызвать удивленія и сожалѣнія». Говорятъ, что это зло допускается только въ виду невозможности имѣть прислугу изъ лицъ свободнаго состоянія. Но это неправда. Во-первыхъ, возможно ограничить количество прислуги; вѣдь, находятъ же возможнымъ офицеры имѣть только по одному денщику. Во-вторыхъ, чиновники здѣсь, на Сахалинѣ, получаютъ хорошее жалованье и могутъ нанимать себѣ прислугу изъ среды поселенцевъ, крестьянъ изъ ссыльныхъ и женщинъ свободнаго состоянія, которые, въ большинствѣ случаевъ, нуждаются и потому не отказались бы отъ заработка. Мысль эта приходила, вѣроятно, и начальству, такъ какъ есть приказъ, въ которомъ одной поселкѣ, какъ неспособной къ земледѣльческому труду, разрѣшалось «пріобрѣтать средства къ существованію наймомъ въ прислуги у гг. чиновниковъ» (приказъ № 44-й 1889 г.).

То, что въ Александровскѣ съ важностью зовется «заводскою промышленностью», съ внѣшней стороны обставлено красиво и шумно, но не имѣетъ пока серьезнаго значенія. Въ литейной мастерской, которою завѣдуетъ механикъ-самоучка, я видѣлъ колокола, вагонныя и тачечныя колеса, ручную мельницу, машинку для ажурной работы, краны, приборы для печей и т. п., но все это производитъ игрушечное впечатлѣніе. Вещи прекрасны, но вѣдь сбыта нѣтъ никакого, а для мѣстныхъ надобностей было бы выгоднѣе приобрѣтать ихъ на материкѣ или въ Одессѣ, чѣмъ заводить свои локомобили и цѣлый штатъ платныхъ рабочихъ. Конечно, не было бы жаль никакихъ затратъ, если бы мастерскія здѣсь были школами, гдѣ каторжные учились бы мастерствамъ; на самомъ же дѣлѣ, въ литейной и слесарной работають не каторжные, а опытные мастера поселенцы, состоящіе на положеніи младшихъ надзирателей, съ жалованьемъ по 18 руб. въ мѣсяць. Здѣсь слишкомъ замѣтно увлеченіе вещью; гремятъ колеса и молотъ и свистятъ локомобили только во имя качества вещи и сбыта ея; коммерческія и художественныя соображенія не имѣють здѣсь никакого отношенія къ наказанію, а, между тѣмъ, на Сахалинѣ, какъ и вездѣ на каторгѣ, всякое предпріятіе должно имѣть свою ближайшую и отдаленную цѣлью только одно — исправленіе преступника, и здѣшнія мастерскія должны стремиться къ тому, чтобы сбывать на материкъ, прежде всего, не печныя дверцы и не краны, а полезныхъ людей и хорошо подготовленныхъ мастеровъ.

Паровая мельница, лѣсопильня и кузница содержатся въ отличномъ порядкѣ. Люди работають весело потому, вѣроятно, что сознають производительность труда. Но и здѣсь работають, главнымъ образомъ, специалисты, которые уже на родинѣ были мельниками, кузнецами и проч., а не тѣ, которые, живя на родинѣ, не умѣли работать, ничего не знали и теперъ больше, чѣмъ кто-либо, нуждаются въ мельни-

пахъ и кузницахъ, гдѣ бы ихъ обучили и поставили на ноги *).

VI.

Разсказъ Егора.

Докторъ, у котораго я квартировалъ, уѣхалъ на матёрникъ вскорѣ послѣ увольненія отъ службы, и я поселился у одного молодого чиновника, очень хорошаго человѣка. У него была только одна прислуга, старуха-хохлушка, каторжная, и изрѣдка, этакъ разъ въ день, навѣдывался къ нему каторжный Егоръ, дровотаскъ, который прислугую его не считался, но «изъ уваженія» приносилъ дровъ, убиралъ помой на кухнѣ и вообще исполнялъ обязанности, которыя были не подъ силу старушкѣ. Бывало, сидишь и читаешь, или пишешь что-нибудь, и вдругъ слышишь какой-то шорохъ и пыхтѣнье, и что-то тяжелое ворочается подъ столомъ около ногъ; взглянешь—это Егоръ, босой, собираетъ подъ столомъ бумажки или вытираетъ пыль. Ему лѣтъ подъ сорокъ и представляетъ онъ изъ себя человѣка неуклюжаго, неповоротливаго, какъ говорится, увальня, съ простодуш-

---

*) Мельница и слесарная находятся въ одномъ зданіи и получаютъ приводы отъ двухъ локобилей. Въ мельницѣ четыре постава съ размоломъ въ 1,500 п. въ день. Въ лѣсопилницѣ работаетъ старый локобилей, привезенный сюда еще кн. Шаховскимъ; его топятъ опилками. Въ кузницѣ производится работа день и ночь, въ двѣ смѣны, работаетъ шесть горновъ. Всего занято въ мастерской 105 человѣкъ. Каторжные въ Александровскѣ занимаются также добычей угля, но это дѣло едва ли будетъ имѣть когда-нибудь успѣхъ. Уголь изъ мѣстныхъ копей гораздо хуже дуйскаго: онъ грязнѣе на видъ и смѣшанъ со сланцемъ. Обходится онъ здѣсь не дешево, такъ какъ въ шахтахъ работаетъ постоянный штатъ рабочихъ подъ наблюдениемъ особаго горнаго инженера. Существованіе мѣстныхъ копей не вызывается необходимостью, такъ какъ до Дуэ не далеко, и оттуда во всякое время можно получать превосходный уголь. Открыты онъ, впрочемъ, съ доброю цѣлью—дать въ будущемъ заработокъ поселенцамъ.

нымъ, на первый взглядъ глуповатымъ лицомъ и съ широкимъ, какъ у налима, ртомъ. Онъ рыжий, борода у него жидкая, глаза маленькіе. На вопросъ онъ сразу не отвѣчаетъ, а сначала искоса посмотреть и спроситъ: «чаво?» или «кого ты?» Величаетъ вашимъ высокоблагородіемъ, но говорить *ты*. Онъ не можетъ сидѣть безъ работы ни одной минуты и находить ее всюду, куда бы ни пришелъ. Говорить съ вами, а самъ ищетъ глазами, нѣтъ ли чего убрать или починить. Онъ спитъ два-три часа въ сутки, потому что ему некогда спать. Въ праздники онъ обыкновенно стоитъ гдѣ-нибудь на перекресткѣ, въ пиджакѣ поверхъ красной рубахи, выпятивъ впередъ животъ и разставивъ ноги. Это называется «гулять».

Здѣсь, на каторгѣ, онъ самъ построилъ себѣ избу, дѣлаетъ ведра, столы, неуклюжіе шкапы. Умѣетъ дѣлать всякую мебель, но только «про себя», т. е. для собственной надобности. Самъ никогда не дрался и битъ не бывалъ; только когда-то въ дѣтствѣ отецъ высѣкъ его за то, что горохъ стерегъ и пѣтуха выпустилъ.

Однажды у меня съ нимъ происходилъ такой разговоръ:

— За что тебя сюда прислали?—спросилъ я.

— Чаво ты говоришь, ваше высокоблагородіе?

— За что тебя прислали на Сахалинъ?

— За убійство.

— Ты Расскажи мнѣ съ самаго начала, какъ было дѣло.

Егоръ сталъ у косяка, заложилъ назадъ руки и началъ:

— Ходили мы къ барину Владиміру Михайлычу, рядились о дровахъ, о пилкѣ и поставкѣ на станцію. Хорошо. Порядились и пошли домой. Этакъ не далеко отошедши отъ села, послалъ меня народъ въ контору съ условіемъ—засвидѣтельствовать. Я былъ на лошади. По дорогѣ къ конторѣ Андруха воротилъ меня: былъ большой разливъ, нельзя было проѣхать. «Завтра, говоритъ, я поѣду въ контору объ землѣ своей рендовой и это условіе засвидѣтельствую».

Ладно. Отсюда пошли мы вмѣстѣ: я на лошади, а компанія пѣшкомъ. Дошли мы до Парахина. Мужики зашли закури-вать къ кабаку, мы съ Андрюхой сзади остались на тротуарѣ около трактира. Онъ и говоритъ: «Нѣтъ ли у тебя, братко, пяточка? Выпить, говорить, хотню». А я ему: «Да ты, братъ, говорю, такой человѣкъ: зайдешь выпить за пяточокъ, да тутъ и запьяничаешь». А онъ говоритъ: «Нѣтъ, не буду, выпью, да и пойду домой». Подошли къ мужикамъ, стоворили на четверть, собрали на четверть, въ кабакъ зашли, четверть водки купили. Съели за столъ пить.

— Ты покороче,—замѣчаю я.

— Постой, не перебивай, ваше высокоблагородіе. Рос-нили мы эту водку, вотъ онъ, Андрюха то-есть, еще взялъ перцовки сороковку. По стакану налилъ себѣ и мнѣ. Мы по стакану вмѣстѣ съ нимъ и выпили. Ну, вотъ тутъ пошли весь народъ домой изъ кабака, и мы съ нимъ сзади пошли тоже. Меня переломило верхомъ-то ѣхать, я слѣзъ и сѣлъ тутъ на бережку. Я пѣсни пѣлъ да шутилъ. Разговору не было худого. Потомъ этого встали и пошли.

— Ты Расскажи мнѣ про убійство,—перебиваю я.

— Постой. Дома я легъ и спалъ до утра, пока не разбудили: «Ступай, кто изъ васъ побилъ Андрея?» Тутъ ужъ и Андрея привезли, и урядникъ пріѣхалъ. Урядникъ сталъ допрашивать насъ всѣхъ, никто мы не признаемъ къ этому дѣлу. А Андрей еще живой былъ и говоритъ: «Ты, Сергуха, ударилъ меня стягомъ, а больше я ничего не помню». Сергуха не признается. Мы всѣ такъ и думали, что Сергуха, и начали глядѣть за нимъ, чтобы не сдѣлалъ себѣ чего. Черезъ сутки Андрей померъ. Сергѣя и подучи тамъ свои, сестра да теть: «Ты, Сергѣй, не отпирайся, тебѣ все равно. Признавайся, да подтягивай, кого ближе захватилъ. Тебѣ влегота будетъ». Какъ только-что померъ Андрей, мы весь народъ и собрались къ старостѣ и Сергѣя оповѣстили. Сергѣя допрашиваемъ, а онъ не признается. Потомъ пустили

его къ себѣ ночевать въ свой домъ. Нѣкоторые его здѣсь стерегли, не сдѣлалъ бы себѣ чего. У него тутъ ружьишко было. Опасно. Поутру хватились—его нѣтъ, тутъ соскопили у него обыскъ дѣлать, и по деревнѣ искали, и въ поле бѣгали, искали его. Потомъ ужъ пришли изъ стану и объявили, что Сергѣй уже тамъ. Тутъ насъ начали забирать. А Сергѣй, знаешь, прямо къ становому, да къ уряднику, на колѣнки сталь и говорить на насъ, что Ефремовы дѣти уже года три нанимали побить Андрюху. «Дорогой, говоритъ, шли мы втроемъ—Иванъ, да Егоръ, да я — и сговорились вмѣстѣ побить. Я, говоритъ, корчовочкой ударилъ Андрюху, а Иванъ да Егоръ схватились бить его, а я испужался, да назадъ, говоритъ, побѣжалъ, за задними мужиками». Потомъ насъ—Ивана, Киршу, меня и Сергѣя—забрали и въ тюрьму въ городъ.

— А кто такіе Иванъ и Кирша?

— Братья мои родные. Въ тюрьму пришелъ купецъ Петръ Михайлычъ и взялъ насъ на поруки. И были на порукахъ у него до Покрова. Жили мы хорошо, сохранно. На другой день Покрова насъ судили въ городѣ. У Кирши были свидѣтели—задніе мужики выправили, а меня такъ, братъ, и влопало. Я на судѣ говорилъ то, что тебѣ вотъ сказываю, какъ есть, а судъ не вѣритъ: «Тутъ всѣ такъ говорятъ и глаза крестятъ, а все неправда». Ну, осудили, да въ острогъ. Въ острогѣ жили подъ замкомъ, но только былъ я парашечникомъ, подметалъ камеры и обѣдъ подносилъ. Давали мнѣ за это каждый по пайку хлѣба въ мѣсяцъ. Фунта три будетъ съ человѣка. Какъ слышали выходъ, телеграмму домой послали. Передъ Николай было дѣло. Женка и братъ Кирша пріѣхали насъ провѣдать и кое-чего тутъ привезли изъ платья, да и еще кое-чего... Женка плакала-выла, да ничего не подѣлаешь. Какъ поѣхала, я ей туда домой два пайка хлѣба далъ въ гостинцы. Поплакали и поклонъ послали дѣтямъ и всѣмъ крещенымъ. Дорогой мы были скованы

нарушнями. По два человекъ шли. Я шелъ съ Иваномъ. Въ Новгородѣ съ насъ карточки снимали, тутъ заковали насъ и головы брили. Потомъ въ Москву погнали. Въ Москвѣ, когда сидѣли, на помилованіе прошеніе посылали. Какъ ѣхалъ въ Одессу, не помню. Хорошо ѣхалъ. Въ Одессѣ насъ выпрашивали въ докторской, скидывали одежду всю, оглядывали. Потомъ собрали насъ и погнали на пароходъ. Тутъ казаки и солдаты насъ рядомъ вели по ступенькамъ и посадили насъ въ нутро. Сидимъ на нарахъ, да и все. Всякъ на свое мѣсто. На верхней нарѣ пять человекъ насъ сидѣло. Сперва мы не понимали, а потомъ говорятъ: «Поѣхали, поѣхали!» Ёхали, ёхали, а потомъ начало качать. Жаръ такой, голые стояли народъ. Кто блевалъ, а другой — ничего. Тутъ, конечно, больше лежали. А штормъ гораздъ былъ. Во всѣ стороны кидало. Ёхали, ёхали, потомъ и наѣхали. Насъ такъ и толконуло. День туманный. Сталось темно. Какъ толконуло, и установилось, качается, знашь, на скалахъ; думали, что рыба это качаетъ подъ низомъ, ворочаетъ пароходъ *). Напередъ дергали, дергали — не сдернуть, да назадъ зачали дергать. Назадъ стали дергать, посередкѣ и проломило снизу. Начали парусомъ дыру затягивать; затягивали, затягивали — ничего способу нѣтъ. Вода накопилась до самаго полу, гдѣ народъ сидитъ, и стала подъ народъ выходить вода на полъ. Народъ просить: «Не дайте погибнуть, ваше благородіе!» И онъ сперва: «Не ломитесь, не проситесь, не дамъ погибнуть ничего.» Потомъ стало накопляться подъ нижнія нары. Крещеные стали проситься да ломиться. Баринъ и говорить: «Ну, ребята, выпущу васъ, только чтобъ не бунтовать, а нѣтъ — всѣхъ перестрѣляю». Потомъ выпустилъ. Сдѣлали богомоленіе, чтобы Господь усмирить, не погибнуть бы. Моли-

*) Рѣчь идетъ о крушеніи «Костромы» у западнаго берега Сахалина въ 1886 г.

лись на колѣнкахъ. Послѣ богомоленія выдавали намъ галеты, сахаръ и море засмирилось. На другой день стали вывозить народъ на баржахъ на берегъ. На берегу было богомоленіе. Потомъ насъ перегрузили на другое судно, турецкое *), и привезли сюда, въ Александровскъ. Сняли насъ засвѣтло на пристань, да тутъ долго насъ продержали, и отправились мы съ пристани уже въ потемухахъ. Крещенные такъ плетнемъ и шли, а тутъ еще навалилась куриная слѣпота. Другъ за дружку держатся; кто видитъ, а кто и нѣтъ—вотъ и цѣплялись. Я за собой десятокъ крещеныхъ вель. Пригнали въ тюрьму на дворъ и стали разбирать по казармамъ, кого куда. Ужинали передъ сномъ, что было у кого, а утромъ намъ начали выдавать, что слѣдуетъ. Дня два отдыхали, на третій въ баню, а на четвертый работать погнали. Перво-на-перво копали канавы подъ зданіе, гдѣ лазаретъ теперь. Корчевали, обирали, копали и все прочее—этакъ недѣлю или двѣ, а, можетъ, и съ мѣсяць. Потомъ мы возили бревна изъ-подъ Михайловки. Таскомъ таскали версты за три и въ груды у моста сваливали. Потомъ на огородъ погнали ямы для воды копать. А какъ наступилъ сѣнокосъ, стали собирать крещеныхъ: спрашиваютъ, кто косить умѣетъ,—ну, кто признавался, того и писали. Выдали намъ на всю артель хлѣбъ, крупу, мясо и погнали съ надзирателемъ на сѣнокосъ въ Армуданы. Жилъ я ничего, Богъ здоровья давалъ, и косилъ я хорошо. Другихъ надзиратель колотилъ, а я дурного слова не слыхивалъ. Ругается только народъ, зачѣмъ бойко идешь,—ну, да ничего. Въ свободное время или когда дождь, я плелъ себѣ ступни. Люди спать съ работы, а я сижу да плету. Ступни продавалъ, двѣ порціи говядины за ступни, а это четыре копейки стоитъ. Сѣнокосъ выставивши, пошли домой. Домой пришли, сняли насъ въ тюрьму. Потомъ взяли меня

*) Пароходъ добровольнаго флота «Владивостокъ»

къ поселенцу Сашкѣ на Михайловку въ работники. У Сашки я дѣлалъ все по крестьянской работѣ: жаль, убиралъ, молотилъ, картошку копалъ, а Сашка за меня въ кѣзну бревна возилъ. Ъли все свое, что получали изъ кѣзны. Отработалъ я два мѣсяца и четыре дня. Обѣщалъ Сашка денегъ, да не далъ ничего. Только и далъ, что пудъ картошки. Привезъ меня Сашка въ тюрьму и сдалъ. Выдали мнѣ топоръ и веревку—дрова таскать. Семь печей отоплялъ. Я въ юртѣ жилъ, за камарщика воду носилъ и подметалъ. У татарина магзы *) майданъ сторожилъ. Какъ приду съ работы, мнѣ онъ свой майданъ увѣрялъ, я продавалъ, а онъ мнѣ за это 15 копеекъ въ сутки платилъ. Весной, когда дни стали подолже, я сталъ плестъ лапти. Бралъ по десять копеекъ. А лѣтомъ рѣкой дрова гонялъ. Накопилъ я ихъ кучу большую и потомъ этого продалъ жиду баньцику. Накопилъ я также лѣсу 60 деревъ и продалъ по 15 копеекъ. Вотъ и живу помаленьку, какъ Богъ даетъ. А только, ваше высокоблагородіе, разговаривать мнѣ съ тобой некогда, надо по воду идти.

— Въ поселенцы скоро выйдешь?

— Лѣтъ черезъ пять.

— Скучаешь по дому?

— Нѣтъ. Одно вотъ только—дѣтей жалко. Глупы.

— Скажи, Егоръ, о чемъ ты думалъ, когда тебя въ Одессѣ на пароходъ вели?

— Бога молилъ.

— О чемъ?

— Чтобы дѣтямъ ума-разума послалъ.

— Отчего ты жену и дѣтей не взялъ съ собой на Сахалинъ?

— Потому что имъ и дома хорошо.

---

*) Китаецъ манза.

VII.

Маякъ.—Корсаковское.—Коллекція д-ра П. И. Супруненко.—Метеорологическая станція. — Климатъ Александровскаго округа. — Ново-Михайловка. — Потемкинъ.—Эксп-палачь Терскій. — Красный Яръ.—Бутаково.

Прогулки по Александровску и его окрестностямъ съ почтовымъ чиновникомъ, авторомъ *Сахалина*, оставили во мнѣ пріятное воспоминаніе. Чаще всего мы ходили къ маяку, который стоитъ высоко надъ долиной, на мысѣ Жонкіеръ. Днемъ маякъ, если посмотришь на него снизу,—скромный бѣлый домикъ съ мачтой и съ фонаремъ, ночью же онъ ярко свѣтитъ въ темнотѣхъ и кажется тогда, что каторга глядитъ на міръ своимъ краснымъ глазомъ. Дорога къ домику поднимается круто, оборачиваясь спиралью вокругъ горы, мимо старыхъ лиственницъ и елей. Чѣмъ выше поднимаешься, тѣмъ свободнѣе дышется; море раскидывается передъ глазами, приходятъ мало-по-малу мысли, ничего общаго не имѣющія ни съ тюрьмой, ни съ каторгой, ни съ ссыльною колоніей, и тутъ только сознаешь, какъ скучно и трудно живетъ внизу. Каторжные и поселенцы изо дня въ день несутъ наказаніе, а свободные отъ утра до вечера говорятъ только о томъ, кого драли, кто бѣжалъ, кого поймали и будутъ драть; и странно, что къ этимъ разговорамъ и интересамъ самъ привыкаешь въ одну недѣлю и, проснувшись утромъ, принимаешься, прежде всего, за печатные генеральскіе приказы—мѣстную ежедневную газету, и потомъ цѣлый день слушаешь и говоришь о томъ, кто бѣжалъ, кого подстрѣлили и т. п. На горѣ же, въ виду моря и красивыхъ овраговъ, все это становится до-нельзя пошло и грубо, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ.

Говорятъ, что по дорогѣ на маякъ когда-то стояли скамьи, но что ихъ вынуждены были убрать, потому что каторжные и поселенцы во время прогулокъ писали на нихъ и вырѣзывали ножами грязные пасквили и всякія сальности. Лю-

бителей такъ-называемой заборной литературы много и на волѣ, но на каторгѣ цинизмъ превосходитъ всякую мѣру и не идетъ въ сравненіе ни съ чѣмъ. Здѣсь не только скамьи и стѣны задворковъ, но даже любовныя письма отвратительны. Замѣчательно, что человѣкъ пишетъ и вырѣзываетъ на скамѣхъ разные мерзости, хотя, въ то же время, чувствуетъ себя потеряннымъ, брошеннымъ, глубоко несчастнымъ. Иной уже старикъ и толкуетъ, что ему свѣтъ постылъ и умирать пора, у него жестокой ревматизмъ и плохо видятъ глаза, но съ какимъ аппетитомъ произноситъ онъ безъ передышки извозчицю брань, растянутую въ длинную вязь изъ всякихъ отборныхъ ругательныхъ словъ и вычурную, какъ заклинаніе отъ лихорадки. Если же онъ грамотенъ, то въ уединенномъ мѣстѣ ему бываетъ трудно подавить въ себѣ задоръ и удержаться отъ искушенія нацарапать на стѣнѣ хотя бы ногтемъ какое-нибудь запретное слово.

Около домика рвется на цѣпи злая собака. Пушка и колоколь; говорятъ, что скоро привезутъ и поставятъ здѣсь ревуны, который будетъ реветъ во время тумановъ и нагонять тоску на жителей Александровска. Если, стоя въ фонарѣ маяка, поглядѣть внизъ на море и на «Трехъ Братьевъ», около которыхъ пѣнятся волны, то кружится голова и становится жутко. Неясно виденъ Татарскій берегъ и даже входъ въ бухту де-Кастри; смотритель маяка говоритъ, что ему бываетъ видно, какъ входятъ и выходятъ изъ де-Кастри суда. Широкое, сверкающее отъ солнца море глухо шумитъ внизу, далекій берегъ соблазнительно манитъ къ себѣ, и становится грустно и тоскливо, какъ будто никогда уже не выберешься изъ этого Сахалина. Глядишь на тотъ берегъ и кажется, что будь я каторжникомъ, то бѣжалъ бы отсюда непременно, несмотря ни на что.

За Александровскомъ, вверхъ по теченію Дуйки, слѣдуетъ селеніе *Корсаковское*. Основано оно въ 1881 году и названо такъ въ честь М. С. Корсакова, бывшаго генераль-губернатора

Восточной Сибири. Интересно, что на Сахалинѣ даютъ названія селеніямъ въ честь сибирскихъ губернаторовъ, смотрителей тюремъ и даже фельдшеровъ, но совершенно забываютъ объ изслѣдователяхъ, какъ Невельской, морякъ Корсаковъ, Бошнякъ, Поляковъ и многіе другіе, память которыхъ, полагаю, заслуживаетъ большаго уваженія и вниманія, чѣмъ какого-нибудь смотрителя Дербина, убитаго за жестокость *).

Въ Корсаковкѣ жителей 272:153 м. и 119 ж. Всѣхъ хозяевъ 58. По составу своихъ хозяевъ, изъ которыхъ 26 имѣютъ крестьянское званіе и только 9—каторжные, по количеству женщинъ, сѣнокоса, скота и проч., Корсаковка мало отличается отъ зажиточной Александровской слободки, 8 хозяевъ имѣютъ по два дома и на каждыя 9 домовъ приходится одна баня. Лошадей имѣютъ 45 хозяевъ, коровъ 4—9. Многіе изъ нихъ имѣютъ по 2 лошади и по 3—4 коровы. По количеству старожиловъ, Корсаковка занимаетъ на Сѣверномъ Сахалинѣ едва ли не первое мѣсто—43 хозяина сидятъ на своихъ участкахъ съ самаго основанія селенія. Переписывая жителей, я встрѣтилъ 8 человѣкъ, которые прибыли на Сахалинъ до 1870 г., а одинъ изъ нихъ присланъ даже въ 1866 г. А высокій процентъ старожиловъ въ колоніи—это добрый знакъ.

Внѣшностью своею Корсаковка до обмана похожа на хорошую русскую деревушку, и, притомъ, глухую, которой

---

*) Для ссыльной колоніи до настоящаго времени больше всѣхъ сдѣлали, въ смыслѣ ея созиданія и ответственности за нее, два человека: М. С. Мипуль и М. Н. Галкинъ-Враской. Въ честь перваго названо маленькое селеніе изъ десяти дворовъ, бѣдное и недолговѣчное, а въ честь втораго—селеніе, которое уже имѣло старое и прочное мѣстное названіе Сіяцы, такъ что только на бумагахъ, да и то не на всѣхъ, оно называется Галкино-Враское. Между тѣмъ, имя М. С. Корсакова носятъ на Сахалинѣ селеніе и большой постъ не за какія-либо особенныя заслуги или жертвы, а только потому, что онъ былъ генералъ-губернаторомъ и могъ нагнать страху.

еще не коснулась цивилизація. Я тутъ былъ въ первый разъ въ воскресенье послѣ обѣда. Была тихая, теплая погода и чувствовался праздникъ. Мужики спали въ тѣни или пили чай; у воротъ и подъ окнами бабы искали другъ у друга въ головахъ. Въ палисадникахъ и въ огородахъ цвѣты, въ окнахъ герань. Много дѣтей, всѣ на улицѣ и играютъ въ солдаты или въ лошадки и возятся съ сытыми собаками, которымъ хочется спать. А когда пастухъ, старшій бродяга, пригналъ стадо больше чѣмъ въ полтораста головъ и воздухъ наполнился лѣтними звуками,—мычанье, хлопанье бича, крикъ бабъ и дѣтей, загоняющихъ телятъ, глухіе удары босыхъ ногъ и копытъ по пыльной унавоженной дорогѣ,—и когда запахло молокомъ, то иллюзія получилась полная. И даже Дуйка здѣсь привлекательна. Мѣстами течетъ она по задворкамъ, мимо огородовъ; тутъ берега у нея зеленые, поросшіе тальникомъ и осокой; когда я видѣлъ ее, на ея совершенно гладкую поверхность ложились вечернія тѣни; она была тиха и, казалось, дремала.

Здѣсь, какъ и въ богатой Александровской слободкѣ, мы находимъ высокій процентъ старожиловъ, женщинъ и грамотныхъ, большое число женщинъ свободнаго состоянія и почти ту же самую «исторію прошлаго», съ тайною продажей спирта, кулачествомъ и т. п.; рассказываютъ, что въ былое время тутъ въ устройствѣ хозяйствъ также игралъ замѣтную роль фаворитизмъ, когда начальство легко давало въ долгъ и скоть, и сѣмена, и даже спиртъ, и тѣмъ легче, что корсаковцы будто бы всегда были политиканами и даже самыхъ маленькихъ чиновниковъ величали вашимъ превосходительствомъ. Но, въ отличіе отъ Александровской слободки, здѣсь главною причиною зажиточности являются, все-таки, не продажа спирта, не фаворитизмъ или близость сахалинскаго Парижа, а несомнѣнные успѣхи въ хлѣбопашествѣ. Въ то время, какъ въ слободкѣ четверть хозяевъ обходится безъ пахотной земли, а другая четверть имѣетъ

ея очень мало, здѣсь, въ Корсаковѣ, всѣ хозяева пахутъ землю и сѣютъ зерновые хлѣба; тамъ половина хозяевъ обходится безъ скота и, все-таки, сыта, здѣсь же почти всѣ хозяева находятъ нужнымъ держать скотъ. По многимъ причинамъ, нельзя относиться къ сахалинскому земледѣлю иначе, какъ скептически, но что оно въ Корсаковѣ поставлено серьезно и даетъ сравнительно хорошіе результаты, признать необходимо. Нельзя же вѣдь допустить, чтобы корсаковцы бросали ежегодно въ землю двѣ тысячи пудовъ зерна только изъ упрямства или изъ желанія угодить начальству. У меня нѣтъ точныхъ цифръ относительно урожаяевъ, а показаніямъ самихъ корсаковцевъ вѣрить нельзя, но по нѣкоторымъ признакамъ, какъ, на примѣръ, большое количество скота, внѣшняя обстановка жизни и то, что здѣшніе крестьяне не торопятся уѣзжать на материкъ, хотя давно уже имѣютъ на это право, слѣдуетъ заключить, что урожаи здѣсь не только кормятъ, но и даютъ нѣкоторый избытокъ, располагающій поселенца къ осѣдлой жизни.

Почему корсаковцамъ удается хлѣбопашество въ то время, какъ жители сосѣднихъ селеній терпятъ крайнюю нужду отъ цѣлага ряда неудачъ и уже отчаялись кормиться когда-либо своимъ хлѣбомъ, объяснить не трудно. Тамъ, гдѣ расположена Корсаковка, долина рѣки Дуйки наиболѣе широка, и корсаковцы уже съ самаго начала, когда садились на участки, имѣли въ своемъ распоряженіи громадную площадь земли. Они могли не только брать, но и выбирать. Въ настоящее время 20 хозяевъ имѣютъ подъ пашней отъ 3 до 6 и рѣдко кто меньше 2 десятинъ. Если читатель пожелаетъ сравнить здѣшніе участки съ нашими крестьянскими надѣлами, то онъ долженъ еще имѣть въ виду, что пахотная земля здѣсь не ходитъ подъ паромъ, а ежегодно засѣвается вся до послѣдняго вершка, и потому здѣшнія двѣ десятины въ количественномъ отношеніи стоятъ нашихъ

трехъ. Пользованіе исключительно большими участками земли и составляетъ весь секретъ успѣха корсаковцевъ. При сахалинскихъ урожаяхъ, колеблющихся въ среднемъ между самъ-другъ и самъ-три, земля можетъ дать достаточно хлѣба только при одномъ условіи: когда ея много. Много земли, много сѣмянъ и дешевый, ничего не стоящій трудъ. Въ тѣ годы, когда зерновой хлѣбъ совсѣмъ не родится, корсаковца выручаютъ овощи и картофель, которые занимаютъ здѣсь тоже солидную площадь—33 десятины.

Недавно существующая ссыльная колонія со своимъ маленькимъ подвижнымъ населеніемъ еще не созрѣла для статистики; при томъ скудномъ цифровомъ матеріалѣ, какой она до сихъ поръ успѣла дать, волей-неволей приходится строить свои выводы лишь на однихъ намекахъ и догадкахъ, при всякомъ подходящемъ случаѣ. Если не бояться упрека въ поспѣшности вывода и данными, относящимися къ Корсаковкѣ, воспользоваться для всей колоніи, то, пожалуй, можно сказать, что при ничтожныхъ сахалинскихъ урожаяхъ, чтобы не работать въ убытокъ и быть сытымъ, каждый хозяинъ долженъ имѣть болѣе двухъ десятинъ пахотной земли, не считая сѣнокосовъ и земли подъ овощами и картофелемъ. Установить болѣе точную норму въ настоящее время невозможно, но, по всей вѣроятности, она равняется четыремъ десятинамъ. Между тѣмъ, по *Отчету о состояніи сельскаго хозяйства въ 1889 году*, на Сахалинѣ на cadaго владѣльца приходится пахотной земли въ среднемъ только полъ-десятины (1,555 кв. саж.).

Въ Корсаковкѣ есть домъ, который своими размѣрами, красною крышей и уютнымъ садомъ напоминаетъ помѣщичью усадьбу средней руки. Хозяинъ этого дома, завѣдующій медицинскою частью, д-ръ П. И. Супруненко, уѣхалъ весною, чтобы экспонировать на тюремной выставкѣ и потомъ навсегда остаться въ Россіи, и въ опустѣвшихъ комнатахъ я засталъ только остатки роскошной зоологической коллекціи,

собранный докторомъ. Я не знаю, гдѣ теперь эта коллекція и кто изучаетъ по ней фауну Сахалина, но по немногимъ оставшимся экземплярамъ, въ высшей степени изящнымъ, и по разсказамъ я могъ судить о богатствѣ коллекціи и о томъ, сколько знанія, труда и любви затрачено докторомъ Супруненко на это полезное дѣло. Онъ началъ собирать коллекцію въ 1881 г. и за десять лѣтъ успѣлъ собрать почти всѣхъ позвоночныхъ, встрѣчаемыхъ на Сахалинѣ, а также много матеріала по антропологии и этнографіи. Его коллекція, если-бъ она осталась на островѣ, могла бы послужить основаніемъ для превосходнаго музея.

При домѣ находится метеорологическая станція. До послѣдняго времени она находилась въ вѣдѣніи д-ра Супруненко, теперь же завѣдуетъ ею инспекторъ сельскаго хозяйства. При мнѣ наблюденія производилъ писарь, ссыльно-кааторжный Головацкій, толковый и обязательный человѣкъ, снабдившій меня метеорологическими таблицами. Уже можно сдѣлать выводъ изъ наблюденій за девять лѣтъ и я постараюсь дать нѣкоторое понятіе о климатѣ Александровскаго округа. Владивостокскій городской голова какъ-то сказалъ мнѣ, что у нихъ во Владивостокѣ и вообще по всему восточному побережью «нѣтъ никакого климата», про Сахалинъ же говорить, что климата здѣсь нѣтъ, а есть дурная погода, и что этотъ островъ—самое ненастное мѣсто въ Россіи. Не знаю, насколько вѣрно послѣднее; при мнѣ было очень хорошее лѣто, но метеорологическія таблицы и краткіе отчеты другихъ авторовъ даютъ въ общемъ картину необычайнаго ненастья. Климатъ Александровскаго округа морской и отличается своимъ непостоянствомъ, т.-е. значительными колебаніями средней температуры года *), числа дней съ осад-

*) Средняя температура года колеблется между +1,2 и -1,2, число дней съ осадками между 102 и 209; тихихъ безвѣтренныхъ дней въ 1881 г. было только 35, а въ 1884 г. въ три раза больше — 112.

ками и проч.; низкая средняя температура года, громадное количество осадковъ и пасмурныхъ дней составляютъ его главные особенности. Для сравненія я возьму среднія мѣсячныя температуры Александровскаго округа и Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи, гдѣ «суровый, сырой, непостоянный и неблагоприятный для здоровья климатъ» *):

	Алекс. окр.	Черепов. уѣздъ.
Январь	—18,9	—11,0
Февраль	—15,1	— 8,2
Мартъ	—10,1	— 1,8
Апрѣль	+ 0,1	+ 2,8
Май	+ 5,9	+12,7
Іюнь	+11,0	+17,5
Іюль	+16,3	+18,5
Августъ	+17,0	+13,5
Сентябрь	+11,4	+ 6,8
Октябрь	+ 3,7	+ 1,8
Ноябрь	— 5,5	—5,7
Декабрь	—13,8	—12,8

Средняя годовая температура въ Александровскомъ округѣ равна $+0,1$, т.-е. почти 0, а въ Череповецкомъ уѣздѣ $+2,7$. Зима въ Александровскомъ округѣ суровѣе, тѣмъ въ Архангельскѣ, весна и лѣто какъ въ Финляндіи и осень какъ въ Петербургѣ, средняя годовая температура какъ въ Соловецкихъ островахъ, гдѣ она тоже равна нулю. Въ долинѣ Дуйки наблюдается вѣчная мерзлота. Поляковъ нашелъ ее 20 іюня на глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина. Онъ же 14 іюля нашелъ подъ кучами мусора и въ ложбинахъ около горъ снѣгъ, который растаялъ только въ концѣ іюля. 24 іюля 1889 г. на горахъ, которыя здѣсь не высоки, вышалъ снѣгъ и всѣ нарядились въ шубы и тулупы. Вскрытія Дуйки за 9 лѣтъ

*) П. Грязновъ: «Опытъ сравнительнаго изученія гигиеническихъ условій крестьянскаго быта и медико-топографія Череповецкаго уѣзда», 1880 г. Градусы по Реомюру у г. Грязнова я перевожу на Цельсія.

наблюдались: самое раннее 23 апрѣля и самое позднее 6 мая. За всѣ девять зимъ ни разу не было оттепели. 181 день въ году бываетъ морозъ и въ 151 дуетъ холодный вѣтеръ. Все это имѣетъ важное практическое значеніе. Въ Череповецкомъ уѣздѣ, гдѣ лѣто теплѣе и продолжительнѣе, по Чернову, не могутъ хорошо вызрѣвать греча, огурцы и пшеница, а въ Александровскомъ округѣ, по свидѣтельству здѣшняго инспектора сельскаго хозяйства, ни въ одинъ годъ не была наблюдаема сумма тепла, достаточная для полного вызрѣванія овса и пшеницы.

Наибольшаго вниманія со стороны агронома и гигиениста заслуживаетъ здѣшняя чрезмѣрная влажность. Въ году бываетъ дней съ осадками въ среднемъ 189: 107 со снѣгомъ и 82 съ дождемъ (въ Череповецкомъ уѣздѣ 81 день съ дождемъ и 82 со снѣгомъ). Небо по цѣлымъ недѣлямъ бываетъ сплошь покрыто свинцовыми облаками и безотрадная погода, которая тянется изо дня въ день, кажется жителямъ безконечною. Такая погода располагаетъ къ угнетающимъ мыслямъ и унылому пьянству. Быть можетъ, подъ ея вліяніемъ многіе холодные люди стали жестокими и многіе добряки и слабые духомъ, не видя по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ солнца, навсегда потеряли надежду на лучшую жизнь. Поляковъ пишетъ про іюнь 1881 г., что не было ни одного яснаго дня въ теченіе всего мѣсяца, а изъ отчета инспектора сельскаго хозяйства видно, что за четырехлѣтній періодъ въ промежутокъ отъ 18 мая по 1 сентября число ясныхъ дней въ среднемъ не превышаетъ 8. Туманы здѣсь довольно частое явленіе, особенно на морѣ, гдѣ они представляютъ для моряковъ настоящее бѣдствіе; соленые морскіе туманы, какъ говорятъ, дѣйствуютъ разрушающимъ образомъ на прибрежную растительность, и на деревья, и на луга. Ниже я буду говорить о селеніяхъ, жители которыхъ, благодаря, главнымъ образомъ, этимъ туманамъ, уже перестали сѣять зерновые хлѣба и всю свою пахотную землю

пускаютъ подъ картофель. Однажды въ ясную солнечную погоду я видѣлъ, какъ съ моря надвигалась стѣна тумана совершенно бѣлаго, молочнаго цвѣта; походило на то, какъ будто съ неба на землю опустился бѣлый занавѣсъ.

Метеорологическая станція снабжена инструментами, провѣренными и приобретенными въ главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ. Библіотеки при ней нѣтъ. Кромѣ вышеупомянутаго писаря Головацкаго и его жены, на станціи я еще записалъ шесть работниковъ и одну работницу. Что они тутъ дѣлаютъ, не знаю.

Въ Корсаковѣ есть школа и часовня. Былъ и больничный околотокъ, гдѣ вмѣстѣ помѣщались 14 сифилитиковъ и 3 сумасшедшихъ; одинъ изъ послѣднихъ заразился сифилисомъ. Говорятъ также, что сифилитики приготовляли для хирургическаго отдѣленія морской канатъ и корпию. Но я не успѣлъ побывать въ этомъ средне-вѣковомъ учрежденіи, такъ какъ въ сентябрѣ оно было закрыто молодымъ военнымъ врачомъ, исправлявшимъ временно должность тюремнаго врача. Если бы здѣсь сумасшедшихъ сожигали на кострахъ по распоряженію тюремныхъ врачей, то и это не было бы удивительно, такъ какъ мѣстные больничные порядки отстали отъ цивилизаціи, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на двѣсти.

Въ одной избѣ уже въ сумеркахъ я засталъ человѣка лѣтъ сорока, одѣтаго въ пиджакъ и въ брюки на выпускъ; бритый подбородокъ, грязная, некрахмаленная сорочка, подобіе галстука—по всѣмъ видимостямъ привилегированный. Онъ сидѣлъ на низкой скамеечкѣ и изъ глиняной чашки ѣлъ солонину и картофель. Онъ назвалъ свою фамилію съ окончаніемъ на *кій* и мнѣ почему-то показалось, что я вижу передъ собой одного бывшаго офицера, тоже на *кій*, который за дисциплинарное преступленіе былъ присланъ на каторгу.

— Вы бывший офицеръ?—спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, я священникъ. Не знаю, за что его прислали на Сахалинъ, да и не спрашивалъ я объ этомъ; когда человѣкъ, котораго еще такъ недавно звали отцомъ Иоанномъ и батюшкой и которому цѣловали руку, стоитъ передъ вами на вытяжку, въ жалкомъ поношенномъ пиджакѣ, то думаешь не о преступленіи. Въ другой избѣ я наблюдалъ такую сцену. Молодой каторжный, брюнетъ съ необыкновенно грустнымъ лицомъ, одѣтый въ щегольскую блузу, сидитъ у стола, подперевъ голову обѣими руками, хозяйка каторжная убираетъ со стола самоваръ и чашки. На мой вопросъ, женатъ ли онъ, молодой человѣкъ отвѣчаетъ, что за нимъ на Сахалинъ прибыла добровольно его жена съ дочерью, но что вотъ уже два мѣсяца, какъ она уѣхала съ ребенкомъ въ Николаевскъ и не возвращается, хотя онъ послалъ ей уже нѣсколько телеграммъ. «И не вернется,—говоритъ хозяйка съ какимъ-то злорадствомъ.—Что ей тутъ дѣлать? Сахалина твоего не видала, что ли? Легко ли дѣло!» Онъ молчитъ, а она опять: «И не вернется. Баба она молодая, вольная,—чего ей? Залетѣла, какъ птица—и была такова, ни слуху, ни духу. Вотъ не то, что я да ты. Не убивала бы я мужа, а ты бы не поджигалъ, и мы тоже были бы теперь вольные, а теперь вотъ сиди и жди вѣтра въ полѣ, свою женушку, да пускай вотъ твое сердце кровью обливается»... Онъ страдаетъ, на душѣ у него, повидимому, свинець, а она пилить его и пилить; выхожу изъ избы, а голосъ ея все слышно.

Въ Корсаковѣ вмѣстѣ со мной ходилъ по избамъ каторжный Кисляковъ, довольно странный человѣкъ. Судебные репортеры, вѣроятно, еще не забыли его. Это тотъ самый Кисляковъ, изъ военныхъ писарей, который въ Петербургѣ на Николаевской убилъ молоткомъ свою жену и самъ явился къ градоначальнику объявить о своемъ преступленіи. По его разсказу, жена у него была красавица и онъ очень любилъ ее, но какъ-то разъ, повздоривъ съ ней, онъ по-

клялся передь образомъ, что убьетъ ее, и съ этого времени до самаго убійства какая-то невидимая сила не переставала шептать ему на ухо: «убей, убей!» До суда онъ сидѣлъ въ больницѣ св. Николая; вѣроятно, поэтому самъ считаетъ себя психопатомъ, такъ какъ не разъ просилъ меня похлопотать о томъ, чтобы его признали сумасшедшимъ и заточили въ монастырь. Вся его каторга заключается въ томъ, что въ тюрьмѣ ему поручено дѣлать колышки для пригрѣпленія привѣсковъ къ хлѣбнымъ порціямъ—работа, кажется, не трудная, но онъ нанимаетъ вмѣсто себя другого, а самъ «даетъ уроки», т.-е. ничего не дѣлаетъ. Одѣтъ онъ въ поджачный костюмъ изъ парусинки и наружность имѣетъ благообразную. Парень недалекій, но говорунъ и философъ. «Гдѣ блохи, тамъ и дѣти»,—говорилъ онъ сладкимъ бархатнымъ баритономъ всякій разъ при видѣ дѣтей. Когда спрашивали при немъ, зачѣмъ я дѣлаю перепись, онъ говорилъ: «Затѣмъ, чтобы всѣхъ насъ отправить на луну. Знаешь, гдѣ луна?» А когда мы поздно вечеромъ возвращались пѣшкомъ въ Александровскъ, онъ нѣсколько разъ, что называется, ни къ селу, ни къ городу, повторилъ: «Мсть есть самое благородное чувство».

Дальше вверхъ по Дуйкѣ слѣдуетъ селеніе *Ново-Михайловское*, основанное въ 1872 г. и названное такъ потому, что Мицуля звали Михайломъ. У многихъ авторовъ оно называется Верхнимъ Урочищемъ, а у здѣшнихъ поселенцевъ—Пашней. Жителей въ селеніи 520: 287 м. и 233 ж. Хозяевъ 133 и изъ нихъ двое имѣютъ совладѣльцевъ. Пашотные участки показаны въ подворной описи у всѣхъ хозяевъ, крупный скотъ имѣется у 84, но, тѣмъ не менѣе все-таки избы, за немногими исключеніями, поражаютъ своею бѣдностью и жители въ одинъ голосъ заявляютъ, что на Сахалинѣ не проживешь «никакимъ родомъ». Рассказываютъ, что въ прежніе годы, когда бѣдность въ Ново-Михайловкѣ была вопіющая, изъ селенія вела въ Дуэ тропинка,

которую протоптали каторжныя и свободныя женщины, ходившія въ Дуйскую и Воеводскую тюрьмы продавать себя арестантамъ за мѣдные гроши. Могу удостовѣрить, что тропинка эта не заросла еще и до сихъ поръ. Тѣ изъ жителей, которые, подобно корсаковцамъ, имѣютъ большіе пахотные участки, отъ 3 до 6 и даже 8 десятинъ, не бѣдствуютъ, но такихъ участковъ мало и съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше, и въ настоящее время больше половины хозяевъ владѣютъ участками отъ $\frac{1}{8}$ до $1\frac{1}{2}$ дес., а это значить, что хлѣбонашество даетъ имъ одни только убытки. Хозяева-старожилы, искушенные опытомъ, сѣютъ только ячмень и свои пахотные участки стали пускать подъ картофель.

Земля здѣсь не служитъ приманкой и не располагаетъ къ осѣдой жизни. Изъ тѣхъ хозяевъ, которые сѣли на участки въ первые четыре года послѣ основанія селенія, не осталось ни одного; съ 1876 г. сидятъ 9, съ 1877 г.—7, съ 1878 г.—2, съ 1879 г.—4, а всѣ остальные—новички.

Въ Ново-Михайловкѣ телеграфная станція, школа, казарма для богадѣльщиковъ и остовъ недостроенной деревянной церкви. Есть пекарня, гдѣ пекутъ хлѣбъ для каторжныхъ, занятыхъ дорожными работами въ районѣ Ново-Михайловки; пекутъ, должно быть, безъ всякаго контроля со стороны начальства, такъ какъ хлѣбъ здѣсь отвратительный.

Каждому проѣзжающему черезъ Ново-Михайловку не миновать познакомиться съ живущимъ здѣсь крестьяниномъ изъ ссыльныхъ Потемкинымъ. Когда на Сахалинъ пріѣзжаетъ какое-нибудь важное лицо, то Потемкинъ подноситъ ему хлѣбъ-соль; когда хотятъ доказать, что сельско-хозяйственная колонія удалась, то указываютъ обыкновенно на Потемкина. Въ подворной описи у него показано 20 лошадей и 9 головъ рогатаго скота, но говорятъ, что лошадей у него вдвое больше. Онъ имѣетъ лавочку, и есть у него еще лавочка въ Дуэ, гдѣ торгуетъ его сынъ. Впечатлѣніе производитъ онъ

дѣловаго, умнаго и зажиточнаго раскольника. Въ комнатахъ у него чисто, стѣны оклеены обоями и есть картина: *Мариенбадъ, морскія купанья близъ Либавы*. Самъ онъ и его жена старушка степенны, разсудительны и въ разговорѣ политичны. Когда я пилъ у него чай, то онъ и его жена говорили мнѣ, что жить на Сахалинѣ можно и земля хорошо родить, но что все горе въ томъ, что нынче народъ облѣнился, избаловался и не старается. Я спросилъ его: правду ли говорятъ, что онъ угощалъ одну важную особу арбузами и дынями изъ собственныхъ огородовъ? Онъ не моргнувъ глазомъ и отвѣтилъ: «Это точно, дыни здѣсь, случается, поспѣваютъ» *).

Въ Ново-Михайловкѣ проживаетъ еще одна сахалинская знаменитость — поселенецъ Терскій, бывшій палачъ. Онъ кашляетъ, держится за грудь блѣдными, костлявыми руками и жалуется, что у него животъ надорванъ. Сталъ онъ чахнуть съ того дня, какъ по приказанію начальства за какую-то провинность былъ наказанъ теперешнимъ александровскимъ палачомъ Комелевымъ. Комелевъ такъ постарался, что «чуть души не вышибъ». Но скоро провинился въ чемъ-то Комелевъ—и наступилъ праздникъ для Терскаго. Этотъ далъ себѣ волю и въ отместку отодралъ коллегу такъ жестоко, что у того, по рассказамъ, до сихъ поръ гноится тѣло. Говорятъ, что если двухъ ядовитыхъ пауковъ посадить въ одну банку, то они заѣдятъ другъ друга до смерти.

До 1888 г. Ново-Михайловка была послѣднимъ селеніемъ по Дуйкѣ, теперь же есть еще *Красный Яръ* и *Бутаково*. Къ этимъ селеніямъ отъ Ново-Михайловки проводятъ до-

---

*) Потемкинъ прибылъ на Сахалинъ уже богатымъ. Д-ръ Августиневичъ, видѣвшій его черезъ три года послѣ его прибытія на Сахалинъ, пишетъ, что «лучше всѣхъ домъ ссыльнаго Потемкина». Если за трехлѣтній періодъ каторжный Потемкинъ успѣлъ построить себѣ хороший домъ, завести лошадей и выдать дочь за сахалинскаго чиновника, то, я думаю, сельское хозяйство тутъ не причемъ.

рогу. Первую половину пути къ Красному Яру, версты три, мнѣ пришлось ѣхать по новой, гладкой и прямой, какъ линейка, дорогѣ, а вторую по живописной тайговой просѣлкѣ, на которой пни уже выкорчеваны и ѣзда легка и пріятна, какъ по хорошей проселочной дорогѣ. Крупные строевые экземпляры деревьевъ по пути почти вездѣ уже срублены, но тайга все еще внушительна и красива. Березы, осины, тополи, ивы, ясени, бузина, черемуха, таволга, боярышникъ, а между ними трава въ ростъ человѣка и выше; гигантскіе папоротники и лопухи, листья которыхъ имѣютъ болѣе аршина въ діаметрѣ, вмѣстѣ съ кустарниками и деревьями сливаются въ густую непроницаемую чащу, дающую пріютъ медвѣдямъ, соболямъ и оленямъ. По обѣ стороны, гдѣ кончается узкая долина и начинаются горы, зеленою стѣной стоятъ хвойные лѣса изъ пихтъ, елей и лиственницъ, выше ихъ опять лиственный лѣсъ, а вершины горъ лысы или покрыты кустарникомъ. Такихъ громадныхъ лопуховъ, какъ здѣсь, я не встрѣчалъ нигдѣ въ Россіи, и они-то, главнымъ образомъ, придаютъ здѣшней чашѣ, лѣснымъ полянамъ и лугамъ оригинальную фizioномію. Я уже писалъ, что ночью, особенно при лунномъ свѣтѣ, они представляются фантастическими. Въ этомъ отношеніи декорацию пополняетъ еще одно великолѣпное растеніе изъ семейства зонтичныхъ, которое, кажется, не имѣетъ на русскомъ языкѣ названія: прямой стволъ вышиною до десяти футовъ и толщиною въ основаніи три дюйма, пурпурово-красный въ верхней части, держитъ на себѣ зонтикъ до одного фута въ поперечникѣ; около этого главнаго зонта группируются 4—6 зонтовъ меньшаго размѣра, придающіе растенію видъ канделябра. По-латыни это растеніе называется *angelophyllum ursinum* *).

*) Большинству авторовъ здѣшній пейзажъ не нравится. Это оттого, что они пріѣзжали на Сахалинъ, находясь еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ цейлонской и японской или амурской природы,

Красный Яръ существуетъ только второй годъ. Въ немъ одна широкая улица, но дороги еще нѣтъ, и отъ избы къ избѣ ходятъ по кочкамъ, по кучамъ глины и стружкамъ и прыгаютъ черезъ бревна, пни и канавы, въ которыхъ застоялась коричневая вода. Избы еще не готовы. Одинъ хозяинъ дѣлаетъ кирпичи, другой мажетъ печку, третій тащитъ черезъ улицу бревно. Всѣхъ хозяевъ 51. Изъ нихъ трое—и между ними китаецъ Пен-Оги-Цой—побросали свои начатки избы, ушли и неизвѣстно никому, гдѣ они теперь. А кавказцы, ихъ здѣсь семеро, уже прекратили работы, сбились всѣ въ одну избу и жмутся отъ холода, хотя еще только второе августа. Что селеніе еще молодо и едва начинаетъ свою жизнь, видно также изъ цифръ. Жителей 90, причѣмъ мужчины относятся къ женщинамъ, какъ 2 къ 1; законныхъ семей—3, а свободныхъ—20, и дѣтей до пятилѣтняго возраста только 9. Лошадей имѣютъ 3 хозяина, коровъ 9. Въ настоящее время всѣ хозяева получаютъ арестантскій паекъ, но чѣмъ они будутъ питаться впоследствии, пока неизвѣстно; на хлѣбопашество же, во всякомъ случаѣ, надежды плохія. До сихъ поръ успѣли найти и раскорчевать подъ пашню и картофель только 24¹/₄ дес., т.-е. меньше чѣмъ 1¹/₂ дес. на хозяйство. Сѣнокосовъ нѣтъ вовсе. А такъ какъ долина здѣсь узка и съ обѣихъ сторонъ стиснута горами, на которыхъ ничего не родится, и такъ какъ администрація не останавливается ни передъ какими соображеніями, когда ей нужно сбыть съ рукъ людей, и, навѣрное, ежегодно будетъ сажать сюда на участки десятки новыхъ хозяевъ, то пахотные участки останутся такими же, какъ теперь, т.-е. въ 1¹/₈, 1¹/₄ и 1¹/₂ дес., а пожалуй и меньше.

и оттого, что они начинали съ Александровска и Дуэ, гдѣ природа въ самомъ дѣлѣ жалка. Виновата въ этомъ и здѣшняя погода. Какъ бы ни былъ красивъ и оригиналенъ сахалинскій пейзажъ, но если онъ по недѣлямъ прячется въ туманъ или въ дождь, то трудно оценить его по достоинству.

Я не знаю, кто выбиралъ мѣсто для Краснаго Яра, но по всему видно, что это возложено было на людей некомпетентныхъ, никогда не бывавшихъ въ деревнѣ, а, главное, меньше всего думавшихъ о сельско-хозяйственной колоніи. Тутъ даже порядочной воды нѣтъ. Когда я спросилъ, откуда берутъ воду для питья, то мнѣ указали на канаву.

Всѣ избы здѣсь на одинаковый фасонъ, двухъ-оконныя, строятся изъ плохого и сырого лѣса, съ единственнымъ расчетомъ—отбыть какъ-нибудь поселенческій срокъ и уѣхать на материкъ. Контроля надъ постройками со стороны администраціи нѣтъ, вѣроятно, по той причинѣ, что между чиновниками нѣтъ ни одного, который зналъ бы, какъ нужно строить избы и класть печи. По штату, впрочемъ, на Сахалинѣ полагается архитекторъ, но при мнѣ его не было, да и завѣдуетъ онъ, кажется, одними только казенными постройками. Веселѣе и привѣтливѣе всѣхъ смотреть казенный домъ, гдѣ живетъ надзиратель Убиенныхъ, маленькій, тщедушный солдатикъ, съ выраженіемъ, которое вполне подходитъ къ его фамиліи; на лицѣ у него, въ самомъ дѣлѣ, что-то убиенное, горько-недоумѣвающее. Быть можетъ, это оттого, что съ нимъ въ одной комнатѣ живетъ высокая и полная поселка, его сожительница, подарившая его многочисленнымъ семействомъ. Онъ состоитъ уже на старшемъ надзирательскомъ окладѣ и вся служба его заключается только въ докладахъ пріѣзжающимъ, что все на этомъ свѣтѣ обстоитъ благополучно. Но и ему не нравится Красный Яръ и хочется вонъ изъ Сахалина. Онъ меня спрашивалъ: пустять ли его сожительницу съ нимъ вмѣстѣ, когда онъ выйдетъ въ запасъ и пойдетъ на материкъ? Этотъ вопросъ его очень беспокоитъ.

Въ Бутаковѣ *) я не былъ. По даннымъ подворной описи, часть которыхъ я могъ провѣрить и дополнить по

*) Названо такъ селеніе въ честь А. М. Бутакова, начальника Тымовскаго округа.

исповѣдной книгѣ священника, всѣхъ жителей тамъ 39. Взрослыхъ женщинъ только 4. Хозяевъ 22. Готовы пока 4 дома, а у остальныхъ хозяевъ стоятъ еще срубы. Земли подъ пашней и картофелемъ всего 4½ дес. Скота и птицы пока нѣтъ еще ни у одного хозяина.

Покончивъ съ долиной Дуйки, перехожу къ небольшой рѣчкѣ Аркай, на которой стоятъ три селенія. Избрана долина Аркай для поселеній не потому, чтобы она была лучше другихъ изслѣдована или удовлетворяла потребностямъ колоніи, а просто случайно, только потому, что она находится къ Александровску ближе другихъ долинъ.

VIII.

Рѣка Аркай.—Арковскій кардонъ.—Первое, Второе и Третье Арково.—Арковская долина.—Селенія по западному побережью: Мгачи, Танги, Хоз, Трамбаусъ, Віахты и Ванги.—Туннель.—Кабельный домикъ.—Дуз.—Казармы для семейныхъ.—Дуйская тюрьма.—Каменноугольныя копи.—Воеводская тюрьма.—Прикованные къ тачкамъ.

Рѣчка Аркай впадаетъ въ Татарскій проливъ, верстъ на 8—10 сѣвернѣе Дуйки. Еще недавно она была настоящею рѣчкой и въ ней ловили рыбу горбушу, теперь же, вслѣдствіе лѣсныхъ пожаровъ и порубокъ, она обмелѣла и къ лѣту пересыхаетъ совершенно. Впрочемъ, во время сильныхъ дождей она разливается по-весеннему, бурно и шумно, и тогда даетъ себя знать. Уже случалось не разъ, что она смывала съ береговъ огороды и уносила въ море сѣно и весь поселенческій урожай. Уберечься отъ такой бѣды невозможно, такъ какъ долина узка и уйти отъ рѣчки можно только на горы *).

*) Лѣтъ пять назадъ одинъ важный человекъ, бесѣдуя съ поселенцами о сельскомъ хозяйствѣ и давая имъ совѣты, сказалъ, между прочимъ: «Имѣйте въ виду, что въ Финляндіи сѣютъ хлѣбъ по склонамъ горъ». Но Сахалинъ—не Финляндія, климатическія, а главнымъ образомъ почвенныя условія исключаютъ какую бы то ни было культуру на здѣшнихъ горахъ. Инспекторъ сельскаго хозяйства

У самаго устья Аркая при поворотѣ на долину стоитъ гилицкая деревушка Аркай-во, давшая названіе арковскому кардону и тремъ селеніямъ: Первому, Второму и Третьему Арково. Изъ Александровска въ арковскую долину ведутъ двѣ дороги: одна — горная, по которой при мнѣ не было проѣзда, такъ какъ во время лѣсныхъ пожаровъ на ней сгорѣли мосты, и другая — по берегу моря; по этой послѣдней ѣзда возможна только во время отлива. Въ первый разъ я выѣхалъ къ Аркаю 31 іюля въ 8 часовъ утра. Отливъ начинался. Пахло дождемъ. Пасмурное небо, море, на которомъ не видать ни одного паруса, и крутой глинистый берегъ были суровы; глухо и печально шумѣли волны. Съ высокаго берега смотрѣли внизъ чахлыя, больныя деревья; здѣсь на открытомъ мѣстѣ каждое изъ нихъ въ одиночку ведетъ жестокою борьбу съ морозами и холодными вѣтрами, и каждому приходится осенью и зимой, въ длинныя страшныя ночи, качаться неугомонно изъ стороны въ сторону, гнуться до земли, жалобно скрипѣть, — и никто не слышитъ этихъ жалобъ.

Арковский кардонъ находится около гилицкой деревушки. Прежде онъ имѣлъ значеніе сторожевого пункта, въ немъ жили солдаты, которые ловили бѣглыхъ, теперь же здѣсь живетъ надзиратель, исполняющій должность, кажется, смотрителя поселеній. Верстахъ въ двухъ отъ кардона расположилось *Первое Арково*. Оно имѣетъ одну только улицу и, благодаря условіямъ мѣста, можетъ расти только въ длину, но не въ ширину. Когда со временемъ всѣ три Арково сольются вмѣстѣ, то Сахалинъ будетъ имѣть очень

въ своемъ отчетѣ совѣтуетъ завести овецъ, которыя могли бы съ пользою использовать тѣ скудные, но многочисленные выгоны по склонамъ горъ, на которыхъ крупный скотъ не наѣдается». Но совѣтъ этотъ не имѣетъ практическаго значенія, такъ какъ овцы могли бы «использовать» выгоны только въ теченіе короткаго лѣта, а въ длинную зиму онѣ околѣвали бы съ голоду.

большое село, состоящее изъ одной только улицы. Основано Первое Арково въ 1883 г. Жителей 136: 83 м. и 53 ж. Хозяевъ 28 и всѣ они живутъ семейно, кромѣ каторжной Павловской, католички, у которой недавно умеръ сожитель, настоящій хозяинъ дома; она убѣдительно просила меня: «Назначь мнѣ хозяина!» Трое имѣють по два дома. *Второе Арково* основано въ 1884 г. Въ немъ жителей 92: 46 м. и 46 ж. Хозяевъ 24, всѣ живутъ семейно. Изъ нихъ двое имѣють по два дома. *Третье Арково* основано одновременно со Вторымъ, и изъ этого видно, какъ спѣшили заселить арковскую долину. Жителей 41: 19 м. и 22 ж. Хозяевъ 10 и при нихъ одинъ совладѣлецъ. Семейно живутъ 9.

Въ трехъ Арково пахотная земля показана у всѣхъ хозяевъ и величина участковъ колеблется между $\frac{1}{2}$ и 2 дес. У одного показано 3 дес. Сѣють въ немаломъ количествѣ пшеницу, ячмень и рожь, сажаютъ картофель. У большинства есть скотъ и домашняя птица. Если судить по даннымъ подворной описи, собраннымъ смотрителемъ поселеній, то можно придти къ выводу, что всѣ три Арково въ короткій срокъ своего существованія значительно преуспѣли въ сельскомъ хозяйствѣ; не даромъ одинъ анонимный авторъ пишетъ про здѣшнее земледѣліе: «Трудъ этотъ съ избыткомъ вознаграждается, благодаря почвеннымъ условіямъ этой мѣстности, которыя весьма благоприятны для земледѣлія, что сказывается въ силѣ лѣсной и луговой растительности». На самомъ же дѣлѣ это не такъ. Всѣ три Арково принадлежатъ къ бѣднѣйшимъ селеніямъ Сѣвернаго Сахалина. Здѣсь есть пахотная земля, есть скотъ, но ни разу не было урожая. Помимо неблагоприятныхъ условій, общихъ для всего Сахалина, здѣшніе хозяева встрѣчаютъ серьезнаго врага еще въ особенностяхъ арковской долины и, прежде всего, въ почвѣ, которую такъ хвалятъ только что цитированный авторъ. Почва здѣсь вершковый слой перегноя,

а подпочва — галька, которая въ жаркіе дни нагрѣвается такъ сильно, что сушить корни растений, а въ дождливую пору не пропускаетъ влаги, такъ какъ лежитъ на глинѣ; отъ этого корни гніютъ. На такой почвѣ, повидимому, безъ вреда для себя могутъ уживаться только растенія съ крѣпкими, глубоко-сидящими корнями, какъ, на примѣръ, лопухи, а изъ культурныхъ только корнеплоды, брюква и картофель, для которыхъ, къ тому же, почва обрабатывается лучше и глубже, чѣмъ для злаковъ. О бѣдствіяхъ, причиняемыхъ рѣкой, я уже говорилъ. Сѣнокосовъ совсѣмъ нѣтъ, сѣно косятъ на клочкахъ въ тайгѣ или жнутъ его сернами, гдѣ попадется, а кто побогаще, тѣ покупаютъ его въ Тымовскомъ округѣ. Рассказываютъ про цѣлыя семьи, которыя въ теченіе зимы не имѣли ни куска хлѣба и питались одною только брюквой. Незадолго до моего пріѣзда во Второмъ Арковѣ умеръ съ голода поселенецъ Скоринъ. По разсказамъ сосѣдей, онъ въ продолженіе трехъ дней съѣдалъ только одинъ фунтъ хлѣба, и такъ очень долгое время. «Всѣхъ насъ ждетъ та же участь», — говорили мнѣ сосѣди, напуганные его смертью. Описывая свое житье-бытье, помню, три женщины принимались плакать. Въ одной избѣ безъ мебели, съ темною унылою печью, занимавшею полъ-комнаты, около бабы-хозяйки плакали дѣти и пищали цыплята; она на улицу — дѣти и цыплята за ней. Она, глядя на нихъ, смѣется и плачетъ, и извиняется передо мной за плачъ и пискъ; говорить, что это съ голоду, что она ждетъ не дождется, когда вернется мужъ, который ушелъ въ городъ продавать голубику, чтобы купить хлѣба. Она рубитъ капустные листья и даетъ цыплятамъ, тѣ съ жадностью бросаются и, обманутые, поднимаютъ еще бѣльшій пискъ. Въ одной избѣ помѣщается мужикъ, мохнатый, какъ паукъ, съ нависшими бровями, каторжный, грязный, и съ нимъ другой такой же мохнатый и грязный; у обоихъ большія семьи, а въ избѣ, какъ говорится, срамота и злыдни — даже гвоздя нѣтъ. А

кромѣ плача, писка и такихъ фактовъ, какъ смерть Скорина, сколько всякаго рода косвенныхъ выраженій нужды и голода! Въ Третьемъ Арковѣ изба поселенца Петрова стоитъ заперта, потому что самъ онъ «отправлень, за нерадѣніе къ хозяйству и самовольный зарѣзъ на мясо телка, въ Воеводскую тюрьму, гдѣ и находится». Очевидно, теленокъ зарѣзанъ изъ нужды и проданъ въ Александровскѣ. Сѣмена, взятая изъ казны въ долгъ для посѣва, значатся въ подворной описи посѣянными, на самомъ же дѣлѣ они на половину съѣдены, и сами поселенцы въ разговорѣ не скрываютъ этого. Скотъ, какой есть, взятъ изъ казны въ долгъ и кормится на казенный счетъ. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ: всѣ арковцы должны, задолженность ихъ растетъ съ каждымъ новымъ посѣвомъ, съ каждою лишнею головой скота, а у нѣкоторыхъ она простирается уже до неоплатной цифры — двухъ и даже трехъ сотъ рублей на душу.

Между Вторымъ и Третьимъ Арково находится *Арковский Станокъ*, гдѣ мѣняють лошадей, когда ѣдутъ въ Тымовскій округъ. Это почтовая станція или постоянный дворъ. Если мѣрить на нашъ русскій аршинъ, то, при здѣшней довольно скромной гоньбѣ, достаточно было бы на Станкѣ двухъ-трехъ работниковъ при одномъ надзирателѣ. Но на Сахалинѣ любятъ все на широкую ногу. Кромѣ надзирателя, на Станкѣ живутъ еще писарь, разсылный, конюхъ, два хлѣбопека, три дровотаска и еще четыре работника, которые на вопросъ, что они тутъ дѣлають, отвѣтили мнѣ: «Ношу сѣно».

Если художнику-пейзажисту случится быть на Сахалинѣ, то рекомендую его вниманію арковскую долину. Это мѣсто, помимо красоты положенія, чрезвычайно богато красками, такъ что трудно обойтись безъ устарѣваго сравненія съ пестрымъ ковромъ или калейдоскопомъ. Вотъ густая сочная зелень съ великанами-лопухами, блестящими отъ только что

бывшаго дождя, рядомъ съ ней на площадкѣ не больше, какъ сажени въ три, зеленѣеть рожь, потомъ клочокъ съ ячменемъ, а тамъ опять допухъ, за нимъ клочокъ земли съ овсомъ, потомъ грядка съ картофелемъ, два недоросля подсолнуха съ поникшими головами, затѣмъ клинышкомъ входитъ густо-зеленый коноплянникъ, тамъ и сямъ гордо возвышаются растенія изъ семейства зонтичныхъ, похожія на канделябры, и вся эта пестрота усыпана розовыми, ярко-красными и пунцовыми пятнышками мака. По дорогѣ встрѣчаются бабы, которыя укрылись отъ дождя большими листьями допуха, какъ косынками, и оттого похожи на зеленыхъ жуковъ. А по сторонамъ горы,—хотя и не Кавказскія, но, все-таки, горы.

По западному побережью, выше устья Аркаа, имѣются шесть незначительныхъ селеній. Я не былъ ни въ одномъ изъ нихъ и относящіяся къ нимъ цифры взяты мною изъ подворной описи и исповѣдной книги. Основывались они на выдающихся въ море мысахъ или у устьевъ небольшихъ рѣчекъ, отъ которыхъ и получали свои названія. Началось со сторожевыхъ пикетовъ, иногда изъ 4—5 человекъ, съ теченіемъ же времени, когда однихъ этихъ пикетовъ оказалось недостаточно, рѣшено было (въ 1882 г.) заселить самыя большіе мысы между Дуэ и Погоби благонадежными, преимущественно семейными поселенцами. Цѣль учрежденія этихъ селеній и кордоновъ при нихъ: «дать возможность проѣзжающей изъ Николаевска почтѣ, пассажирамъ и каюрамъ имѣть пріютъ и охрану во время пути и установить общій полицейскій надзоръ за береговою линіей, представляющею изъ себя единственный (?) возможный путь для бѣглыхъ арестантовъ, а равно провоза запрещеннаго для вольной продажи спирта». Дорогъ къ береговымъ поселеніямъ еще нѣтъ, сообщеніе возможно только пѣшкомъ по берегу во время отлива, а зимою на собакахъ. Возможно также сообщеніе на лодкахъ и паровыхъ катерахъ, но только въ

очень хорошую погоду. Въ направленіи съ юга на сѣверъ эти селенія расположены въ такомъ порядкѣ:

Мачи. Жителей 38: 20 м. и 18 ж. Хозяевъ 14. Семейно живутъ 13, незаконныхъ семей только 2. Пахотной земли всѣ имѣютъ около 12 дес., но вотъ уже три года, какъ не сѣютъ зерновыхъ хлѣбовъ и пускаютъ всю землю подъ картофель. 11 хозяевъ сидятъ на участкѣ съ самаго основанія селенія и 5 изъ нихъ уже имѣютъ крестьянское званіе. Есть хорошіе заработки, чѣмъ и объясняется, что крестьяне не спѣшатъ на материкъ. 7 человекъ занимаются каюрствомъ, т.-е. держатъ собакъ, на которыхъ въ зимнее время возятъ почту и пассажировъ. Одинъ занимается охотой, какъ промысломъ. Что касается рыбныхъ ловель, о которыхъ говорится въ отчетѣ главнаго тюремнаго управленія за 1889 г., то ихъ тутъ нѣтъ совсѣмъ.

Тати. Жителей 19: 11 м. и 8 ж. Хозяевъ 6. Пахотной земли около 3 дес., но тоже, какъ въ Мгачахъ, вслѣдствіе частыхъ морскихъ тумановъ, мѣшающихъ росту зерновыхъ хлѣбовъ, сажаютъ на ней только картофель. Два хозяина имѣютъ лодки и занимаются рыболовствомъ.

Поэ, на мысѣ того же названія, который сильно выдается въ море и виденъ изъ Александровска. Жителей 34: 19 м. и 15 ж. Хозяевъ 13. Тутъ еще не совсѣмъ разочаровались и продолжаютъ сѣять пшеницу и ячмень. Трое занимаются охотой.

Трамбаусъ. Жителей 8: 3 м. и 5 ж. Счастливое селеніе, гдѣ женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ. Хозяевъ 3.

Віахты, на рѣкѣ Віахту, соединяющей озеро съ моремъ и въ этомъ отношеніи напоминающей Неву. Говорятъ, что въ озерѣ ловятся сига и осетры. Жителей 17: 9 м. и 8 ж. Хозяевъ 7.

Вани—самое сѣверное селеніе. Жителей 13: 9 м. и 4 ж. Хозяевъ 8.

По описаніямъ ученыхъ и путешественниковъ, чѣмъ выше

къ сѣверу, тѣмъ природа бѣднѣе и печальнѣе. Начиная съ Трамбауса, вся сѣверная треть острова представляетъ изъ себя равнину, совершенную тундру, на которой главный водораздѣльный хребетъ, идущій вдоль всего Сахалина, имѣетъ видъ невысокихъ волнообразныхъ возвышенностей, принимаемыхъ нѣкоторыми авторами за наносы со стороны Амура. По краснобурой болотистой равнинѣ тамъ и сямъ тянутся полоски кривого хвойнаго лѣса; у лиственницы стволъ не выше одного фута и крона ея лежитъ на землѣ въ видѣ зеленой подушки, стволъ кедроваго кустарника стелется по землѣ, а между полосками чахлаго лѣса лишайники и мхи и, какъ и на русскихъ тундрахъ, встрѣчается здѣсь всякая грубая кислаго или сильно вяжущаго вкуса ягода—моховка, голубика, костеника, клюква. Только на самомъ сѣверномъ концѣ равнины, гдѣ мѣстность вновь дѣлается холмистою, природа на небольшомъ пространствѣ, у преддверія въ вѣчно холодное море, точно хочетъ улыбнуться на прощанье; на картѣ Крузенштерна, относящейся къ этой мѣстности, изображенъ стройный лиственничный лѣсъ.

Но какъ ни сурова и ни бѣдна природа, жителямъ береговыхъ селеній, по свидѣтельству свѣдущихъ людей, все-таки живется сравнительно лучше, чѣмъ, напримѣръ, арковцамъ или александровцамъ.

Объясняется это тѣмъ, что ихъ мало, и тѣ блага, какія имѣются въ ихъ распоряженіи, приходится дѣлить между немногими. Для нихъ не обязательны хлѣбопашество и урожаи, они предоставлены самимъ себѣ и сами выбираютъ для себя занятія и промыслы. Черезъ селенія проходитъ зимняя дорога изъ Александровска въ Николаевскъ; сюда прїѣзжаютъ зимою гиляки и якуты-промышленники для торговыхъ операцій и поселенцы продаютъ имъ и мѣняютъ безъ посредства комиссіонеровъ. Здѣсь нѣтъ лавочниковъ, майданщиковъ, жидовъ-перекупщиковъ и нѣтъ канцеляристовъ, которые вымѣниваютъ за спиртъ роскошные лисы

мѣха и потомъ съ блаженною улыбкой показываютъ ихъ своимъ гостямъ.

По направленію къ югу новыхъ селеній не основываютъ. Южнѣе Александровска по западному побережью есть только одинъ населенный пунктъ—*Дуэ*, страшное, безобразное и во всѣхъ отношеніяхъ дрянное мѣсто, въ которомъ по своей доброй волѣ могутъ жить только святые или глубоко испорченные люди. Это постъ; населеніе называетъ его портомъ. Основанъ онъ въ 1857 г., названіе же его Дуэ или Дуи существовало раньше и относилось вообще къ той части берега, гдѣ находятся теперь дуйскія копи. Въ узкой долинѣ, гдѣ онъ расположенъ, протекаетъ мелкая рѣчка Хойнджи. Изъ Александровска въ Дуэ ведутъ двѣ дороги: одна—горная, а другая—по берегу моря. Мысль Жонкиеръ всею своею массой навалился на береговую отмель и проѣздъ по ней былъ бы невозможенъ вовсе, если бы не прорыли туннеля. Рыли его, не посоветовавшись съ инженеромъ, безъ затѣй, и въ результатѣ вышло темно, криво и грязно. Сооруженіе это стоило очень дорого, но оно оказалось ненужнымъ, такъ какъ, при существованіи хорошей горной дороги, нѣтъ нужды ѣздить по береговой, проѣздъ по которой стѣсненъ условіями отлива и прилива. На этомъ туннелѣ превосходно сказалась склонность русскаго человѣка тратить послѣднія средства на всякаго рода выкрутасы, когда не удовлетворены самыя насущныя потребности. Рыли туннель, завѣдующіе работами катались по рельсамъ въ вагонѣ съ надписью «Александровскъ-Пристань», а каторжные въ это время жили въ грязныхъ, сырыхъ юртахъ, потому что для постройки казармъ не хватало людей.

Тотчасъ по выходѣ изъ туннеля у береговой дороги стоятъ солеварня и кабельный домикъ, изъ котораго спускается по песку въ море телеграфный кабель. Въ домикѣ живетъ каторжный столарь, полякъ, со своею сожительницей, которая,

по рассказамъ, родила, когда ей было 12 лѣтъ, послѣ того, какъ какой-то арестантъ изнасиловалъ ее въ этапѣ. На всемъ пути къ Дуэ обрывистый, отвѣсный берегъ представляетъ осыпи, на которыхъ тамъ и сямъ чернѣютъ пятна и полосы шириною отъ аршина до сажени. Это уголь. Пласты угля здѣсь, по описанію специалистовъ, сдавлены пластами песчанниковъ, глинистыхъ сланцевъ, сланцевыхъ глинъ и глинистыхъ песковъ, приподнятыхъ, изогнутыхъ, сдвинутыхъ или сброшенныхъ породами базальтовыми, диоритовыми и порфиоровыми, вышедшими во многихъ мѣстахъ большими массами. Должно быть, это своеобразно красиво, но предубѣжденіе противъ мѣста зашло такъ глубоко, что не только на людей, но даже на растенія смотришь съ сожалѣніемъ, что они растутъ именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ. Верстахъ въ семи берегъ прерывается расщелиной. Это Воеводская падь; здѣсь одиноко стоитъ страшная Воеводская тюрьма, въ которой содержатся тяжкіе преступники и между ними прикованные къ тачкамъ. Около тюрьмы ходятъ часовые; кромѣ нихъ, кругомъ не видно ни одного живого существа и кажется, что они стерегутъ въ пустынѣ какое-то необыкновенное сокровище.

Дальше, въ верстѣ, начинаются каменноугольные ломки, потомъ съ версту еще ѣдешь голымъ, безлюднымъ берегомъ и, наконецъ, другая расщелина, въ которой и находится Дуэ, бывшая столица сахалинской каторги. Въ первыя минуты, когда вѣзжаешь на улицу, Дуэ даетъ впечатлѣніе небольшой старинной крѣпости: ровная и гладкая улица, точно плацъ для маршировки, бѣлые чистенькіе домики, полосатая будка, полосатые столбы; для полноты впечатлѣнія не хватаетъ только барабанной дроби. Въ домикахъ живутъ начальникъ военной команды, смотритель дуйской тюрьмы, священникъ, офицеры и проч. Тамъ, гдѣ короткая улица кончается, поперекъ ея стоитъ сѣрая деревянная церковь, которая загораживаетъ отъ зрителя неофициальную часть

порта; тут расщелина двоятся въ видѣ буквы «игрекъ», посылая отъ себя канавы направо и налево. Въ лѣвой находится слободка, которая прежде называлась Жидовской, а въ правой—всякія тюремныя постройки и слободка безъ названія. Въ обѣихъ, особенно въ лѣвой, тѣсно, грязно, неуютно; тутъ уже нѣтъ бѣлыхъ чистенькихъ домиковъ; избушки ветхія, безъ дворовъ, безъ зелени, безъ крылецъ, въ безпорядкѣ лѣплятся внизу у дороги, по склону горы и на самой горѣ. Участки усадебной земли, если только въ Дуэ можно назвать ее усадебной, очень малы; у четырехъ хозяевъ въ подворной описи показано ея только по 4 кв. саж. Тѣсно, яблоку упасть негдѣ, но въ этой тѣсотѣ и вонь дуйскій палачъ Толстыхъ все-таки нашелъ мѣстечко и строить себѣ домъ. Не считая команды, свободнаго населенія и тюрьмы, въ Дуэ жителей 291: 167 м. и 124 ж. Хозяевъ 46 и при нихъ совладѣльцевъ 6. Большинство хозяевъ—каторжные. Что побуждаетъ администрацію сажать на участки ихъ и ихъ семьи именно здѣсь, въ расщелинѣ, а не въ другомъ мѣстѣ, понять невозможно. Пахотной земли въ подворной описи показано на все Дуэ только $\frac{1}{8}$ дес., а сѣнокосовъ нѣтъ вовсе. Допустимъ, что мужчины заняты на каторжныхъ работахъ, но что же дѣлаютъ 80 взрослыхъ женщинъ? На что уходить у нихъ время, которое здѣсь, благодаря бѣдности, дурной погодѣ, непрерывному звону цѣпей, постоянному зрѣлищу пустынныхъ горъ и шуму моря, благодаря стонамъ и плачу, которые часто доносятся изъ надзирательской, гдѣ наказываютъ плетями и розгами, кажется длиннѣе и мучительнѣе во много разъ, чѣмъ въ Россіи? Это время женщины проводятъ въ полномъ бездѣйствіи. Въ одной избѣ, состоящей чаще всего изъ одной комнаты, вы застаете семью каторжнаго, съ нею солдатскую семью, двухъ-трехъ каторжныхъ жильцовъ или гостей, тутъ же подростки, двѣ-три колыбели по угламъ, тутъ же куры, собака, а на улицѣ около избы отбросы, лужи отъ помоевъ,

заняться нечѣмъ, ѣсть нечего, говорить и браниться надобно, на улицу выходить скучно—какъ все однообразно уныло, грязно, какая тоска! Вечеромъ съ работъ возвращается мужъ каторжный; онъ хочетъ ѣсть и спать, а жена начинаетъ плакать и причитывать: «Погубилъ ты насъ, проклятый! Пропала моя головушка, пропали дѣти!»—«Ну, завывала!»—проворчить на печкѣ солдатъ. Уже всѣ позаснули, дѣти переплакали и тоже утомонились давно, а баба все не спитъ, думаетъ и слушаетъ, какъ реветъ море; теперь ужь ее мучаетъ тоска: жалко мужа, обидно на себя, что не удержалась и попрекнула его. А на другой день опять та же исторія,

Если судить только по одному Дуэ, то сельско-хозяйственная колонія на Сахалинѣ обременена излишкомъ женщинъ и семейныхъ каторжныхъ. За недостаткомъ мѣста въ избахъ, 27 семействъ живутъ въ старыхъ, давно уже обреченныхъ на сносъ постройкахъ, въ высшей степени грязныхъ и безобразныхъ, которые называются «казармами для семейныхъ». Тутъ уже не комнаты, а камеры съ нарами и парашами, какъ въ тюрьмѣ. По составу своему, населеніе этихъ камеръ отличается крайнимъ разнообразіемъ. Въ одной камерѣ съ выбитыми стеклами въ окнахъ и съ удушливымъ запахомъ отхожаго мѣста живутъ: каторжный и его жена свободного состоянія; каторжный, жена свободного состоянія и дочь; каторжный, жена поселка и дочь; каторжный и его жена свободного состоянія; поселенецъ полякъ и его сожительница каторжная; всѣ они со своимъ имуществомъ помѣщаются въ одной камерѣ и спать рядомъ на одной сплошной нарѣ. Въ другой: каторжный, жена свободного состоянія и сынъ; каторжная татарка и ея дочь, каторжный татаринъ, его жена свободного состоянія и двое татарчатъ въ ермолкахъ, каторжный, жена свободного состоянія и сынъ; поселенецъ, бывший на каторгѣ 35 лѣтъ, но еще молодцеватый, съ черными усами, за неимѣніемъ сапогъ ходящій босикомъ, но страст-

ный картежник *); рядомъ съ нимъ на нарахъ его любовница каторжная — вялое, сонное и жалкое на видъ существо; далѣе каторжный, жена свободнаго состоянія и трое дѣтей; каторжный несемейный; каторжный, жена свободнаго состоянія и двое дѣтей; поселенецъ; каторжный, чистенькій старичокъ съ бритымъ лицомъ. Тутъ же по камерѣ ходитъ поросенокъ и чавкаетъ; на полу осклизлая грязь, воняетъ клопами и чѣмъ-то кислымъ; отъ клоповъ, говорятъ, житья нѣтъ. Въ третьей: каторжный, жена свободнаго состоянія и двое дѣтей; каторжный, жена свободнаго состоянія и дочь; каторжный, жена свободнаго состоянія и семеро дѣтей: одна дочь 16, другая 15 лѣтъ; каторжный, жена свободнаго состоянія и сынъ; каторжный, жена свободнаго состоянія и сынъ; каторжный, жена свободнаго состоянія и четверо дѣтей. Въ четвертой: надзиратель унтеръ-офицеръ, его жена 18 лѣтъ и дочь; каторжный и его жена свободнаго состоянія; поселенецъ; каторжный и т. д. По этимъ варварскимъ помѣщеніямъ и ихъ обстановкѣ, гдѣ дѣвушки 15 и 16 лѣтъ вынуждены спать рядомъ съ каторжниками, читатель можетъ судить, какимъ неуваженіемъ и презрѣніемъ окружены здѣсь женщины и дѣти, добровольно послѣдовавшія на каторгу за своими мужьями и отцами, какъ здѣсь мало дорожатъ ими и какъ мало думаютъ о сельско-хозяйственной колоніи.

Дуйская тюрьма меньше, старѣе и во много разъ грязнѣе Александровской. Здѣсь тоже общія камеры и сплошныя нары, но обстановка бѣднѣе и порядки хуже. Стѣны и полы

---

*) Онъ говорилъ мнѣ, что во время игры въ штоссъ у него «въ жилахъ электричество»: отъ волненія руки сводитъ. Одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній у него то, какъ онъ когда-то въ дни молодости вытасилъ часы у самого полицеймейстера. Про игру въ штоссъ рассказываетъ онъ съ азартомъ. Помню фразу—«ткнешь, не туда попал!» — проговорилъ онъ съ отчаяніемъ охотника, сдѣлавшаго промахъ. Для любителей я записалъ нѣкоторыя его выраженія: транспортъ скушантъ! напѣ! наперипѣ! уголь! по рублю очко мазъ! въ цвѣтъ и въ масть, артиллерія!

одинаково грязны и до такой степени потемнѣли уже отъ времени и сырости, что едва ли станутъ чище, если ихъ помыть. По даннымъ медицинскаго отчета за 1889 г., на каждаго арестанта приходится здѣсь воздуха 1,12 куб. саж. Если лѣтомъ, при открытыхъ окнахъ и дверяхъ, пахнетъ помоями и отхожимъ мѣстомъ, то, воображаю, какой адъ бываетъ здѣсь зимою, когда внутри тюрьмы по утрамъ находятъ иней и сосульки. Смотрителемъ тюрьмы здѣсь бывшій военный фельдшеръ изъ поляковъ, состоящій въ чинѣ канцелярскаго служителя. Кромѣ Дуйской, онъ завѣдуетъ также еще Воеводскою тюрьмой, рудниками и постомъ Дуэ. Дистанція совсѣмъ не по чину.

Въ дуйскихъ карцерахъ содержатся тяжкіе преступники, большею частью рецидивисты и подслѣдственные. На видъ это самые обыкновенные люди съ добродушными и глуповатыми фізіономіями, которыя выражали только любопытство и желаніе отвѣтить мнѣ возможно почтительно. И преступления у большинства изъ нихъ не умѣе и не хитрѣе ихъ фізіономій. Обыкновенно присылаются за убійство въ дракѣ лѣтъ на 5—10, потомъ бѣгутъ; ихъ ловятъ, они опять бѣгутъ, и такъ, пока не попадутъ въ безсрочные и неисправимые. Преступленія почти у всѣхъ ужасно неинтересны, ординарны, по крайней мѣрѣ, со стороны внѣшней занимательности, и я нарочно привелъ выше *Разказъ Егора*, чтобы читатель могъ судить о безцвѣтности и бѣдности содержанія сотни разказовъ, автобіографій и анекдотовъ, какіе мнѣ приходилось слышать отъ арестантовъ и людей, близкихъ къ каторгѣ. Впрочемъ, одинъ сѣдой старикъ лѣтъ 60—65, по фамиліи Тереховъ, сидящій въ темномъ карцерѣ, произвелъ на меня впечатлѣніе настоящаго злодѣя. Наканунѣ моего пріѣзда онъ былъ наказанъ плетми и, когда у насъ зашла рѣчь объ этомъ, показалъ мнѣ свои ягодицы, сине-багровыя отъ кровоподтековъ. По разказамъ арестантовъ, этотъ старикъ убилъ на своемъ вѣку 60 человекъ;

у него будто бы такая манера: онъ высматриваетъ арестантовъ-новичковъ, какіе побогаче, и сманиваетъ ихъ бѣжать вмѣстѣ, потомъ въ тайгѣ убиваетъ ихъ и грабитъ, а чтобы скрыть слѣды преступленія, рѣжетъ трупы на части и бросаетъ въ рѣку. Въ послѣдній разъ, когда его ловили, онъ отмахивался отъ надзирателей дубиной. Глядя на его мутные оловянные глаза и большой, на половину бритый, угловатый, какъ булыжникъ, черепъ, я готовъ былъ вѣрить всѣмъ этимъ рассказамъ. Одинъ хохоль, сидящій тоже въ темномъ карцерѣ, тронулъ меня своею откровенностью; онъ обратился съ просьбой къ смотрителю — возратить ему 195 рублей, отобранные у него при обыскѣ. «А гдѣ ты взялъ эти деньги?» — спросилъ смотритель. — «Выигралъ въ карты» — отвѣтилъ онъ и побожился, и, обращаясь ко мнѣ, сталъ увѣрять, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ почти вся тюрьма играетъ въ карты и между картежниками-арестантами не рѣдкость такіе, которые располагаютъ суммами въ двѣ и три тысячи рублей. Въ карцерахъ же я видѣлъ бродягу, который отрубилъ себѣ два пальца; рана повязана грязною тряпкой. У другого бродяги сквозная огнестрѣльная рана: пуля счастливо прошла по наружному краю седьмого ребра. Рана и у этого тоже перевязана грязной тряпкой *).

Въ Дуэ всегда тихо. Къ мѣрному звону кандаловъ, шуму морского прибоя и гудѣнью телеграфныхъ проволокъ скоро привыкаетъ ухо и отъ этихъ звуковъ впечатлѣніе мертвой тишины становится сильнѣе. Печать суровости лежитъ не на однихъ только полосатыхъ столбахъ. Если бы на улицѣ кто-нибудь невзначай засмѣялся громко, то это прозвучало бы рѣзко и неестественно. Съ самаго основанія Дуэ здѣшняя жизнь вылилась въ форму, какую можно передать только въ

*) Я встрѣчалъ не мало раненыхъ и страдающихъ язвами, но ни разу не слышалъ запаха іодоформа, хотя на Сахалинѣ ежегодно расходуется его больше полупуда.

неумолимо-жестокихъ, безнадежныхъ звукахъ, и свирѣпый холодный вѣтеръ, который въ зимнія ночи дуетъ съ моря въ расщелину, только одинъ поетъ именно то, что нужно. Бываетъ поэтому странно, когда среди тишины раздается вдругъ пѣніе дуйскаго чудака Шкандыбы. Это каторжный, старикъ, который съ перваго же дня пріѣзда своего на Сахалинъ отказался работать и передъ его непобѣдимымъ, чисто-звѣринымъ упрямствомъ спасовали всѣ принудительныя мѣры; его сажали въ темную, нѣсколько разъ сѣкли, но онъ стоически выдерживалъ наказаніе и послѣ каждой экзекуціи восклицалъ: «А, все-таки, я не буду работать!» Повозились съ нимъ и, въ концѣ-концовъ, бросили. Теперь онъ гуляетъ по Дуэ и поетъ *).

*) У публики Дуэ пользуется преувеличенно-дурною репутациею. На *Байкаль* мнѣ рассказывали, что одинъ пассажиръ, человекъ уже пожилой и чиновный, когда пароходъ остановился на дуйскомъ рейдѣ, долго всматривался въ берегъ и, наконецъ, спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, гдѣ же тутъ на берегу столбъ, на которомъ вѣшаютъ каторжниковъ и потомъ бросаютъ ихъ въ воду?

Дуэ — колыбель сахалинской каторги. Существуетъ мнѣніе, что мысль избрать это мѣсто для ссыльной колоніи пришла впервые самимъ каторжнымъ: будто бы нѣкій Иванъ Лащинъ, осужденный за отцеубійство и отбывавшій каторгу въ г. Николаевскѣ, попросилъ у мѣстныхъ властей позволенія переселиться на Сахалинъ и въ сентябрѣ 1858 г. былъ доставленъ сюда. Поселившись недалеко отъ Дуйскаго поста, онъ сталъ заниматься огородничествомъ и хлѣбопашествомъ и, по словамъ г. Власова, отбывалъ тутъ каторжные уроки. Вѣроятно, онъ былъ доставленъ на островъ не одинъ, такъ какъ въ 1858 г. уголь близъ Дуэ добывался уже при участіи каторжныхъ (см. *Съ Амура и береговъ Великаго океана въ Московскіе Вѣдомостяхъ* 1874 г., № 207). Вышеславцевъ въ своихъ *Очеркахъ перомъ и карандашомъ* пишетъ, что въ апрѣлѣ 1859 г. онъ засталъ въ Дуэ около 40 человекъ и при нихъ двухъ офицеровъ и одного инженернаго офицера, завѣдующаго работами. «Какіе славные огороды, — восторгается онъ, — окружаютъ ихъ уютные, чистенькіе домики! А овощи вызрѣваютъ два раза въ лѣто».

Время возникновенія настоящей сахалинской каторги относятся

Добыча каменного угля, какъ я уже сказалъ, производится въ верстѣ отъ поста. Я былъ въ рудникѣ, меня водили по мрачнымъ, сырýmъ коридорамъ и предупредительно

къ шестидесятымъ годамъ, когда неурюстройства нашей департаціонной системы достигли своего высшаго напряженія. Время было таково, что начальникъ отдѣленія департамента полиціи исполнительной, коллежскій совѣтникъ Власовъ, пораженный всѣмъ, что онъ встрѣтилъ на каторгѣ, прямо заявилъ, что строй и система нашихъ наказаній служатъ развитію важныхъ уголовныхъ преступленій и понижаютъ гражданскую нравственность. Приблизительное исслѣдованіе каторжныхъ работъ на мѣстѣ привело его къ убѣжденію, что ихъ въ Россіи почти не существуетъ (см. его *Краткій очеркъ неурюстройства, существующихъ на каторгѣ*). Главное тюремное управленіе, давая въ своемъ десятилѣтнемъ отчетѣ критическій обзоръ каторги, замѣчаетъ, что въ описываемое время каторга перестала быть высшею карательною мѣрой. Да, то была высочайшая мѣра безпорядка, какой когда-либо создавали невѣжество, равнодушіе и жестокость. Вотъ главные причины бывшихъ неурюстройствъ: а) Ни составители законовъ о ссыльныхъ, ни исполнители ихъ не имѣли яснаго представленія о томъ, что такое каторга, въ чемъ она должна заключаться, для чего она нужна. И практика, несмотря на свою продолжительность, не дала не только системы, но даже матеріала для юридическаго опредѣленія каторги. б) Исправительныя и уголовныя цѣли наказанія приносились въ жертву разнаго рода экономическимъ и финансовымъ соображеніямъ. На каторжнаго смотрѣли какъ на рабочую силу, которая должна была приносить доходъ государственному казначейству. Если его трудъ не давалъ выгоды или шелъ въ убытокъ, то предпочитали держать его въ тюрьмѣ безъ всякаго дѣла. Убыточному бездѣлю отдавалось предпочтеніе передъ убыточною работой. Приходилось также считаться еще съ колонизаціонными цѣлями. в) Незнакомство съ мѣстными условіями и потому отсутствіе опредѣленнаго взгляда на характеръ и сущность работъ, что видно хотя бы изъ недавно упраздненнаго дѣленія на работы въ рудникахъ, заводахъ и крѣпостяхъ. На практикѣ бесрочный, приговоренный къ работамъ въ рудникахъ, сидѣлъ безъ дѣла въ тюрьмѣ, приговоренный къ четырехлѣтней каторгѣ на заводахъ работалъ въ рудникѣ, а въ тобольской каторжной тюрьмѣ арестанты занимались переноскою съ одного мѣста на другое ядеръ, пересыпкой песка и т. п. Въ обществѣ и отчасти въ литературѣ установился взглядъ, что

знакомили съ постановкой дѣла, но очень трудно описать все это, не будучи специалистомъ. Я воздержусь отъ техническихъ подробностей и тотъ, кто интересуется ими, пусть

настоящая, самая тяжкая и самая позорная каторга можетъ быть только въ рудникахъ. Если бы въ *Русской женщинѣ* Некрасова герой, вмѣсто того, чтобы работать въ рудникѣ, ловилъ для тюрьмы рыбу или рубилъ лѣсъ, то многіе читатели остались бы неудовлетворенными. d) Отсталость нашего устава о ссыльныхъ. На очень многіе вопросы, ежедневно возбуждаемые практикой, онъ совсѣмъ не даетъ отвѣта, отсюда широкое поле для произвольныхъ толкованій и незаконныхъ дѣйствій; въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ онъ является часто совершенно бесполезною книгой, и отчасти поэтому, вѣроятно, г. Власовъ въ нѣкоторыхъ управленіяхъ при каторжныхъ тюрьмахъ совсѣмъ не нашелъ устава. e) Отсутствие единства въ управленіи каторгой. f) Отдаленность каторжныхъ работъ отъ Петербурга и полное отсутствие гласности. Официальные отчеты стали печататься только недавно, со времени учрежденія главнаго тюремнаго управленія. g) Немалою помѣхой къ упорядоченію ссылки и каторги служило такжене безполезною книгой, и отчасти поэтому, вѣроятно, г. Власовъ въ нѣкоторыхъ управленіяхъ при каторжныхъ тюрьмахъ совсѣмъ не нашелъ устава. e) Отсутствие единства въ управленіи каторгой. f) Отдаленность каторжныхъ работъ отъ Петербурга и полное отсутствие гласности. Официальные отчеты стали печататься только недавно, со времени учрежденія главнаго тюремнаго управленія. g) Немалою помѣхой къ упорядоченію ссылки и каторги служило такжене

большое настроеніе нашего общества. Когда у общества нѣтъ определенныхъ взглядовъ на что-нибудь, то приходится считаться съ его настроеніемъ. Общество всегда возмущалось тюремными порядками и, въ то же время, всякій шагъ къ улучшенію быта арестантовъ встрѣчало протестомъ, вродѣ, напримѣръ, такого замѣчанія: «Не хорошо, если мужикъ въ тюрьмѣ или на каторгѣ будетъ жить лучше, чѣмъ дома». Если мужикъ часто живетъ дома хуже, чѣмъ на каторгѣ, то по логикѣ такого замѣчанія каторга должна быть адомъ. Когда арестантамъ давали въ вагонахъ, вмѣсто воды, квасъ, то это называлось «нянчиться съ убійцами и поджигателями». и т. п. Впрочемъ, какъ бы въ противовѣсъ такому настроенію, у лучшихъ русскихъ писателей замѣчалось стремленіе къ идеализаціи каторжныхъ, бродягъ и бѣглыхъ.

Въ 1863 г. былъ высочайше утвержденъ комитетъ, имѣвшій цѣлью изыскать и указать мѣры для организаціи каторжныхъ работъ на болѣе правильныхъ началахъ. Комитетъ призналъ, что необходимо «высылать тяжкихъ преступниковъ въ отдаленную колонію для употребленія тамъ въ принудительныя работы съ преимущественною цѣлью водворенія въ мѣстѣ ссылки». И, выбирая между отдаленными колоніями, комитетъ остановился на Сахалинѣ. А priori онъ призналъ за Сахалиномъ слѣдующія достоинства: 1) географическое положеніе,

прочтеть специальное сочинение горного инженера г. Кеппена, когда-то завѣдывавшаго здѣшними копиями *).

Въ настоящее время дуйскія копи находятся въ исключительномъ пользованіи частнаго общества «Сахалинъ», представители котораго живутъ въ Петербургѣ. По контракту, заключенному въ 1875 г. на 24 года, общество пользуется участкомъ на западномъ берегу Сахалина на двѣ версты вдоль берега и на одну версту вглубь острова; ему предоставляются бесплатно свободныя удобныя мѣста для склада угля въ Приморской области и прилегающихъ къ ней островахъ; нужный для построекъ и работъ строитель-

обеспечивающее материкъ отъ побѣговъ; 2) наказаніе получаетъ надлежащую репрессивную силу, такъ какъ ссылка на Сахалинъ можетъ быть признана безвозвратною; 3) просторъ для дѣятельности преступника, рѣшившаго начать новую трудовую жизнь; 4) съ точки зрѣнія государственной пользы, сосредоточеніе ссыльныхъ на Сахалинъ представляется залогомъ для упроченія обладанія нашего островомъ; 5) угольныя залежи могутъ быть съ выгодой эксплуатируемы въ виду громадной потребности въ углѣ. Предполагалось также, что сосредоточеніе на островѣ всего контингента ссыльно-каторжныхъ сократитъ расходы на содержаніе ихъ.

*) *Островъ Сахалинъ, его каменноугольныя месторожденія и развивающаяся на немъ каменноугольная промышленность*, 1875 г. Объ углѣ, кромѣ г. Кеппена, писали еще горные инженеры: *Носовъ І.*: «Замѣтки объ обстровѣ Сахалинѣ и каменноугольныхъ ломкахъ, на немъ производимыхъ». *Горный журналъ* 1859 г., № 1. *И. А. Лопатинъ*: «Извлеченіе изъ письма». Приложение къ отчету Сибирскаго отдѣла Имп. Рус. Географ. общества за 1868 г. *Его же*: «Репортъ къ генералъ-губернатору Восточной Сибири». *Горный журналъ* 1870 г., № 10. *Дейхманъ*: «Островъ Сахалинъ въ горнопромышленномъ отношеніи». *Горный журналъ* 1871 г., № 3. *К. Скалковскій*: «Русская торговля въ Тихомъ океанѣ», 1883 г. О качествахъ сахалинскаго угля писали въ разное время командиры судовъ сибирской флотиліи въ своихъ рапортахъ, которые печатались въ *Морскомъ Сборникѣ*. Для полноты, пожалуй, можно упомянуть еще о статьяхъ *Я. Н. Бутковского*: «Островъ Сахалинъ», *Историческій Вѣстникъ* 1882 г., X и *Сахалинъ и его значеніе*, *Морской Сборникъ* 1874 г., № 4.

ный материалъ общество получаетъ также бесплатно; ввозъ всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для техническихъ и хозяйственныхъ работъ и устройство рудниковъ, предоставляется бесплатно; за каждый пудъ угля, покупаемый морскимъ ведомствомъ, общество получаетъ отъ 15 до 30 коп.; ежедневно въ распоряженіе общества командируется для работъ не менѣе 400 каторжныхъ; если же на работы будетъ выслано меньше этого числа, то за каждого недостающаго рабочаго казна платитъ обществу штрафу одинъ рубль въ день; нужное обществу число людей можетъ быть отпускаемо и на ночь.

Чтобъ исполнять принятыя на себя обязательства и охранять интересы общества, казна содержитъ около рудниковъ двѣ тюрьмы, Дуйскую и Воеводскую, и военную команду въ 340 человекъ, что ежегодно обходится ей въ 150 тысячъ рублей. Стало быть, если, какъ говорятъ, представителей общества, живущихъ въ Петербургѣ, только пять, то охраненіе доходовъ каждого изъ нихъ обходится ежегодно казнѣ въ 30 тысячъ, не говоря уже о томъ, что изъ-за этихъ доходовъ приходится, вопреки задачамъ сельско-хозяйственной колоніи и точно въ насмѣшку надъ гигиеной, держать болѣе 700 каторжныхъ, ихъ семьи, солдатъ и служащихъ въ такихъ ужасныхъ ямахъ, какъ Воеводская и Дуйская ямы, и не говоря уже о томъ, что, отдавая каторжныхъ въ услуженіе частному обществу за деньги, администрація исправительныхъ цѣли наказанія приносить въ жертву промышленнымъ соображеніямъ, т. е. повторяетъ старую ошибку, которую сама же осудила.

На все это общество, съ своей стороны, отвѣчаетъ тремя серьезными обязательствами: оно должно вести разработку дуйскихъ копей правильно и держать въ Дуэ горнаго инженера, который наблюдать бы за правильностью разработки; аккуратно два раза въ годъ вносить арендную плату за уголь и плату за трудъ каторжныхъ; при разра-

боткѣ копей пользоваться исключительно трудомъ каторжныхъ по всѣмъ видамъ работъ, соединенныхъ съ этимъ предпріятіемъ. Всѣ эти три обязательства существуютъ только на бумагѣ и, повидимому, давно уже забыты. Разработка копей ведется недобросовѣстно, на кулаческихъ началахъ. «Никакихъ улучшеній въ техникѣ производства или изысканій для обезпеченія ему прочной будущности не предпринималось, — читаемъ въ докладной запискѣ одного офиціальнаго лица, — работы, въ смыслѣ ихъ хозяйственной постановки, имѣли всѣ признаки хищничества, о чемъ свидѣтельствуетъ и послѣдній отчетъ окружного инженера». Горнаго инженера, котораго общество обязано имѣть по контракту, нѣтъ и копами завѣдуетъ простой штейгеръ. Что касается платежей, то и тутъ приходится говорить только о томъ, что въ своемъ докладѣ только-что упомянутое офиціальное лицо именуется «признаками хищничества». И копами, и трудомъ каторжныхъ общество пользуется бесплатно. Оно обязано платить, но почему-то не платитъ; представители другой стороны, въ виду такого явнаго правонарушенія, давно уже обязаны употребить власть, но почему-то медлятъ и, мало того, продолжаютъ еще расходовать 150 тысячъ въ годъ на охрану доходовъ общества, и обѣ стороны ведутъ себя такъ, что трудно сказать, когда будетъ конецъ этимъ ненормальнымъ отношеніямъ. Общество засѣло на Сахалинѣ такъ же крѣпко, какъ Оома въ селѣ Степанчиковѣ, и неумолимо оно, какъ Оома. Къ 1 января 1890 г. оно состояло должнымъ казнѣ 194,337 р. 15 к.; десятая же часть этихъ денегъ по закону приходится на долю каторжныхъ, какъ вознагражденіе за трудъ. Когда и какъ расчитываются съ дуйскими каторжниками, кто имъ платитъ и получаютъ ли они что-нибудь, мнѣ неизвѣстно.

Ежедневно назначается на работы 350—400 каторжныхъ, остальные же 350—400 изъ живущихъ въ Дуйской и

Воеводской тюрьмахъ составляютъ резервъ. Безъ резерва же не обойтись, такъ какъ въ контрактѣ оговорены на каждый день «способные къ труду» каторжные. Назначенные на работы въ рудникѣ въ пятомъ часу утра, на такъ называемой раскомандировкѣ, поступаютъ въ вѣдѣніе рудничной администраціи, т. е. небольшой группы частныхъ лицъ, составляющихъ «контору». Отъ усмотрѣнія этой последней зависитъ назначеніе на работы, количество и степень напряженія труда на каждый день и для каждаго отдѣльнаго каторжнаго; отъ нея, по самой постановкѣ дѣла, зависитъ наблюдать за тѣмъ, чтобы арестанты несли наказаніе равномерно; тюремная же администрація оставляетъ за собою только надзоръ за поведеніемъ и предупрежденіе побѣговъ, въ остальномъ же, по необходимости, умываетъ руки.

Имѣются два рудника: старый и новый. Каторжные работаютъ въ новомъ; тутъ вышина угольнаго пласта около 2 аршинъ, ширина коридоровъ такая же; разстояніе отъ выхода до мѣста, гдѣ теперь происходитъ разработка, равняется 150 саж. Рабочій съ санками, которыя вѣсятъ пудъ, взбирается ползкомъ вверхъ темнымъ и сырымъ коридоромъ: это самая тяжелая часть работы; потомъ, нагрузивъ сани углемъ, возвращается назадъ. У выхода уголь нагружается въ вагонетки и по рельсамъ доставляется въ склады. Каждый каторжный долженъ подняться вверхъ съ санками не менѣе 13 разъ въ день—въ этомъ заключается урокъ. Въ 1889—90 г. каждый каторжный добывалъ, въ среднемъ, 10,8 п. въ день, на 4,2 пуда менѣе нормы, установленной рудничною администраціей. Въ общемъ, производительность рудника и рудничныхъ каторжныхъ работъ не велика: она колеблется между 1½ и 3 тыс. пудовъ въ день.

Въ Дуйскихъ копяхъ работаютъ также поселенцы по вольному найму. Поставлены они въ болѣе тяжелыя условія, чѣмъ каторжные. Въ старомъ рудникѣ, гдѣ они рабо-

таютъ, пласть не выше аршина, мѣсто разработки находится въ 230 саж. отъ выхода, верхній слой пласта даетъ сильную течь, отчего работать приходится въ постоянной сырости; живутъ они на собственномъ продовольствіи, въ помѣщеніи, которое во много разъ хуже тюрьмы. Но, несмотря на все это, трудъ ихъ гораздо производительнѣе каторжнаго—на 70 и даже на 100%. Таковы преимущества вольнонаемнаго труда передъ принудительнымъ. Наемные рабочіе выгоднѣе для общества, чѣмъ тѣ, которыхъ оно обязано имѣть по контракту, и потому, если, какъ здѣсь принято, каторжный нанимаетъ вмѣсто себя поселенца или другого каторжнаго, то рудничная администрація охотно мирится съ этимъ безпорядкомъ. Третье обязательство давно уже трещить по швамъ. Съ самаго основанія Дуэ ведется, что бѣдняки и простоватые работаютъ за себя и за другихъ, а шуллера и ростовщики въ это время пьютъ чай, играютъ въ карты или безъ дѣла бродятъ по пристани, позвякивая кандалами, и бесѣдуютъ съ подкупленнымъ надзирателемъ. На этой почвѣ здѣсь постоянно разыгрываются возмутительныя исторіи. Такъ, за недѣлю до моего пріѣзда одинъ богатый арестантъ, бывшій петербургскій купецъ, присланный сюда за поджогъ, былъ высѣченъ розгами будто бы за нежеланіе работать. Это человекъ глуповатый, не умѣющій прятать деньги, неумѣренно подкупавшій, наконецъ, утѣмился давать то надзирателю 5, то палачу 3 рубля и какъ-то въ недобрый часъ настрѣвъ отказалъ обоимъ. Надзиратель пожаловался смотрителю, что вотъ-де такой-то не хочетъ работать, этотъ приказалъ дать 30 розогъ и палачъ, разумѣется, постарался. Купецъ, когда его сѣкли, кричалъ: «Меня еще никогда не сѣкли!» Послѣ экзекуціи онъ смирился, заплатилъ надзирателю и палачу и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ нанимать вмѣсто себя поселенца.

Исключительная тяжесть рудничныхъ работъ заключается

не въ томъ, что приходится работать подъ землей въ темныхъ и сырыхъ коридорахъ, то ползкомъ, то согнувшись; строительныя и дорожныя работы подъ дождемъ и на вѣтрѣ требуютъ отъ работника большаго напряженія физическихъ силъ. И кто знакомъ съ постановкой дѣла въ нашихъ донецкихъ шахтахъ, тому дуйскій рудникъ не покажется страшнымъ. Вся исключительная тяжесть не въ самомъ трудѣ, а въ обстановкѣ, въ тупости и недобросовѣстности всякихъ мелкихъ чиновъ, когда на каждомъ шагу приходится терпѣть отъ наглости, несправедливости и произвола. Богатые чай пьютъ, а бѣдняки работаютъ, надзиратели у всѣхъ на глазахъ обманываютъ свое начальство, неизбѣжныя столкновенія рудничной и тюремной администрацій вносятъ въ жизнь массу дразгъ, сплетней и всякихъ мелкихъ беспорядковъ, которые ложатся своею тяжестью прежде всего на людей подневольныхъ, по слову вицѣ: паны дерутся—у хлопцевъ чубы болятъ. А, между тѣмъ, каторжникъ, какъ бы глубоко онъ ни былъ испорченъ и несправедливъ, любить всего больше справедливость и, если ея нѣтъ въ людяхъ, поставленныхъ выше его, то онъ изъ года въ годъ впадаетъ въ озлобленіе, въ крайнее невѣріе. Сколько, благодаря этому, на каторгѣ пессимистовъ, угрюмыхъ сатириковъ, которые съ серьезными, злыми лицами толкуютъ безъ умолку о людяхъ, о начальствѣ, о лучшей жизни, а тюрьма слушаетъ и хохочетъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, выходитъ смѣшно. Работа въ дуйскихъ рудникахъ тяжела также потому, что каторжникъ здѣсь въ продолженіе многихъ лѣтъ безъ перерыва видитъ только рудникъ, дорогу до тюрьмы и море. Вся жизнь его какъ бы ушла въ эту узкую береговую отмель между глинистымъ берегомъ и моремъ.

Около рудничной конторы стоитъ баракъ для поселенцевъ, работающихъ въ копяхъ, небольшой старый сарай, кое-какъ приспособленный для ночевки. Я былъ тутъ въ

5 часовъ утра, когда поселенцы только-что встали. Какая вонь, темнота, давка! Головы разлохмаченныя, точно всю ночь у этихъ людей происходила драка, лица желто-сѣрыя и, съ просонья, выраженія какъ у больныхъ или сумасшедшихъ. Видно, что они спали въ одеждѣ и въ сапогахъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, кто на нарѣ, а кто и подь нарой, прямо на грязномъ земляномъ полу. По словамъ врача, ходившаго со мной въ это утро, здѣсь 1 куб. саж. воздуха приходится на 3—4 человѣка. Между тѣмъ, это было какъ разъ то время, когда на Сахалинѣ ожидали холеру и для судовъ былъ назначенъ карантинъ.

Въ это же утро я былъ въ *Воеводской тюрьмѣ*. Она была построена въ семидесятыхъ годахъ и для образованія площади, на которой она теперь стоитъ, пришлось срывать гористый берегъ на пространствѣ 480 кв. саж. Въ настоящее время изъ всѣхъ сахалинскихъ тюремъ это самая безобразная, которая уцѣлѣла отъ реформъ вполнѣ, такъ что можетъ служить точною иллюстраціей къ описаніямъ старыхъ порядковъ и старыхъ тюремъ, возбуждавшихъ когда-то въ очевидцахъ омерзение и ужасъ. Воеводская тюрьма состоитъ изъ трехъ главныхъ корпусовъ и одного малаго, въ которомъ помѣщаются карцеры. Конечно, о кубическомъ содержаніи воздуха или вентиляціяхъ говорить не приходится. Когда я входилъ въ тюрьму, тамъ кончали мыть полы и влажный, промозглый воздухъ еще не успѣлъ разрѣдиться постѣ ночи и былъ тяжелъ. Полы были мокры и неприятны на видъ. Первое, что я услышалъ здѣсь, это—жалобы на клоповъ. Отъ клоповъ житья нѣтъ. Прежде ихъ изводили хлорною известью, вымораживали во время сильныхъ морозовъ, но теперь и это не помогаетъ. Въ помѣщеніяхъ, гдѣ живутъ надзиратели, тоже тяжкій запахъ отхожаго мѣста и кислоты, тоже жалобы на клоповъ.

Въ Воеводской тюрьмѣ содержатся прикованные къ тачкамъ. Всѣхъ ихъ здѣсь восемь человѣкъ. Живутъ они

въ общихъ камерахъ вмѣстѣ съ прочими арестантами и время проводить въ полномъ бездѣйствіи. По крайней мѣрѣ, въ «Вѣдомости о распредѣленіи ссыльно-каторжныхъ по родамъ работъ» прикованные къ тачкамъ показаны въ числѣ неработающихъ. Каждый изъ нихъ закованъ въ ручныя и ножныя кандалы; отъ середины ручныхъ кандаловъ идетъ длинная цѣпь аршина въ 3—4, которая прикрѣпляется ко дну небольшой тачки. Цѣпи и тачка стѣсняють арестанта, онъ старается дѣлать возможно меньше движеній, и это, несомнѣнно, отражается на его мускулатурѣ. Руки до такой степени привыкають къ тому, что всякое даже малѣйшее движеніе сопряжено съ чувствомъ тяжести, что арестантъ послѣ того ужъ, какъ, наконецъ, расстаётся съ тачкой и ручными кандалами, долго еще чувствуетъ въ рукахъ неловкость и дѣлаетъ безъ надобности сильныя, рѣзкія движенія; когда, напримѣръ, беретъ за чашку, то расплескиваетъ чай, какъ страдающій *chorea minor*. Ночью во время сна арестантъ держитъ тачку подъ ногой и, чтобы это было удобнѣе и легче сдѣлать, его помещають обыкновенно на краю общей нары.

Всѣ восемь человѣкъ—рецидивисты, которые на своемъ вѣку судились уже по нѣскольку разъ. Одинъ изъ нихъ, старикъ 60 лѣтъ, прикованъ за побѣги или, какъ самъ онъ говоритъ, «за глупости». Онъ боленъ, повидимому, чахоткой и бывшій смотритель тюрьмы изъ жалости распорядился помѣстить его поближе къ печкѣ. Другой, когда-то служившій кондукторомъ на желѣзной дорогѣ, присланъ за святотатство и на Сахалинѣ попался въ поддѣлкѣ 25-тирублевыхъ бумажекъ. Когда кто-то изъ ходившихъ вмѣстѣ со мной по камерамъ сталъ журить его за то, что онъ ограбилъ церковь, то онъ сказалъ: «Что-жь? Богу деньги не нужны». И, замѣтивъ, что арестанты не смѣются и что эта фраза произвела на всѣхъ непріятное впечатлѣніе, онъ добавилъ: «Зато я людей не убивалъ». Третій, бывшій

военный матросъ, присланъ на Сахалинъ за дисциплинарное преступленіе: онъ бросился на офицера съ поднятыми кулаками. На каторгѣ онъ точно также бросался на кого-то; въ послѣдній разъ бросился на смотрителя тюрьмы, когда тотъ приказалъ наказать его розгами. Его защитникъ на военно-полевомъ судѣ объяснялъ эту его манеру бросаться на людей болѣзненнымъ состояніемъ; судъ приговорилъ его къ смертной казни, а баронъ А. Н. Корфъ замѣнилъ это наказаніе пожизненною каторгой, плетью и прикованіемъ къ тачкѣ. Остальные всѣ прикованы за убійство.

Утро было сырое, пасмурное, холодное. Безпокойно шумѣло море. Помнится, по дорогѣ отъ стараго рудника къ новому мы на минутку остановились около старика-кавказца, который лежалъ на пескѣ въ глубокомъ обморокѣ; два земляка держали его за руки, безпомощно и растерянно поглядывая по сторонамъ. Старикъ былъ блѣденъ, руки холодныя, пульсъ слабый. Мы поговорили и пошли дальше, не подавъ ему медицинской помощи. Врачъ, который сопровождалъ меня, когда я замѣтилъ ему, что не мѣшало бы дать старику хоть валеріановыхъ капель, сказалъ, что у фельдшера въ Воеводской тюрьмѣ нѣтъ никакихъ лѣкарствъ.

IX.

Тымъ, или Тыми.—Лейт. Бошнякъ.—Поляковъ.—Верхній Армуданъ.—Нижній Армуданъ.—Дербинское.—Прогулка по Тыми.—Усково.—Цыгане.—Прогулка по тайгѣ.—Воскресенское.

Второй округъ Сѣв. Сахалина находится по ту сторону водораздѣльнаго хребта и называется Тымовскимъ, такъ какъ большинство его селеній лежитъ на рѣкѣ Тыми, впадающей въ Охотское море. Когда изъ Александровска ѣдешь въ Ново-Михайловку, то на переднемъ планѣ возвышается хребетъ, загораживая собою горизонтъ, и та его

часть, которая видна отсюда, называется Пилингой. Съ высоты этой Пилинги открывается роскошная панорама съ одной стороны на долину Дуйки и море, а съ другой—на широкую равнину, которая на протяженіи болѣе чѣмъ 200 верстъ къ сѣверо-востоку орошается Тымью и ея притоками. Эта равнина во много разъ больше и интереснѣе Александровской. Богатство воды, разнообразный строевой лѣсъ, трава выше человѣческаго роста, баснословное изобиліе рыбы и залежи угля предполагають сытое и довольное существованіе цѣлаго милліона людей. Такъ бы оно могло быть, но холодныя теченія Охотскаго моря и льдины, которыя плавають у восточнаго берега даже въ іюнѣ, свидѣтельствуютъ съ неумолимою ясностью, что когда природа создавала Сахалинъ, то при этомъ она меньше всего имѣла въ виду человѣка и его пользу. Если бы не горы, то равнина была бы тундрою, холоднѣе и безнадежнѣе, чѣмъ около Віахту.

Первый былъ на р. Тыми и описалъ ее лейт. Бошнякъ. Въ 1852 г. онъ былъ посланъ сюда Невельскимъ, чтобы провѣрить свѣдѣнія насчетъ залежей каменнаго угля, полученные отъ гиляковъ, затѣмъ пересѣчь поперекъ островъ и выйти на берегъ Охотскаго моря, гдѣ, какъ говорили, находится прекрасная гавань. Ему даны были нарта собакъ, дней на 35 сухарей, чаю да сахару, маленькій ручной компасъ и вмѣстѣ съ крестомъ Невельскаго ободреніе, что «если есть сухарь, чтобъ утолить голодъ, и кружка воды напиться, то съ Божіей помощью дѣло дѣлать еще возможно». Проѣхавшись по Тыми до восточнаго берега и обратно, онъ кое-какъ добрался до западнаго берега, весь ободранный, голодный, съ нарывами на ногахъ. Собаки отказывались идти дальше, такъ какъ были голодны. Въ самую Пасху онъ притаился въ уголкѣ (гиляцкой) юрты, рѣшительно выбившись изъ силъ. Сухарей не было, разговѣться нечѣмъ, нога болѣла страшно. Въ изслѣдованіяхъ

Бошняка самое интересное, конечно, личность самого изслѣдователя, его молодость,—ему шель тогда 21-й годъ,—и его беззаветная, геройская преданность дѣлу. Тѣмъ тогда была покрыта глубокимъ снѣгомъ, такъ какъ на дворѣ стоялъ мартъ, но все же это путешествіе дало ему въ высшей степени интересный матеріалъ для записокъ *).

Серьезное и тщательное изслѣдованіе Тыми, съ научною и практическою дѣлюю, было произведено въ 1881 г. зоологомъ Поляковымъ **). Направляясь изъ Александровска, онъ 24 іюля на волахъ, съ большими трудностями, перешелъ черезъ Пилингу. Были тутъ только пѣшеходныя тропинки, по которымъ спускались и поднимались каторжные, таскавшіе тогда на своихъ плечахъ продовольствіе изъ Александровскаго округа въ Тымовскій. Высота хребта здѣсь двѣ тысячи футовъ. На притокѣ Тыми Адмво; ближайшемъ къ Пилингѣ, стоялъ *Ведерниковскій Станокъ*, отъ котораго уцѣлѣло теперь только одно — должностъ смотрителя Ведерниковскаго Станка ***). Притоки Тыми быстры, извилисты, мелководны и порожисты, сообщеніе на лодкахъ невозможно, и Полякову поэтому пришлось пробираться на волахъ до самой Тыми. Въ се-

*) Четыре года спустя по Тыми спустился на восточный берегъ Л. И. Шренкъ и тѣмъ же путемъ вернулся назадъ. Но дѣло проиходило тоже зимой, когда рѣка была покрыта снѣгомъ.

***) Его уже нѣтъ въ живыхъ. Онъ умеръ вскорѣ послѣ своего путешествія на Сахалинѣ. Если судить по его наскоро написаннымъ эскизнымъ запискамъ, то это былъ талантливый и всесторонне образованный человекъ. Вотъ его статьи: 1) *Путешествіе на островъ Сахалинъ въ 1881—1882 гг.* (письма къ секретарю общества), прилож. къ XIX т. *Изв. И. Р. Геогр. Общества* 1883 г. 2) *Отчетъ объ изслѣдованіяхъ на островѣ Сахалинѣ и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ*. Приложение № 6 къ XLVIII т. *Записокъ Импер. Академіи Наукъ* 1884 г. и 3) *На Сахалинѣ*. *Новь* 1885 г., № 1.

****) Этотъ смотритель по отношенію къ Станку изображаетъ изъ себя теперь нѣчто въ родѣ вѣсь-короля и несетъ обязанности, ничего общаго со Станкомъ не имѣющія.

леніи. Дербинскомъ онъ со своими спутниками съѣзжалъ лодки и поплылъ внизъ по теченію. Утомительно читать описаніе этого путешествія, благодаря добросовѣстности, съ какою онъ пересчитываетъ всѣ пороги и перекаты, встрѣченные имъ на пути. На протяженіи 272 версты отъ Дербинскаго онъ долженъ былъ побороть 110 препятствій: 11 пороговъ, 89 перекатовъ и 10 такихъ мѣстъ, гдѣ фарватеръ былъ запруженъ наносными деревьями и карчами. Значитъ, рѣка среднимъ числомъ на каждыхъ двухъ верстахъ мелководна или засорена. Около Дербинскаго она имѣетъ въ ширину 20—25 саж., и чѣмъ она шире, тѣмъ мельче. Частые ея изгибы и завороты, стремительность теченія и мелководье не позволяютъ надѣяться, что она когда-нибудь будетъ судоходной въ серьезномъ значеніи этого слова. По мнѣнію Полякова, она годится быть только сплавною рѣкой. Лишь на послѣднихъ 70—100 верстахъ до устья, т.-е. тамъ, гдѣ меньше всего слѣдуетъ разсчитывать на колонизацію, она становится глубже и прямѣе, теченіе тутъ тише, пороговъ и перекатовъ нѣтъ вовсе; здѣсь можетъ ходить паровой катеръ и даже мелко-сидящій буксирный пароходъ.

Когда здѣшнія богатѣйшія рыбныя ловли попадутъ въ руки капиталистовъ, то, по всей вѣроятности, будутъ сдѣланы солидныя попытки къ очисткѣ и углубленію фарватера рѣки; быть можетъ, даже по берегу до устья пройдетъ желѣзная дорога и, нѣтъ сомнѣнія, рѣка съ лихвою окупитъ всѣ затраты. Но это въ далекомъ будущемъ. Въ настоящемъ же, при существующихъ средствахъ, когда приходится имѣть въ виду лишь ближайшія цѣли, богатства Тыми почти призрачны. Сельному населенію она даетъ до обиднаго мало. По крайней мѣрѣ, тымовскій поселенецъ живетъ такъ же впроголодь, какъ и александровскій.

Долина рѣки Тыми, по описанію Полякова, усѣяна озерами, старицами, оврагами, ямами; на ней нѣтъ ровныхъ

гладкихъ пространствъ, заросшихъ питательными кормовыми травами, нѣтъ поемныхъ заливныхъ луговъ и только изрѣдка попадаются луговины съ осокой: это—заросшія травой озера. По склонамъ гористаго берега растутъ густой хвойный лѣсъ, на отлогомъ берегу — береза, ива, ильма, осина и цѣлыя рощи изъ тополя. Тополь очень высокъ; у берега онъ подмывается, падаетъ въ воду и образуетъ карчи и запруды. Изъ кустарниковъ здѣсь черемуха, ивнякъ, шиповникъ, боярышникъ... Комаровъ тѣма. 1 августа утромъ былъ иней.

Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ растительность бѣднѣе. Мало-по-малу исчезаетъ тополь, ива обращается въ кустарникъ, въ общей картинѣ уже преобладаетъ песчаный или торфяной берегъ съ голубикой, моренкой и мохомъ. Постепенно рѣка расширяется до 75—100 саж., кругомъ уже тундра, берега низменны и болотисты... Съ моря подулъ холодкомъ.

Тымы впадаетъ въ Ныйскій заливъ или Тро—маленькая водная пустыня, служащая предверіемъ въ Охотское море или, что все равно, въ Тихій океанъ. Первая ночь, которую Поляковъ провелъ на берегу этого залива, была ясная, прохладная, и на небѣ сіяла небольшая комета съ раздвоеннымъ хвостомъ. Поляковъ не пишетъ, какія мысли наполняли его, пока онъ любовался на комету и прислушивался къ ночнымъ звукамъ. Сонъ «превозмогъ» его. На другой день утромъ судьба наградила его неожиданнымъ зрѣлищемъ: въ устьѣ у входа въ заливъ стояло темное судно съ бѣлыми бортами, съ прекрасною оснасткой и рубкой; на носу сидѣлъ живой привязанный орелъ *).

Берегъ залива произвелъ на Полякова унылое впечатлѣ-

*) У устья двухсаженный шестъ не хватало дна рѣки. Въ заливѣ можетъ стоять судно большого размѣра. Если бы на Охотскомъ морѣ близъ Сахалина было развито судоходство, то суда находили бы себѣ тутъ въ заливѣ тихую и вполнѣ безопасную стоянку.

ніе; онъ называетъ его типичнымъ характернымъ образкомъ ландшафта полярныхъ странъ. Растительность скудная, корявая. Отъ моря заливъ отдѣляется узкою длинною песчанюю косой доннаго происхожденія, а за этою косой безпредѣльно, на тысячи верстъ раскинулось угрюмое злое море. Когда съ мальчика, начитавшагося Майнъ-Рида, падаетъ ночью одѣяло, онъ зябнетъ и тогда ему снится именно такое море. Это — кошмаръ. Поверхность свинцовая, надъ нею «тяготѣетъ однообразное сѣрое небо». Суровыя волны бьются о пустынный берегъ, на которомъ нѣтъ деревьевъ, онѣ ревуть и рѣдко-рѣдко чернымъ пятномъ промелькнутъ въ нихъ китъ или тюлень *).

Въ настоящее время, чтобы попасть въ Тымовскій округъ, нѣтъ надобности переваливать черезъ Пилину по крутизнамъ и ухабамъ. Я уже говорилъ, что въ Тымовскій округъ изъ Александровска ѣздить теперь черезъ Арковскую долину и мѣняютъ лошадей въ Арковскомъ Станкѣ. Дороги здѣсь превосходныя и лошади ѣздить быстро. Въ 16 верстахъ отъ Арковского Станка находится первое по тракту селеніе Тымовскаго округа, съ названіемъ точно въ восточной сказкѣ—*Верхній Армуданъ*. Оно основано въ 1884 г. и состоитъ изъ двухъ частей, которыя расположились по склону горы около рѣчки Армуданъ, притока Тыми. Жителей здѣсь 178: 123 м. и 55 ж. Хозяевъ 75 и при нихъ совладѣльцевъ 28. Поселенецъ Васильевъ имѣетъ даже двухъ совладѣльцевъ. Въ сравненіи съ Александровскимъ округомъ въ большинствѣ селеній Тымовскаго, какъ увидить читатель, очень много совладѣльцевъ или половинщиковъ, мало женщинъ и очень мало законныхъ семей. Въ Верхнемъ Армуданѣ изъ 42 семей только 9 законныя. Женъ свободного состоянія, пришедшихъ за мужьями, только 3, т.-е.

*) Горн. инж. Лопатинъ въ серединѣ іюня видѣлъ здѣсь ледъ, который покрывалъ море; ледъ этотъ простоялъ до іюля. На Петровъ день въ чайникѣ замерзла вода.

столько же, какъ въ Красномъ Ярѣ или Бугаковѣ, существующихъ не больше года. Этотъ недостатокъ женщинъ и семей въ селеніяхъ Тымовскаго округа, часто поразительный, не соответствующій общему числу женщинъ и семей на Сахалинѣ, объясняется не какими-либо мѣстными или экономическими условіями, а тѣмъ, что всѣ вновь прибывающія партіи сортируются въ Александровскѣ и мѣстные чиновники, по пословицѣ «своя рубашка ближе къ тѣлу», задерживаютъ большинство женщинъ для своего округа и, притомъ, «лучшенькихъ себѣ, а что похуже, то намъ», какъ говорили мнѣ тымовскіе чиновники.

Избы въ В. Армуданѣ крыты соломой или корьемъ, въ нѣкоторыхъ окна не вставлены или наглухо забиты. Бѣдность воистину вопіющая. 20 человекъ не живутъ дома, ушли на заработки. Разработанной земли на всѣхъ 75 хозяевъ и 28 совладѣльцевъ приходится только 60 дес.; посѣяно зерна 183 пуда, т. е. меньше, чѣмъ по 2 пуда на хозяйство. Да едва ли можно разсчитывать здѣсь на хлѣбопашество, сколько бы ни сѣяли. Селеніе лежитъ высоко надъ уровнемъ моря и не защищено отъ сѣверныхъ вѣтровъ; снѣгъ таетъ здѣсь на двѣ недѣли позже, чѣмъ, напримѣръ, въ сосѣднемъ селеніи Мало-Тымовѣ. Ловить рыбу лѣтомъ ходять за 20—25 верстъ къ рѣкѣ Тыми, а охота на пушного звѣря имѣетъ характеръ забавы и такъ мало даетъ въ экономіи поселенца, что о ней даже говорить не стоить.

Хозяевъ и домочадцевъ я заставалъ дома; всѣ ничего не дѣлали, хотя никакого праздника не было и, казалось бы, въ горячую августовскую пору всѣ, отъ мала до велика, могли бы найти себѣ работу въ полѣ или на Тыми, гдѣ уже шла періодическая рыба. Хозяева и ихъ сожительницы, видимо, скучали и были готовы посидѣть, поговорить о томъ, о семъ. Отъ скуки они смѣялись и для разнообразія принимались плакать. Это—неудачники, въ большинствѣ невра-

стеники и вытики, «лишние люди», которые все уже испробовали, чтобы добыть кусок хлѣба, выбидись из силъ, которыхъ у нихъ такъ мало, и, въ концѣ-концовъ, махнули рукой, потому что нѣтъ «никакого способу» и не проживешь «никакимъ родомъ». Вынужденное бездѣлье мало-по-малу перешло въ привычное, и теперь они, точно у моря ждуть погоды, томятся, не-хотя спать, ничего не дѣлаютъ и, вѣроятно, уже неспособны ни на какое дѣло. Развѣ есть только въ картишки перекинуться. Какъ это ни странно, въ В. Армуданѣ картежная игра процвѣтаетъ и здѣшніе игроки славятся на весь Сахалинъ. За недостаткомъ средствъ армуданцы играютъ по очень маленькой, но играютъ зато безъ передышки, какъ въ пьесѣ: «30 лѣтъ или жизнь игрока». Съ однимъ изъ самыхъ страстныхъ и неутомимыхъ картежниковъ, поселенцемъ Сизовымъ, у меня происходилъ такой разговоръ:

— Отчего насъ, ваше превосходительство, не пускаютъ на материкъ?—спросилъ онъ.

— А зачѣмъ тебѣ туда? — пошутилъ я. — Тамъ, гляди, играть не съ кѣмъ.

— Ну, тамъ-то и игра настоящая.

— Въ што съ играете?—спросилъ я, помолчавъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство, въ што съ.

Потомъ, уѣзжая изъ В. Армудана, я спросилъ у своего кучера-каторжника:

— Вѣдь они на интересъ играютъ?

— Известно, на интересъ.

— Но что же они проигрываютъ?

— Какъ что? Казенный пай, хлѣбъ тамъ или копченую рыбу. Харчи и одежду проиграетъ, а самъ голодный и холодный сидитъ.

— А что же онъ ѣстъ?

— Чего? Ну, выиграетъ—и добѣсть, а, не выиграетъ—и такъ спать ляжетъ, не ѣвни.

Ниже, на томъ же притоки, есть еще селеніе поменьше— *Нижній Армуданъ*. Сюда я приѣхалъ поздно вечеромъ и ночевалъ въ надзирательской на чердакѣ, около печного борова, такъ какъ надзиратель не пустилъ меня въ комнату. «Ночевать здѣсь нельзя, вамъ высокочелобордіе; клоповъ и таракановъ видимо-невидимо—сила!—сказалъ онъ, беспомощно разводя руками.—Пожалуйте на вышку». На вышку пришлось взбираться въ темнотѣ по наружной лѣстницѣ, мокрой и скользкой отъ дождя. Когда я навѣдался внизъ за табакомъ, то увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ «силу», изумительную, возможную, вѣроятно, на одномъ только Сахалинѣ. Стѣны и потолокъ, казалось, были покрыты траурнымъ крепомъ, который двигался, какъ отъ вѣтра; по быстро и беспорядочно снующимъ отдѣльнымъ точкамъ на крепѣ можно было догадаться, изъ чего состояла эта кипящая, переливающаяся масса. Слышались шуршанье и громкій шопотъ, какъ будто тараканы и клопы спѣшили куда-то и совѣщались *).

Жителей въ Нижнемъ Армуданѣ 101:76 м. и 25 ж. Хозяевъ 47 и при нихъ совладѣльцевъ 23. Законныхъ семей 4, незаконныхъ 15. Женщинъ свободнаго состоянія только 2. Нѣтъ ни одного жителя въ возрастѣ 15—20 лѣтъ. Народъ бѣдствуетъ. Только 6 домовъ покрыты тесомъ, остальные же корьемъ, и такъ же, какъ въ Верхнемъ Армуданѣ, кое-гдѣ окна не вставлены вовсе или наглухо забиты. Я не записалъ ни одного работника; очевидно, самимъ хозяевамъ дѣлать нечего. Ушло на заработки 21. Земли разработано подъ пашню и огороды съ 1884 г., когда селеніе было

*) Кстати, у сахалинцевъ существуетъ мнѣніе, будто клоповъ и таракановъ приносятъ изъ тѣсу во мхѣ, которымъ здѣсь конопатятъ постройки. Мнѣніе это выводятъ изъ того, что не успѣютъ-де проконопатить стѣны, какъ уже въ щеляхъ появляются клопы и тараканы. Повѣрно, мохъ тутъ не причемъ; насѣкомыхъ приносятъ на себя плотники, ночующіе въ тюрьмѣ или въ поселенческихъ избахъ.

основано, только 37 десятинъ, т.-е. по $\frac{1}{2}$ дес. на каждаго хозяина. Посѣяно озимаго и ярового хлѣба 183 пуд. Селеніе совсѣмъ не похоже на хлѣбопашескую деревню. Здѣшніе жители, это — безпорядочный сбродъ русскихъ, поляковъ, финляндцевъ, грузинъ, голодныхъ и оборванныхъ, сошедшихся вмѣстѣ не по своей волѣ и случайно, точно послѣ кораблекрушенія.

Слѣдующее по тракту селеніе лежитъ на самой Тыми. Основано оно въ 1880 г. и названо *Дербинскимъ* въ честь смотрителя тюрьмы Дербина, убитаго арестантомъ за жестокое обращеніе. Это былъ еще молодой, но тяжелый, крутой и неумолимый человѣкъ. По воспоминаніямъ людей, знавшихъ его, онъ всегда ходилъ въ тюрьму и по улицамъ съ палкой, которую бралъ съ собой для того только, чтобы бить людей. Его убивали въ пекарнѣ; онъ боролся и упалъ въ квашню и окровянилъ тѣсто. Его смерть вызвала среди арестантовъ всеобщую радость, и они собрали его убійцѣ по мелочамъ 60 рублей.

Прошлое у селенія Дербинскаго вообще не радостное. Одна часть равнины, на которой оно теперь стоитъ, узкая, была покрыта сплошнымъ березовымъ и осиновымъ лѣсомъ, а на другой части, болѣе просторной, но низменной и болотистой и, казалось бы, негодной для поселенія, росъ густой еловый и лиственничный лѣсъ. Едва покончили съ рубкой лѣса и раскорчевкой подъ избы, тюрьму и казенные склады, потомъ съ осушкой, какъ пришлось бороться съ бѣдой, которой не предусмотрѣли колонизаторы: рѣдушка Амга въ весеннее половодье заливала все селеніе. Нужно было рыть для нея другое русло и давать ей новое направленіе. Теперь Дербинское занимаетъ площадь больше чѣмъ въ квадратную версту и имѣетъ видъ настоящей русской деревни. Въѣзжаешь въ него по великолѣпному деревянному мосту; рѣка веселая, съ зелеными берегами, съ ивами, улицы широкія, избы съ тесовыми крышами и съ

дворами. Новыя тюремныя постройки, всякіе склады и амбары и домъ смотрителя тюрьмы стоятъ среди селенія и напоминаютъ не тюрьму, а господскую экономію. Смотритель все ходитъ отъ амбара къ амбару и звенитъ ключами; — точь-въ-точь какъ помѣщикъ добраго стараго времени, дѣнно и ночью пекущійся о запасахъ. Жена его сидитъ около дома въ палисадникѣ, величественная, какъ маркиза, и наблюдаетъ за порядкомъ. Ей видно, какъ передъ самымъ домомъ изъ открытаго парника глядятъ уже созрѣвшіе арбузы и около нихъ почтительно, съ выраженіемъ рабскаго усердія, ходитъ каторжный садовникъ Каратаевъ; ей видно, какъ съ рѣки, гдѣ арестанты ловятъ рыбу, несутъ здоровую, отборную кѣту, такъ-называемую «серебрянку», которая идетъ не въ тюрьму, а на балычки для начальства. Около палисадника прогуливаются барышни, одѣтыя, какъ ангельчики; на нихъ шьетъ каторжная модистка, присланная за поджогъ. И кругомъ чувствуются тихая, пріятная сытость и довольство; ступаютъ мягко, по-кошачьи, и выражаются тоже мягко: рыбка, балычки, казенное довольствіе...

Жителей въ Дербинскомъ 739:442 м. и 297 ж., а съ тюрьмою будетъ всего около тысячи. Хозяевъ 250 и при нихъ совладѣльцевъ 58. Какъ по наружному виду, такъ и по количеству семей и женщинъ, по возрастному составу жителей и вообще по всемъ относящимся къ нему цифрамъ, это одно изъ немногихъ селеній на Сахалинѣ, которое серьезно можно назвать селеніемъ, а не случайнымъ сборомъ людей. Законныхъ семей въ немъ 121, свободныхъ 14, и между законными женами значительно преобладаютъ женщины свободнаго состоянія, которыхъ здѣсь 103; дѣти составляютъ треть всего населенія. Но при попыткѣ понять экономическое состояніе дербинцевъ опять-таки наталкиваемся, прежде всего, на разныя случайныя обстоятельства, которыя здѣсь играютъ такую же главную и подчиняющую роль, какъ и въ другихъ селеніяхъ Сахалина. И здѣсь